
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

4 (73) • 2018

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Ныркв (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; А.С. Анисимова (ответственный секретарь); В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; Е.Н. Абанина, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; В.А. Бабаков, к.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; А.А. Волос, к.ю.н., доцент; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; Р.С. Маркунин, к.ю.н.; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., профессор; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина, к.ю.н.; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; Д.С. Хижняк, к.ю.н., доцент; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

С.А. Белоусов, д.ю.н., доцент; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; А.Н. Савенков, д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН; С.Б. Суровов, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Е.Е. Фролова, д.ю.н.; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); С.Ф. Ударцев, д.ю.н., профессор (Республика Казахстан); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; A.S. Anisimova (executive secretary); V.A. Abaldujev, Candidate of Law, Associate Professor; E.N. Abanina, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; V.A. Babakov, Candidate of Law, Associate Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; A.A. Volos, Candidate of Law, Associate Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; R.S. Markunin, Candidate of Law; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina, Candidate of Law; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; D.S. Hizhnjak, Candidate of Law, Associate Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

S.A. Belousov, Doctor of Law, Associate Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; A.N. Savenkov, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of RAS; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; E.E. Frolova, Doctor of Law; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Voloshin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); S.F. Udartsev, Doctor of Law, Professor (The Republic of Kazakhstan); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Груздев В.В. (г. Кострома), Бабичева Н.А. (г. Луганск)*
К дискуссии об общесоциальных мерах предупреждения
умышленного уничтожения или повреждения имущества
путем поджога 8
- Радченко В.И., Углонова О.А. (г. Саратов)*
Администрация Президента Российской Федерации:
правовая политика и эффективность управления 13
- Рудковский В.А. (г. Волгоград)*
Моделирование в правовой политике 17
- Липинский Д.А. (г. Тольятти)*
О юридико-технических конструкциях
поощрительных альтернативных санкций и их влиянии
на индивидуализацию позитивной юридической ответственности 21
- Барсуков А.Ю. (г. Саратов)*
К вопросу о понятиях «юридический цикл»
и «цикл правового развития» 25

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

- Туманова Л.В. (г. Саратов)*
Система государственных законов в правовой мысли России
первой половины XIX века 30
- Нырков В.В., Хакимов Э.И. (г. Саратов)*
Санкция приостановления как вид наказания в российском праве:
общетеоретический аспект 35
- Плотникова И.Н. (г. Саратов)*
Система экономических прав и свобод человека и гражданина:
проблемы классификации и содержания 40
- Старшова У.А. (г. Саратов)*
Понятие, признаки и перспективы развития
современного социального государства: российский
и зарубежный опыт 48
- Липкина Н.Н. (г. Саратов)*
Состояние необходимости в общем международном праве
и дерогация в международном праве прав человека:
соотношение правовых институтов 53
- Баринев П.С. (г. Саратов)*
Обесценивание правовых категорий и правовой нигилизм:
вопросы соотношения и взаимосвязи 59
- Робак В.А. (г. Симферополь)*
Вопросы квалификации хищения и вымогательства оружия,
боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств 64
- Аниканов А.К. (г. Саратов)*
Проблемы совершенствования судебной власти
в политико-правовых воззрениях И.Т. Посошкова 69
-

<i>Сухова Н.И. (г. Саратов)</i> Критические замечания по использованию некоторых логических форм познания правовой действительности	72
--	----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Смирнов Д.А., Боташева Л.Э.</i> К вопросу об особенностях налогообложения на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности	78
<i>Апанасенко А.Е.</i> Вопросы правового регулирования обязательного страхования транспортных средств	83
<i>Купаев А.А.</i> К вопросу об ограничении конституционных прав граждан больных ВИЧ/СПИДОМ в странах Содружества Независимых Государств	87
<i>Проводина О.А.</i> О проблемных правовых аспектах и перспективах установления особых экономических зон в Республике Абхазия	93
<i>Шевчук С.С.</i> Становление и развитие теории юридических фактов в праве (история и современность)	98

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

<i>Трофимов В.В., Свиридов В.В.</i> Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе	106
<i>Самородов В.Ю.</i> Правотворческая политика и культура правотворчества: проблема соотношения и взаимосвязи	114
<i>Бибаров-Государев А.П.</i> Государственно-правовая политика современной России в сфере сохранения национального достояния: некоторые аспекты теории и практики	120

Трибуна молодых ученых

<i>Ярцев В.А. (г. Липецк)</i> Право на обращение в органы государственной власти в России и зарубежных странах	126
--	-----

<i>Койлова М.В. (г. Ставрополь)</i> Механизм налогового стимулирования через призму принципа справедливости	130
<i>Павлов А.В. (г. Москва)</i> Противостояние Европы и США: между «мягкой силой» и «твердой слабостью»	135
<i>Тюляков Д.С. (г. Саратов)</i> Средства защиты от рисков в процессуальном праве	141
<i>Землянская М.А. (г. Саратов)</i> Финансово-правовые основы капитального ремонта	143
<i>Абрамян К.О. (г. Саратов)</i> Сообщение о преступлении как форма социально активного поведения в уголовном праве	148

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Е.Е. Тонкова	155
---------------------------------	-----

CONTENT

THE POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Gruzdev V.V. (Kostroma), Babicheva N.A. (Lugansk)</i> To the discussion on social-social measures of prevention of intentional destruction or damage to property by arson	8
<i>Radchenko V.I., Uglanova O.A. (Saratov)</i> Administration of the President of the Russian Federation: legal policy and management efficiency	13
<i>Rudkovsky V.A. (Volgograd)</i> Modelling in legal policy	17
<i>Lipinsky D.A. (Togliatti)</i> On legal and technical designs of incentive alternative sanctions and their impact on the individualization of positive legal responsibility	21
<i>Barsukov A.Y. (Saratov)</i> On the question of the concepts of «legal cycle» and «legal development cycle»	25

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

<i>Tumanova L.V. (Saratov)</i> The system of state laws in the Russian legal thought in the first half of XIXth century	30
<i>Nyrkov V.V., Khakimov E.I. (Saratov)</i> The sanction of suspension as a special kind of punishments in Russian law: general theoretical aspect	35

<i>Plotnikova I.N. (Saratov)</i>	System of economic rights and freedoms of human and citizen: problems of classification and content	40
<i>Starshova U.A. (Saratov)</i>	The definition, the signs and the perspectives of the development of a modern social state: Russian and foreign experience	48
<i>Lipkina N.N. (Saratov)</i>	State of necessity in general international law and derogation in international human rights law: correlation of legal categories	53
<i>Barinov P.S. (Saratov)</i>	Devaluation of legal categories and legal nihilism: the correlation and relationships	59
<i>Robak V.A. (Simferopol)</i>	Issues of qualification of embezzlement and racketeering of weapons, ammunition, explosive substances and explosive devices	64
<i>Anikanov A.K. (Saratov)</i>	Problems of improving the judiciary in the political and legal views of I.T. Pososhkov	69
<i>Suhova N.I. (Saratov)</i>	Critical remarks on the use of some logical forms of cognition of legal reality	72

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION – LAW INSTITUTE
OF THE NORTH-CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY**

<i>Smirnov D.A., Botasheva L.E.</i>	On the issue of the peculiarities of taxation in the territories with a special regime of entrepreneurial and investment activity	78
<i>Apanasenko A.E.</i>	Questions of legal regulation of obligatory insurance of vehicles	83
<i>Kupaev A.A.</i>	On the question about limitation of constitutional rights of citizens of HIV/AIDS patients in The Commonwealth Of Independent States	87
<i>Provodina O.A.</i>	On problematic aspects and prospects of establishing special economic zones in the Republic of Abkhazia	93
<i>Shevchuk S.S.</i>	Formation and development of the theory of legal facts in law (history and modernity)	96

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION – TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED
AFTER G.R. DERZHAVIN**

<i>Trofimov V.V., Sviridov V.V.</i>	Legal co-creation: concept definition and role in the Russian law-making	106
--	--	-----

<i>Samorodov V.Y.</i>	
The Law-Making Policy and the Culture of Law-Making: Problem of Relation and Interconnection	114
<i>Bibarov-Gosudarev A.P.</i>	
State-legal policy of modern Russia in the sphere of national heritage preservation: some aspects of theory and practice	120

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Yartsev V.A. (Lipetsk)</i>	
The right to appeal to state authorities in Russia and foreign countries	126
<i>Koilova M.V. (Stavropol)</i>	
The mechanism of tax incentives through the prism of the principle of justice	130
<i>Pavlov A.V. (Moscow)</i>	
The confrontation between Europe and the United States: between «soft power» and «solid weakness»	135
<i>Tulyakov D.S. (Saratov)</i>	
Protection from the risks in procedural law	141
<i>Zemlyanskaya M.A. (Saratov)</i>	
Financial-legal basis of capital repairs	143
<i>Abramyan K.O. (Saratov)</i>	
Efficiency of punishment in the mechanism of legal-regulation: theoretical-criminological analysis	148

PERSONALITIES

For the anniversary of E.E. Tonkova	155
---	-----

• ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

В.В. Груздев,
доктор юридических наук, профессор
Костромского государственного
университета

Н.А. Бабичева,
Луганская академия внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко

V.V. Gruzdev,
Doctor of Law, Professor
Kostroma State University
vgruzdev@ksu.edu.ru

N.A. Babicheva,
Lugansk Academy of Internal Affairs
named after E.A. Didorenko
babicheva_natalya@inbox.ru

К дискуссии об общесоциальных мерах предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога

***Аннотация:** на основе анализа научных взглядов и правоприменительной практики предлагается комплекс общесоциальных мер предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса РФ). По мнению авторов, система вышеуказанных мер, как элемент социального управления, выступает фундаментальной опорой ментального воспитания граждан в духе соблюдения действующего законодательства, важнейшим условием для эффективной превентивной деятельности органов внутренних дел. Система общесоциальных мер предупреждения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога представлена и раскрыта в форме трех взаимосвязанных блоков: социально-экономического, морально-психологического и организационно-управленческого. Группа входящих в данную систему элементов дополнена не менее перспективными направлениями работы органов внутренних дел. К ним, в частности, относится организация сотрудничества со средствами массовой информации, а также с общественными организациями и отдельными гражданами, оказывающими содействие в охране общественного порядка и профилактике правонарушений.*

***Ключевые слова:** преступление, предупреждение, уничтожение имущества, повреждение имущества, поджог, общесоциальные меры предупреждения, координация действий, средства массовой информации, внештатный сотрудник полиции, пиромания.*

To the discussion on social-social measures of prevention of intentional destruction or damage to property by arson

***Abstract:** in the article, based on the analysis of scientific views and law enforcement practice, a set of general social measures to prevent intentional destruction or damage to property by arson (part 2 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation) is proposed. According to the authors' opinion, the system of the above measures, as an element of social management, is a fundamental base of the mental education of citizens in the spirit of compliance with the current legislation, the most important condition for effective preventive activity of the internal affairs bodies. A system of general social measures to prevent the deliberate destruction or damage to another's property by arson is presented and disclosed in the form of three interrelated blocks: socio-economic, moral and psychological, and organizational and managerial. The group of elements included in this system is supplemented by no less promising areas of work of the internal affairs bodies. They include the organization of cooperation with the media, as well as with public organizations and individuals who assist in the protection of public order and the prevention of violations.*

***Keywords:** crime, warning, destruction of property, damage to property, arson, general measures of prevention, coordination of actions, mass media, freelance police officer, pyromania.*

Предупреждение преступлений является одним из основных направлений деятельности ОВД, обеспечивающих безопасность граждан, соблюдение их прав и в целом правопорядок в Российской Федерации. Особо значима эта функция применительно к общественно опасным деяниям, посягающим на защищенные Основным Законом ценности, причиняющим значительный материальный, моральный вред человеку и государству. К таким преступлениям относится умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Анализ литературных источников позволяет отметить, что в современной юридической доктрине меры превенции умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога рассмотрены фрагментарно и несистемно, в отрыве от теоретической модели предупреждения. В частности, без надлежащего внимания остаются вопросы, касающиеся общесоциального предупреждения указанных преступлений. Данные обстоятельства обуславливают необходимость научного исследования сложившейся проблемы и разработки рекомендаций.

Так, ряд авторов высказывают мнение о том, что основу социальной профилактики составляют различные виды стимулирования, то есть непринудительные методы, при помощи которых осуществляется социализация и ресоциализация индивида [1, с. 6–7]. Само общесоциальное предупреждение трактуется как комплекс перспективных социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий, направленных на решение общегосударственных задач, совершенствование общественных отношений и устранение или нейтрализацию детерминант преступности [2, с. 95].

На наш взгляд, общесоциальные меры предупреждения умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога как элемент социального управления прикладного значения выступают фундаментальной опорой ментального воспитания граждан в духе соблюдения действующего законодательства, важнейшим условием для эффективной превентивной деятельности ОВД. Перечень таких мер и их содержание составляют научно-практические разработки, одобряемые и отстаиваемые криминологическим сообществом в рамках публичных дискуссий.

В данном контексте достаточно убедительной видится позиция А.Н. Литвинова, согласно которой направления предупреждения должны отвечать условиям эффективного функционирования социально-правового механизма противодействия преступности. К таким условиям отнесены: устранение последствий экономического кризиса; стабилизация политической сферы; формирование положительной социальной идеологии; формирование общегосударственной системы мер по противодействию преступности и дальнейшее совершенствование как указанной деятельности в целом, так и отдельных ее направлений, особенно правоохранительной деятельности [3, с. 165].

Не менее познавательным является мнение Т.А. Денисовой, которая обоснованно, по нашему мнению, считает, что общая превенция достигается: неотвратимостью наказания; наличием в уголовном законодательстве

санкций; судебным разбирательством дела; публичностью приговора; правовой пропагандой; высоким уровнем правовой культуры и др. [4, с. 69].

Другие авторы систему предупреждения преступлений традиционно рассматривают в экономической, политической, идеологической, организационной плоскостях. Их точка зрения заключается в том, что общесоциальные меры не ставят перед собой специальных целей борьбы с преступностью. Однако они имеют важный криминологический аспект, становясь платформой специального предупреждения, поскольку их направленность создает предпосылки для уменьшения уровня преступности [5, с. 22].

Опираясь на приведенные концептуальные положения, а также широко рассмотренные в научных работах детерминации криминальных поджогов, предложим группу общесоциальных мер предупреждения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога, состоящую из трех блоков: социально-экономического, морально-психологического и организационно-управленческого.

Так, к мерам, направленным на устранение социально-экономических причин совершения обозначенного преступления, относятся следующие:

- развитие рынка труда путем оздоровления экономики, повышения эффективности использования ее ресурсного потенциала, поддержки предпринимательской деятельности, улучшения инвестиционной активности и т. д.;
- последовательность в реализации уголовно-правовой политики государства;
- приведение в соответствие с текущими экономическим преобразованиям социального обеспечения граждан, его своевременное улучшение;
- соблюдение имущественных прав граждан, а также сопряженных с ними интересов;
- системное укрепление социальных связей между людьми;
- организация надлежащего правового и нравственного воспитания граждан, укрепления их инициативы по недопущению преступлений и правонарушений.

К мерам, влияющим на устранение морально-психологических причин умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога, относим:

- разработку и реализацию программ, обеспечивающих адаптацию населения к изменяющимся экономическим условиям в направлении минимизации стрессов, эмоциональных срывов и других негативных психологических явлений;
 - противодействие пропаганде культа насилия, жестокости, авторитета силового решения конфликтных ситуаций;
 - организацию мониторинга деятельности радикально настроенной молодежи с проведением соответствующей профилактической работы;
 - противодействие явлениям, влияющим на социальную дезадаптацию, деградацию несовершеннолетних и вовлечение их в преступную среду (алкоголизма, наркомании, токсикомании, бесконтрольности и др.);
-

– системное проведение разъяснительной работы с гражданами по вопросам уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога.

К мерам, способствующим устранению организационно-управленческих причин умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога, относим:

– организацию эффективного взаимодействия уполномоченных подразделений ОВД по профилактике поджогов;

– создание условий для своевременного и подобающего реагирования сотрудников ОВД на хулиганские и иные проступки, сопровождаемые попытками повреждения имущества и угрозами поджогов;

– координацию действий между уполномоченными и другими оперативными подразделениями ОВД, осуществляющими противодействие тяжким и особо тяжким преступлениям, совершаемым с поджогом чужого имущества (убийства, кражи имущества, неправомерные завладения автомобилями или иными транспортными средствами и т. д.);

– укрепление оперативных позиций в среде лиц, находящихся на учете ОВД, а также располагающих связями с криминальным элементом;

– организацию мониторинга образа жизни и деятельности лиц, освобожденных из мест лишения свободы;

– обеспечение контроля за психически нездоровыми лицами, состоящими на учете в лечебных учреждениях и страдающими пироманией, организацию действенной профилактической работы с ними.

Предложенная группа общесоциальных мер предупреждения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога не универсальна и может быть дополнена иными, не менее перспективными направлениями работы ОВД. Речь идет, например, об организации тесного сотрудничества со средствами массовой информации. Взаимодействие, основанное на информировании населения о результатах превентивной деятельности правоохранителей, предусматривающее осуждение фактов пассивного отношения граждан к поджогам и иным способам уничтожения или повреждения чужого имущества, отражает незаменимую воспитательную функцию, нацеливает граждан на профилактическую активность и готовность оказывать помощь ОВД, выступает надежным инструментом влияния на правосознание населения, способствует его укреплению.

В рамках такого сотрудничества, как нам кажется, было бы нелишним также освещать нетипичные бытовые (жизненные) ситуации, в том числе и курьезные, повлекшие возгорание собственности граждан. Например, «в американском городе Саутвик, штат Массачусетс, собака случайно устроила пожар, ворюя оставленные на плите блины (об этом сообщает Bay News 9). Инцидент произошел, когда хозяев золотистого ретривера не было дома. Камеры наблюдения запечатлели, как питомец, забравшийся на плиту, украл один блин. Скрываясь с места преступления, собака случайно включила одну из конфорок. Вскоре загорелся оставленный на плите предмет, и комната стала наполняться дымом, после чего сработала пожарная сигнализация.

Прибывшие на место экстренные службы успели остановить распространение огня, дом существенно не пострадал. Местный пожарный департамент опубликовал на своей странице в Facebook видеозапись с камер наблюдения и призвал жителей города проследить, чтобы дети или домашние питомцы не смогли случайно включить газовую плиту» [6].

Наряду со средствами массовой информации значимую роль в общесоциальном предупреждении умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества путем поджога могут играть общественные организации и отдельные граждане, оказывающие содействие ОВД в охране общественного порядка и профилактике правонарушений. Положительный эффект такого сотрудничества наглядно просматривается на примере добровольных народных дружин, внештатных сотрудников, систематически участвующих в мероприятиях по обеспечению безопасности в регионах.

В частности, в Костроме сотрудник полиции совместно с добровольными помощниками регулярно осуществляют рейды в значимые места, посещают места массового скопления людей, парки, кафе, заброшенные здания и недостроенные объекты, проводят беседы с потенциальными нарушителями. Главное оружие дружинников – слово. Как отмечают сотрудники костромской полиции, «внештатники» – солидное подспорье в работе по обеспечению безопасности и в первую очередь по профилактике преступности. Общественное внимание и порицание со стороны умудренных опытом жителей области часто действуют намного убедительнее, нежели материальное наказание в виде штрафа [7, 8].

Список литературы:

1. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учеб. пособие. – Красноярск. 1999. – С. 6–7.
2. Кримінологія: Загальна та Особлива частини / І.М. Даньшина. – Х.: Право, 2003. – 352 с.
3. Литвинов, О.М. Соціально-правовий механізм протид злочинності в Україні : монографія. – Х.: Вид-во Харк. нац. ун-ту внутр. справ, 2008. – 446 с.
4. Денисова, Т. Запобігання злочинам як одна з пріоритетних функцій кримінального покарання // Право України. – 2009. – № 7. – С. 66–72.
5. Медицький, І.Б. Запобігання злочинності : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. – Івано-Франківськ: Видавець Віктор Дяків, 2008. – 220 с.
6. Укравший блины пес поджег хозяйский дом. [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.mail.ru/society/32475438/?frommail=1> (дата обращения: 05.05.2018).
7. Под надежной защитой [Электронный ресурс]. – URL: <https://44.xn--b1aew.xn--plai/news/item/10564326/> (дата обращения: 05.05.2018).
8. Профилактика – залог порядка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://44.xn--b1aew.xn--plai/news/item/12149971/> (дата обращения: 05.05.2018).

В.И. Радченко,
доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного права
Саратовской государственной
юридической академии

V.I. Radchenko,
Doctor of law, Professor
of Department of constitutional law of
Saratov state law Academy

О.А. Углонова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного права
Саратовской государственной
юридической академии

O.A. Uglanova,
Candidate of law, Associate Professor
of Department of constitutional law of
Saratov state law Academy
tatugl@yandex.ru

Администрация Президента Российской Федерации: правовая политика и эффективность управления

***Аннотация:** при республиканской форме правления глава государства не может обойтись без подотчетного ему рабочего аппарата — Администрации. Ее функции, задачи, естественно, различны в зависимости от вида республики — парламентарной или президентской. В статье исследуется роль Администрации Президента как одного из органов публичной власти страны.*

***Ключевые слова:** органы государственной власти, Администрация Президента Российской Федерации, взаимодействие субъектов Федерации, модернизация, постановления Конституционного Суда Российской Федерации.*

Administration of the President of the Russian Federation: legal policy and management efficiency

***Abstract:** the administration of the President of the Russian Federation the legal and historical aspect of the formation. When any form of government primarily Republican form of government, no head of state can not rely and will not be without accountable staff — Administration. Functions, tasks, naturally different, depending on the form of government — parliamentary or presidential. Examines the role of the presidential Administration — is primarily one of the elements of public authority of the country.*

***Keywords:** public authority, The administration of the President of the Russian Federation, the interaction of the parts of Federation, modernization, decrees of the Constitutional Court of Russian Federation.*

В Указах Президента РФ [1, 2] обозначен не только статус Администрации Президента Российской Федерации, правовые основы ее деятельности, но и статус должностных лиц, обеспечивающих деятельность главы государства, пожалуй, самое главное — это контроль за исполнением решений Президента РФ. Роль и значение института Президента РФ определяются прежде всего ст. 11 Конституции РФ, в которой четко и недвусмысленно говорится о том, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют четыре ветви власти: Президент РФ, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ и суды. Данная норма подчеркивает, что сам принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ, как один из фундаментальных принципов основ конституционного строя будет активнее функционировать при непосредственном «присутствии» главы государства во всех трех самостоятельных ветвях власти.

В литературе достаточно подробно анализировалось и само возникновение института Президента, его значение для реформирования российской государственности, однако, на наш взгляд, недостаточно показана роль и значение такого государственного органа, как Администрация Президента Российской Федерации. Согласно Указу Президента, Администрация в соответствии с п «и» ст. 83 Конституции РФ обеспечивает деятельность Президента РФ и осуществляет контроль за исполнением решений Президента Российской Федерации [3].

Естественно, что на протяжении 26 лет существования и эволюции института Президента (глава исполнительной власти, высшее должностное лицо, с принятием Конституции 1993 г. — глава Государства) не могли не меняться значение и функции его «рабочего» аппарата — Администрации.

После детального изучения функций, места и роли Администрации Президента РФ в государственном механизме власти можно выделить несколько этапов ее становления. Как известно, датой возникновения Администрации Президента Б.И. Ельцина считается 19 июля 1991 г., в то время она была создана исключительно как рабочий аппарат для обеспечения деятельности не только Президента, но и вице-президента РСФСР и председателя Правительства [4, с. 372–383].

В отличие от устоявшейся системы администрации Президента США и кабинета Президента Франции Администрация Президента РФ в своем становлении и развитии прошла пять этапов (начиная от Указа 1991 г. и заканчивая Указом Президента РФ В.В. Путина № 490 от 6 апреля 2004 г.). Однако после 2004 г. было издано еще 12 Указов Президента РФ (последний от 25 августа 2016 г. № 430), дополняющий и уточняющий или исключающий ряд предыдущих формулировок «Положения» начиная с 25 июля 1996 г. № 1101 «О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента Российской Федерации» [5, с. 66–67].

Объем полномочий и функций Администрации Президента РФ сегодня таков, что не может не вызвать интереса.

Представляется, что при любой форме правления ни один глава государства не может обойтись без подотчетного ему рабочего аппарата — Администрации. Функции, задачи, безусловно, различны, в зависимости от формы правления — парламентарной или президентской. Однако при любых обстоятельствах — это ключевой элемент при выполнении возложенных на президента конституцией функций. Это не застывшая форма власти главы государства, а постоянно функционирующий аппарат, призванный в том числе выполнять задачи, не всегда зафиксированные его положением, во взаимоотношениях со всеми органами публичной власти данного государства.

Более того, если внимательно проанализировать Положение об Администрации Президента Российской Федерации, то можно убедиться в том что нет такой области деятельности Администрации Президента, которая могла бы «выпасть» из поля зрения главы государства. Убедительные доказательства тому приводит в своей статье И.В. Борисова [6, с. 10].

Анализируя роль Администрации Президента РФ, нельзя не сказать о статусе такого должностного лица в аппарате полномочного представителя

Президента РФ в федеральном округе, как Главный федеральный инспектор аппарата полномочного представителя Президента.

Федеральный инспектор, например в Саратовской области, призван обеспечить, организовать на уровне субъекта РФ систему действий, направленных на решение основных задач, определяемых, в частности, «Положением о Главном федеральном инспекторе аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе (25.03.2017)» [7].

Целый ряд задач и функций главного федерального инспектора подчинен, как и положено, представителю полномочного представителя Президента, что обеспечивается его определенным положением функций в соответствующем округе.

Считаю необходимым высказать свое мнение по поводу института власти на уровне субъекта Российской Федерации. Попытаемся оценить эффективность обозначенного института власти страны сегодня. Представим 85 субъектов Российской Федерации плюс аппарат федерального инспектора в этих субъектах Федерации (включая орг. технику, помощников и т.д.). Оправданны ли такие расходы для государства? Не вызвала сомнений необходимость существования данного института власти, начиная с 90-х гг. прошлого столетия, когда «новая» власть только укреплялась.

Слабость центральной власти обусловила возникновение такого института, как Полномочный представитель Президента, и должности федерального инспектора соответствующих субъектов РФ [8, с. 89–106].

Прошло 18 лет (точкой отсчета мы считаем 13 мая 2000 г.) с момента создания сначала семи федеральных округов в Российской Федерации Президентом РФ В.В. Путиным.

Он основательно, эффективно и принципиально укрепил центральную власть, ее структуры (Генеральная прокуратура, МВД, ФСБ), были созданы соответствующие силовые структуры в федеральных округах Российской Федерации, главное – была прекращена гражданская война на Северном Кавказе. Действия центральной власти, решительные меры не могли не привести к стабилизации обстановки в стране, укреплению вертикали власти и властных структур государства, в конечном итоге они обеспечили стабильность и устойчивость не только правового поля России, но и укрепили государственность и территориальную целостность России, ее суверенитет.

В связи с этим возникает вопрос об эффективности должности федерального инспектора в каждом конкретном субъекте Федерации. Представляется более целесообразным включение его в состав администрации главы соответствующего субъекта Федерации в качестве одного из первых заместителей.

Сегодня власть в Российской Федерации сильна как никогда и в центре и на местах. Есть эффективно и реально действующие структуры силового блока страны, гражданские институты власти: политические партии, ассоциации товаропроизводителей и предпринимателей, многочисленные союзы граждан и ассоциаций, СМИ, культурные сообщества и общественные союзы, федеральные и региональные и т.д., которые в состоянии эффектив-

но обеспечить их гарантиями и функциями, даже более эффективно, чем федеральный инспектор с его немногочисленным аппаратом.

Все приведенные аргументы (естественно, они не бесспорны) лишь подтверждают наше предположение и видение значения и роли Администрации Президента Российской Федерации в системе разделения властей не только как «рабочего» вспомогательного аппарата главы государства, но и как самостоятельного органа власти. Мы сознательно, как и ряд других авторов, не стали перечислять функции почти всех подразделений Администрации Президента, как и полномочия представителя Президента РФ в федеральном округе. Свою задачу мы видим в том, чтобы попытаться показать и доказать, что институт Президента РФ — это самостоятельная — четвертая ветвь власти, которая не укладывается в классическую теорию Ш.Л.Монтескье. Об этом мы писали неоднократно, в частности один из авторов данной статьи [9–10].

Решения Конституционного Суда РФ (их порядка 30), касающиеся анализа и нормативного содержания ст. 80 Конституции, не вызывают никаких сомнений в эффективности данной нормы. Не случайно в этих решениях не говорится о роли и значении такого органа публичной власти, как Администрация Президента РФ. Однако представляется, что фактически существует обширный перечень полномочий Администрации, без которого полномочия Президента как главы государства были бы неосуществимы, что вновь подтверждает самостоятельность четвертой ветви власти — власти Президента РФ.

Список литературы:

1. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25 августа 2016 г. № 430 // СЗ РФ. — 2016. — № 35, ст. 5302;
2. О мерах по совершенствованию структуры Администрации Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 12 февраля 1998 г. № 162 (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».
3. Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации : Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 (в ред. от 25 августа 2016 г.) // СПС «Гарант».
4. Конституционное право зарубежных стран. — М., 2004. — С. 372–383.
5. Мамонов, В.В. Конституционные гарантии национальной безопасности России / В.В. Мамонов ; под ред. В.Т. Кабышева. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. — С. 6667.
6. Борискова, И.В. Формирование и полномочия Администрации Президента Российской Федерации // Территория науки. — 2015 — № 4. — С. 10.
7. Положение о Главном федеральном инспекторе аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. — URL: <http://federalrb.ru/apparat/normbase.htm?id=5>
8. Углонова, О.А. Конституционные основы регулирования субъектного состава Российской Федерации: теория и практика / О.А. Углонова ; под ред. В.И. Радченко; ГОУ ВПО «СГАП». — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2009. — С. 89–106.
9. Радченко, В.И. Президент в конституционном строе Российской Федерации / В.И. Радченко. — Саратов, 2000. — 182 с.

10. Радченко, В.И. Публичная власть и обеспечение государственной целостности Российской Федерации / В.И. Радченко. – Саратов, 2003. – С. 316.

В.А. Рудковский,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
права и государства Волгоградского
государственного университета

V.A. Rudkovsky,
Doctor of Law, Professor, Professor of
Department of Theory and History of Law
and State Volgograd State University
rudkovsky@volsu.ru

Моделирование в правовой политике

Аннотация: статья посвящена анализу теоретико-методологических и практических проблем моделирования в такой специфичной сфере научной и практической деятельности, как правовая политика. Обращается внимание на обусловленность основных черт указанного моделирования социальным назначением правовой политики, являющейся средством оптимизации действующего права и правовой системы в целом. Правовая политика призвана вырабатывать и предлагать обществу модель более совершенной правовой системы. Особенность моделирования, осуществляемого в сфере правовой политики, по мнению автора, состоит, в частности, в том, что оно: сосредоточено на проблемах так называемого «желаемого права»; имеет отчетливо выраженный прогностический характер; способно программировать деятельность государства и иных субъектов в правовой сфере. Предлагается активизировать научные усилия по разработке теоретических и практических проблем моделирования в правовой политике современной России.

Ключевые слова: правовая политика, юридическая наука, методология, метод, моделирование.

Modelling in legal policy

Abstract: the article is devoted to the analysis of theoretical, methodological and practical problems of modelling in such specific a sphere of scientific and practical activity as legal policy. Attention is paid to the fact that specific features of such modelling are influenced by the social purpose of legal policy, which is means of optimization of the existing law and legal policy in general. Legal policy is to develop and suggest the model of better legal system to the society. According to the author, the characteristic features of modelling are that it: is concentrated on the problems of the so called “desired law”; has clear predicting character; is able to form the activity program of the state and other subjects in the legal sphere. It is suggested to activate scientific efforts aimed at the development of theoretical and practical problems of modelling in the legal policy of the modern Russia.

Keywords: legal policy, legal science, methodology, method, modelling.

В философской и специальной научной литературе под моделированием принято понимать общенаучный метод познания, заключающийся в изучении объективной реальности посредством объектов, отражающих (воспроизводящих) определенные свойства и стороны этой реальности. Основу моделирования составляет принцип аналогии, позволяющий переносить знания, полученные в ходе изучения модели, на рассматриваемые явления и процессы. Иными словами, «модель выступает в качестве заместителя объекта, дает информацию об объекте, выступает промежуточным звеном между теорией и действительностью, имеет содержательный характер. Модели являются не только средством, но и формой знания, самим знанием» [1, с. 125].

Метод моделирования активно применяется и в сфере юриспруденции. Механизм правового регулирования, механизм социального действия права, механизм защиты прав личности, состав правонарушения, состав правоотношения – вот лишь некоторые из моделей, хорошо известных юридической науке. Более того, в правовой сфере наглядно проявляются не только научно-познавательные, но практически-прикладные аспекты моделирования. Любая норма права, как известно, является своеобразной моделью регулируемых отношений, а право в целом моделирует состояние требуемого правового порядка. Нормативно-упорядочивающие функции выполняют и различные юридические конструкции (нормативные модели договора, состава преступления или проступка и пр.), являющиеся и элементом содержания действующего права, и объектом научного юридического познания [2, с. 241–263].

Моделирование, таким образом, выступает важным средством познания, организации и упорядочения правовой действительности. В зависимости от цели, сферы, используемой информации и некоторых других параметров оно может приобретать различные формы, что необходимо учитывать, в частности, при анализе особенностей моделирования, осуществляемого в такой специфичной области научной и практической деятельности, как правовая политика.

В современной литературе предлагаются различные определения правовой политики, в которых акцентируется внимание на тех или иных свойствах и особенностях данного явления [3, с. 27–43]. Тем не менее, практически во всех случаях в правовой политике видя прежде всего средство оптимизации действующего права, правовой системы и правовой жизни в целом. Иными словами, с точки зрения своего социального назначения, правовая политика – это теория и практика совершенствования права. Делать правовую систему лучше – таков смысл правовой политики.

В контексте интересующего нас вопроса изложенный подход может быть интерпретирован следующим образом: правовая политика призвана выработать и предлагать обществу *модель более совершенной правовой системы*. Указанная задача является по существу перманентной и определяющей для всех направлений (видов) правовой политики: правотворческой, правоприменительной, конституционной, уголовной и пр. Все они озабочены в первую очередь тем, как оптимизировать соответствующие механизмы, процедуры, практики правового регулирования. И продуктивность правовой политики в решающей степени определяется как раз тем, насколько ей удастся решить эту задачу.

«Центр тяжести» моделирования, осуществляемого субъектами правовой политики, следовательно, *находится в сфере так называемого «желаемого права»*. Речь идет не только о праве в тесном смысле этого слова, но обо всех элементах правовой системы, выступающих объектом целенаправленного воздействия со стороны правовой политики (законодательство, правоотношения, юридическая практика, правовое воспитание и пр.). «Желаемое» в данном случае понимается как более совершенное, лучшее в сравнении с тем, что есть. Если говорить конкретнее, то имеется в виду право более

эффективное, гуманное, демократичное и т.д. То есть речь идет о тех свойствах и характеристиках права (правовой системы), с которыми связывается прогрессивное правовое развитие общества и государства.

Не является исключением и правовая политика, которая также нуждается в постоянном совершенствовании. Призыв Н.И. Матузова сосредоточить научные усилия на решении вопроса о том, какой должна быть правовая политика в современных условиях [4, с. 329], остается крайне актуальным, особенно в условиях доминирования так называемого «планово-рационального способа правообразования» [5, с. 151]. К сожалению, последний (процесс правообразования) оказывается не таким уж плановым и рациональным, как это постулируется в научных работах. Большая доля ответственности лежит на субъектах государственно-правовой политики, принимающих ключевые решения по вопросам правового регулирования. Можно уверенно утверждать, что без улучшения качества проводимой государством правовой политики сегодня сложно рассчитывать на серьезные позитивные изменения в правовом регулировании общественных отношений. В связи с этим предложенное, в частности, А.В. Малько определение правовой политики как научно обоснованной, последовательной, системной и т.д. деятельности [6, с. 15] можно рассматривать в качестве своеобразной теоретической модели желаемой правовой политики или, во всяком случае, подхода, ориентирующего на необходимость разработки такой модели.

Нацеленность на разработку теоретических и практических проблем «желаемого права» обуславливает тот факт, что моделирование, обуславливаемое в сфере правовой политики, имеет отчетливо выраженный *прогностический* (перспективный) характер. Специфика последнего состоит как раз в том, что оно нацелено не на анализ существующего положения объекта, а на «изображение возможного, допустимого или желаемого в этом объекте» [7, с. 382].

Данную особенность не следует трактовать таким образом, что правовая политика индифферентна к анализу реального положения вещей в сфере правового регулирования и устремлена в некое «светлое будущее» правовой системы. Напротив, любая продуманная стратегия правового развития предполагает учет объективных свойств и закономерностей, присущих праву и другим правовым явлениям. В этом смысле правовая политика использует весь арсенал наличного научного знания, включая различные приемы и методы его получения. Однако приоритетной для нее все же остается проблема оптимизации действующего права. Отсюда и своеобразное тяготение в сторону прогностического анализа правовой действительности.

Реализация прогностического подхода в отечественной юриспруденции в настоящее время сталкивается с определенными сложностями организационного и теоретико-методологического плана. Так, В.М. Сырых отмечает, что «методология прогностических исследований в сфере правовой науки находится пока в младенческом возрасте и не выходит за пределы отдельных эпизодических исследований» [8, с. 423]. Подобная ситуация, конечно, отражается на интенсивности и качестве прогнозов, которые

вырабатываются в сфере правовой политики. Тем не менее, при всех существующих сложностях и недостатках, прогностический подход был и остается важным средством совершенствования правового регулирования. Предвидение возможных путей развития права и выработка на этой основе научно обоснованных моделей желательного состояния соответствующих государственных и правовых институтов – важная задача правовой политики. Что же касается практической ценности вырабатываемых и предлагаемых субъектами указанной политики моделей, то она должна определяться прежде всего их способностью *стимулировать правовой прогресс* в той или иной области правового воздействия и юридической практики.

В качестве особенности рассматриваемого моделирования следует указать и на его *программный* характер.

Моделирование, осуществляемое субъектами правовой политики, не ограничивается простой констатацией желаемого состояния объекта (законодательства, юридической практики, правового воспитания и пр.), но устремлено к реализации соответствующей модели в практической деятельности, в реальной практике правового регулирования.

Данная особенность по-разному обнаруживает себя в сфере *неофициальной и официальной* правовой политики. В первом случае программный характер моделей проявляется в их научной аргументированности, авторитетности, аксиологической и практической привлекательности. Такое значение в настоящее время имеют предлагаемые в литературе модели конституции, разделения властей, федеративного устройства, отдельных правовых актов и т.д. В этом ряду следует рассматривать и модель правовой политики, основные черты которой аргументированы в проекте «Концепции правовой политики Российской Федерации до 2020 года» [9, с. 203–250]. Во втором – в официальном признании соответствующей модели ориентиром государственной политики. В качестве примера можно сослаться на «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». В указанном документе в качестве основной модели социального поведения, на которую должно ориентироваться государство в своей правовоспитательной работе и которую оно должно стимулировать, рассматривается модель законопослушного поведения. Можно спорить о том, насколько указанная модель оптимальна в условиях современной России. Традиционно юристы-теоретики полагают, что наиболее продуктивной моделью правомерного поведения является поведение не просто законопослушное, а правоактивное. Тем не менее, именно модель законопослушания закреплена в «Основах», и именно она служит обязательным ориентиром и своеобразной программой деятельности государства в сфере развития правовой грамотности и правосознания российских граждан.

Таковы некоторые особенности моделирования, осуществляемого в сфере правовой политики. Речь, разумеется, идет о самом общем приближении к проблеме, а не о ее решении. Главное, к чему хотелось привлечь внимание, состоит в следующем: проблематика моделирования в правовой политике,

а если говорить шире — научного обеспечения правовых преобразований, заслуживает самого серьезного отношения и вполне может стать предметом специальных научных изысканий.

Список литературы:

1. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. — Екатеринбург: Наука, 1993. — 192 с.
2. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. — 264 с.
3. Малько, А.В. Теория правовой политики : монография / А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
4. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2003. — 512 с.
5. Придворов, Н.А. Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. — 400 с.
6. Малько, А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 15–27.
7. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. — 2-е изд., доп. — М.: Наука, 2003. — 486 с.
8. Сырых, В.М. История и методология юридической науки : учебник / В.М. Сырых. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. — 464 с.
9. Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А.В. Малько; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. — 276 с.

Д.А. Липинский,
доктор юридических наук,
профессор, профессор департамента
магистратуры Тольяттинского
государственного университета

D.A. Lipinsky,
Doctor of Law, Professor,
Professor of Department of Magistracy of
Togliatti State University
Dmitri8@yandex.ru

**О юридико-технических конструкциях
поощрительных альтернативных санкций
и их влиянии на индивидуализацию позитивной
юридической ответственности***

Аннотация: рассматриваются конструкции альтернативных санкций в различных отраслях права, приводится их классификация, отмечаются типичные недостатки, которые свойственны как самим альтернативным санкциям, так и основаниям их применения. Обосновано, что в нормативных правовых актах, устанавливающих меры поощрения, целесообразно произвести дифференциацию мер в зависимости от их содержательных характеристик на моральные, материальные и смешанные, отказавшись от изложения в одной статье или одной части статьи закона различных по своим правовым последствиям поощрений.

Ключевые слова: санкция, поощрительная санкция, норма права, позитивная ответственность, альтернативная санкция, виды санкций, юридическая техника.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект № 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности».

On legal and technical designs of incentive alternative sanctions and their impact on the individualization of positive legal responsibility

Abstract: the design of alternative sanctions in various branches of law is considered, their classification is given, typical shortcomings are noted that are inherent in both the alternative sanctions and the reasons for their application. It is substantiated that in normative legal acts establishing incentive measures it is expedient to differentiate them depending on their substantive characteristics on moral, material and mixed ones, refusing to present in one article or one part of the article of the law various incentives that are different in their legal consequences.

Keywords: sanction, incentive sanction, rule of law, positive responsibility, alternative sanction, types of sanctions, legal technique.

В юридической науке ведутся оживленные споры о наличии поощрительных санкций в российском праве, суть которых сводится к отрицанию существования поощрительной санкции и обоснованию закрепления поощрения в диспозиции нормы права [1, 2], между тем некоторые ученые отстаивают предусмотренность поощрительных мер именно в санкции нормы права [3–5]. Именно в поощрительных мерах наиболее ярко находит свою объективацию позитивная юридическая ответственность, а негативная ответственность объективируется в наказании [6].

Альтернативная поощрительная санкция предусматривает не менее двух юридических поощрений, одно из которых подлежит применению в отношении субъекта, совершившего акт заслуженного поведения. Она выступает одним из средств дифференциации и индивидуализации позитивной юридической ответственности, позволяя применять именно то поощрение, которое соответствует характеру и степени общественной полезности акта правомерного поведения.

Юридическая техника не отличается совершенством в формулировании поощрительных норм в целом и поощрительных санкций в частности, нередко само закрепление поощрительных санкций носит бессистемный характер. Как отмечалось в наших работах ранее, поощрительные и наказательные санкции выступают парными юридическими категориями [7]. Ввиду их парности конструкции поощрительных санкций могут быть схожи по своей конструкции (но не содержанию) с санкциями наказательного характера.

Наиболее распространенной конструкцией альтернативной санкции является перечисление в ней нескольких мер правового воздействия по степени возрастания или по степени убывания их строгости (для наказательных санкций). В отличие от норм уголовного права и норм, содержащихся в КоАП РФ, поощрительные санкции часто формулируются в отдельной статье нормативного правового акта (в отрыве от гипотезы и диспозиции), а законодатель ограничивается общим перечислением мер поощрения.

Если обратиться к юридической технике, используемой при изложении альтернативных наказательных санкций, то, как правило, они формулируются в последовательности от менее строгого наказания к более строгому или по принципу понижающей альтернативы (от более строго к менее строгому

наказанию). Логично предположить, что и поощрительные альтернативные санкции должны перечисляться в определенной последовательности. Анализ ст. 191 ТК РФ показывает, что в ней закреплены как моральные, так и материальные меры поощрения, которые достаточно сложно классифицировать по степени благоприятности для субъекта.

Не отличается последовательностью, справедливостью и логичностью перечень ведомственных наград, установленный Приказом Министерства образования и науки РФ № 1223 от 26 сентября 2016 г. «О ведомственных наградах» [8]. Ведомственные награды изложены в нормативном акте в следующей последовательности: знак отличия Министерства образования и науки Российской Федерации; медаль К.Д. Ушинского; медаль Л.С. Выготского; почетное звание «Почетный работник сферы образования Российской Федерации»; почетное звание «Почетный работник науки и техники Российской Федерации»; почетное звание «Почетный работник сферы воспитания детей и молодежи Российской Федерации»; нагрудный знак «За милосердие и благотворительность»; Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации. На первый взгляд ведомственные поощрения сформулированы по принципу от наивысшей формы в сторону уменьшения их значимости (за исключением двух равнозначных по статусу медалей и трех почетных званий, которые одинаковы по своему статусу), а в самом приказе раскрываются основания для применения мер поощрения.

Логичность и последовательность нарушена в том, что нагрудный знак «За милосердие и благотворительность» включен в общий перечень поощрительных мер, так как награждаются им обычные граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, а признак подведомственности в данном случае не имеет значения.

При анализе многочисленных нормативных правовых актов, которыми предусмотрены поощрительные меры: Устава о дисциплине работников морского транспорта; Устава о дисциплине работников рыбопромыслового флота Российской Федерации; Устава о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии выявлены однотипные меры поощрения, которые могут отличаться некоторыми особенностями, зависящими от специфики выполнения трудовых обязанностей. Они обладают одним общим недостатком, заключающимся в формулировании оценочных понятий для применения альтернативных мер поощрений, когда остается не ясным, какую меру поощрения применять в случае совершения того или иного правомерного поступка. Как ни парадоксально, но и поощрительные меры, сформулированные альтернативно и без четких оснований для их реализации, могут выступать в качестве коррупциогенного фактора.

Обратимся к юридической технике закрепления поощрительных санкций в уголовном праве, в котором они выражаются в освобождении от уголовной ответственности. Юридическая техника уголовного закона такова, что поощрительные санкции (за некоторыми исключениями) сформулированы в Общей части, а их наличие в каждой статье, которая предусматривает

преступление небольшой или средней тяжести, только делало бы текст трудным для восприятия. Таким образом, поощрительные санкции сформулированы с целью экономии законодательного пространства. Следовательно, можно утверждать о наличии еще одного вида альтернативных санкций — наказательно-поощрительных, когда у правоприменителя есть выбор какую меру уголовно-правового воздействия реализовать в отношении виновного: наказательную или поощрительную.

Проведенный анализ конструкций альтернативных поощрительных санкций позволяет нам сделать следующие выводы.

1. В нормативных правовых актах, устанавливающих меры поощрения, целесообразно произвести их дифференциацию в зависимости от содержательных характеристик на моральные, материальные и смешанные, отказавшись от изложения в одной статье или одной части статьи закона различных по своим правовым последствиям поощрений. Само представление или ходатайство о государственной награде необходимо выделить в отдельную статью, а не формулировать ее в статье о видах поощрений, так как подобное представление не является мерой поощрения и не несет для субъекта благоприятных последствий, которые наступают позже, когда уполномоченный орган примет индивидуальный акт применения права.

2. При конструировании поощрительных норм и их дифференциации в зависимости от мер поощрения необходимо предельно четко изложить основания их применения, а не формулировать под одним оценочным основанием весь перечень поощрительных мер, которые могут быть применены к субъекту.

Список литературы:

1. Баранов, В.М. Депоощрение по российскому праву / В.М. Баранов, А.Г. Чернявский, И.В. Девяшин и др. — М.: Инфра-М, 2017. — 448 с.
2. Байтин, М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани веков) / М.И. Байтин. — Саратов: Изд-во СГАП, 2001. — 416 с.
3. Типикина, Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения / Е.В. Типикина. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 160 с.
4. Нырков, В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / В.В. Нырков. — Саратов: СГАП, 2006. — 204 с.
5. Малько, А.В. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / А.В. Малько, Н.И. Матузов, В.В. Ветютнев и др. ; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Саратов: СГАП, 2008. — 304 с.
6. Липинский, Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. — 2017. — Т. 4. — № 50. — С. 79–85.
7. Липинский, Д.А. Альтернативные санкции как парные юридические категории / Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина // Юридические исследования. — 2017. — № 12. — С. 71–81.
8. О ведомственных наградах Министерства образования и науки Российской Федерации : Приказ Министерства образования и науки РФ от 26 сентября 2016 г. № 1223 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2010. — № 33.

А.Ю. Барсуков,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

A.Y. Barsukov,
Candidate of Law, Associate Professor of
Saratov State Law Academy
barsukovau@mail.ru

К вопросу о понятиях «юридический цикл» и «цикл правового развития»

***Аннотация:** в статье привлекается внимание к проблеме циклической природы правового развития общества. Отмечается фрагментарный характер исследований правовых циклов в отечественной юриспруденции. Утверждается, что циклический характер имеют отдельные закономерности развития, содержательной и структурной трансформации правовых явлений. Само право выступает источником формирования наиболее важных циклических процессов в обществе, устанавливая последовательность и временные параметры осуществления определенных видов общественной деятельности. Рассматривается взаимосвязь проблемы правовых циклов с фундаментальными вопросами времени в праве. Анализируются дефиниции понятий «юридический цикл» и «цикл правового развития». Раскрываются три основных параметра юридического цикла: повторяемость; интенсивность протекания, определенная степень динамики циклических изменений; ритмичность как возможность возвращения определенного состояния явления через фиксированные промежутки времени. Делается вывод о несводимости циклического подхода в пределах системного исследования права лишь к установлению хронологических рамок какого-либо цикла.*

***Ключевые слова:** ритмы и цикличность в правовой системе, юридическое время, закономерности правового развития, методология юридической науки.*

On the question of the concepts of "legal cycle" and "legal development cycle"

***Abstract:** the article draws attention to the problem of cyclic nature of legal development of society. The fragmentary nature of studies of legal cycles in the domestic jurisprudence is noted. It is argued that the cyclical nature have separate patterns of development, content and structural transformation of legal phenomena. The law itself is the source of the most important cyclical processes in society, establishing the sequence and time parameters of certain types of social activities. The interrelation of a problem of legal cycles with fundamental questions of time in the law is considered. The definitions of the concepts of "legal cycle" and "cycle of legal development" are analyzed. Reveals three features of the legal cycle: the frequency of occurrence; intensity of the flow, a certain degree of dynamics in cyclical movements; the rhythm as the possibility of returning the status of the particular phenomenon in a fixed period of time. The conclusion is made about the irreducibility of the cyclic approach in the framework of the system study of law only to the establishment of the chronological framework of any cycle.*

***Keywords:** rhythms and cycles in the legal system, legal time, laws of legal development, methodology of legal science.*

Проблема циклов в праве и правовой действительности — одна из наименее разработанных в отечественной юридической науке. Фактически она находится на этапе постановки, обозначения самых общих ее черт. Идея циклической природы правового развития общества не получила полноценного и всестороннего обсуждения на страницах юридической литературы. Можно обнаружить лишь единичные работы отдельных исследователей, в которых рассматриваются в основном частные вопросы столь фундаментальной тематики [1–10].

Оригинальные идеи о ритмах и цикличности в правовой сфере общества высказывает Ю.Ю. Ветютнев, по мнению которого юридическая процедура характеризуется такими свойствами, как ритм и цикличность. Понимая юридическую процедуру как особый социальный ритм, автор указывает на наличие у нее собственной внутренней упорядоченности, строгой динамической структуры. При этом цикличность как свойство юридической процедуры трактуется в виде возможности ее повторения в полном объеме действий, совершаемых в той же последовательности [2, с. 225]. Повторяемость процедуры часто регламентирована определенными временными рамками, что позволяет констатировать наличие тесной связи между абстракциями ритма и цикла в теории права. Ю.Ю. Ветютнев также отмечает системное единство основополагающих правовых процедур, образующее тем самым некий «супер» цикл в функционировании правовой системы общества. Авторские рассуждения выстраиваются по следующей схеме: «В современных правовых системах, в том числе и российской, наиболее детально регламентируются три процедуры: законодательная, описывающая порядок создания базовых юридических текстов; избирательная, определяющая способ формирования важнейших институтов власти; судебная, представляющая собой алгоритм применения закона. Таким образом, юридическая процедура, если понимать ее в обобщенном смысле, образует своего рода полный технологический цикл, включающий в себя создание нормативного текста вместе с приведением его в действие и определением круга лиц, правомочных его создавать» [2, с. 225–226].

Представляет интерес и мысль Ю.Ю. Ветютнева о взаимосвязи процедурных, ритмических, циклических и временных параметров права. По мнению исследователя, юридическая процедура циклична по своей природе в силу способности после своего завершения к многократному воспроизводству с сохранением того же ритма и той же последовательности смены элементов. При этом становится возможным упорядочение социального пространства и времени не только в рамках самой правовой системы, но и в масштабе всего общества. В данном ракурсе речь идет о циклических закономерностях функционирования права, механизма правового регулирования и правотворчества [2, с. 228].

Попытка изучения циклов в законотворчестве предпринимается и в политических науках [11, с. 11–19]. Думается, что циклический характер имеют также отдельные закономерности генезиса, развития, содержательной и структурной трансформации правовых явлений. Кроме того, само право является источником формирования наиболее важных циклических процессов в обществе, устанавливая последовательность и временные параметры осуществления определенных видов деятельности (например, предпринимательской, трудовой, государственно-управленческой и т.д.).

В связи с этим возникает ряд вопросов: каковы гносеологические возможности самой категории «цикл» в юриспруденции; можно ли вести речь об особом циклическом подходе в изучении права; какова связь циклов в экономике, политике и праве; какова природа детерминации циклов в правовой системе; какова роль права в формировании социальных циклов; в каких основных формах проявляет себя цикличность правового развития; имеют ли

место циклы в трансформации системы права и системы законодательства; каким образом следует проводить научную классификацию юридических циклов; следует ли признавать и изучать циклический характер в развитии правосознания общества; не являются ли понятия «цикл», «ритм» дублирующими, излишними в понимании юридического процесса и процедуры и др.

Весьма тесно проблема правовых циклов связана с фундаментальными вопросами времени в праве. Аксиоматичным представляется утверждение Ю.А. Тихомирова о том, что, используя категорию «юридическое время», юриспруденция более точно, в строгих рамках фиксирует границы, параметры изменений правовых явлений [12, с. 18]. Время выступает неотъемлемым понятийным средством изучения юридических циклов. Категория времени позволяет фиксировать в мышлении хронологические границы цикла, ритмичность его фазовых переходов, отслеживать повторяемость циклов.

Необходимо затронуть фундаментальную проблематику синхронизации циклов развития и функционирования права с иными ритмами общественной жизни, которая до настоящего времени комплексно в юриспруденции не раскрыта. Как отмечает Ю.А. Тихомиров: «Все это подводит к более широкому пониманию правовых циклов, когда они встраиваются в общие циклы развития общества либо подвергаются их сильному воздействию. История и современность убедительно свидетельствуют о таких политических курсах, как смена типа и формы власти, устройства власти, режимов, включая выборные и иные механизмы. Смены экономических курсов означают иные приоритеты в развитии форм собственности, статусов юридических лиц и граждан; экономические реформы приводят к трансформации экономических отношений» [14, с. 18].

Не следует сводить циклический подход в рамках системного исследования права лишь к установлению хронологических рамок какого-либо цикла, подобная задача не является самоцелью. Исходя из системных установок, более точным представляется определение в рамках цикла всех основных параметров трансформации правовых явлений, не ограничиваясь каким-то одним. Выше уже подчеркивалось особое значение времени в установлении природы и специфики правового цикла, но без уяснения содержательного и структурно-функционального характера изменений явления (процесса), происходящих в рамках одного цикла, невозможно составить полной картины детерминации данного циклического процесса, его места в ряду схожих циклов развития системы. Кроме того, необходимо учитывать и то обстоятельство, что один цикл является одной из стадий (фаз) более масштабного по времени и охвату в социальной системе цикла (суперцикла). Применительно к правовой системе Ю.А. Тихомиров приводит пример относительно самостоятельных суперциклов в отношении правосознания, проектирования права, правотворчества, правоприменения, механизма контрольно-оценочного действия права и определения его эффективности. По мнению автора, каждый из этих циклов может быть разбит на несколько более мелких циклов [15, с. 58].

Анализируя обозначенную тематику, полагаем обязательным упомянуть и о фактически единственном в своем роде специальном общетеоретическом

исследовании циклической динамики в правовой сфере В.Д. Чурсина. В качестве существенной черты в определении цикличности правового развития особое внимание он обратил на колебания в рамках диалектического противоречия. По мнению ученого, механизм колебаний в правовой системе выражается в том, что противоположные в диалектическом плане правовые явления, в первую очередь, согласно его воззрениям, субъективное право и юридическая обязанность, частное и публичное право, взаимообуславливают и взаимопереходят друг в друга, тем самым образуя в структуре противоречия определенный механизм колебания [16, с. 60].

Следует согласиться с ядром данной позиции о неперенном присутствии в рамках циклических процессов противоположных тенденций, состояний и явлений, которые попеременно доминируют на различных фазах циклического развития права. Однако в своих работах В.Д. Чурсин из многообразия диалектических противоположностей в правовой системе ограничивается двумя вышеуказанными парами, что делает его исследование недостаточно полным. Кроме того, остается неясным, что лежит в основе именно такого выбора и абстрагирования в изучении природы цикличности права от иных диалектических пар юридических явлений.

В отраслевой юридической литературе наиболее обстоятельной выглядит концепция конституционных циклов в работе А.Н. Медушевского, который в системном виде излагает анализ целого ряда вопросов: определения конституционных циклов на основе сравнительно-правового анализа; возможности познания конституционных циклов и выбора надлежащей методологии; причин и структурных параметров цикличности в конституционном праве; динамики циклов; завершения цикла и его перехода в новый цикл; возможных вариантов выхода за рамки цикличности в развитии конституционализма; прогнозирования циклов; существования смещенных циклов; глобализации конституционных циклов и др. Автор акцентирует внимание на перспективности использования динамической модели развития права в целях отражения в теории движения конституционализма, кризисных и переходных фаз в его развитии, а также в целях демонстрации связей политических конфликтов и экономических кризисов с процессом трансформации конституционного права [17].

Согласно циклическому подходу развитие конституционного права предстает как периодически сменяющиеся фазы усиления и ослабления конституционно-правового регулирования общественных отношений. При этом А.Н. Медушевский выделяет аналогичные экономическим циклам фазы в конституционном цикле: кризис старой конституционной модели; депрессия — фактическое прекращение действия прежней конституции; оживление — достижение согласия в обществе по основным параметрам новой конституции; подъем — введение в действие новой конституционной модели управления обществом.

Думается, что подобный опыт исследования с определенными оговорками может быть распространен и на другие отрасли правовой науки. Именно отраслевые исследования цикличности конкретных правовых явлений и процессов создают добротный первичный материал для общетеоретических

обобщений и построения общей теории юридических циклов. Значимым следует признать тот факт, что идея цикличности в развитии правовой сферы общественной жизни находит все больше число сторонников и у признанных теоретиков права. Так, в одной из своих последних публикаций Н.А. Власенко оценивает ее в качестве одной из наиболее перспективных и интересных в современной юриспруденции [16, с. 53]. Однако для построения полноценной общей теории циклов в праве и правовой системе общества предстоит проделать еще весьма большой путь.

Список литературы:

1. Бахрах, Д.Н. Управленческий цикл // Правоведение. – 1976. – № 2. – С. 44–53.
2. Ветютнев, Ю.Ю. Дисциплинарные ритмы права // Ритмология культуры: очерки / под ред. Ю.Ю. Ветютнева, А.И. Макарова, Д.Р. Яворского. – СПб.: Алетей. 2012. – С. 213–229.
3. Воронов, А.А. Жизненные циклы права собственности // Гражданин и право. – 2013. – № 12. – С. 18–26.
4. Евдокимова, Е.Г. Цикличность правоприменения // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 20–27.
5. Зидунова, И.В. Бизнес-цикл и криминальный цикл: междисциплинарное исследование // Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 33–38.
6. Казанцев, Н.М. Правовое регулирование стадий инновационного цикла // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 38–52.
7. Категов, А.С. Циклы уголовной политики и правоприменения : монография / А.С. Категов. – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. – 371 с.
8. Комягин, Д.Л. Хронология финансового права: хозяйственные ритмы и циклы // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2015. – № 14. – С. 47–62.
9. Курочкин, С.А. Гражданский процесс как управленческий цикл // Проблемы права. – 2012. – № 1. – С. 209–213.
10. Лебединец, О.Н. Жизненный цикл юридических лиц. (Гражданско-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Лебединец. – М., 2000. – 218 с.
11. Волынский, А.И. Циклы законодательного процесса в России: политологический анализ / А.И. Волынский, М.С. Круглова // Социально-политические науки. – 2016. – № 1. – С. 11–19.
12. Тихомиров, Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 15–22.
13. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
14. Чурсин, В.Д. Цикличность в праве (вопросы методологии) / В.Д. Чурсин. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1998. – 278 с.
15. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 547 с.
16. Власенко, Н.А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. Ежегодник. № 12. «Ограничения в праве: теория, практика, техника». – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – С. 53–55.

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

Л.В. Туманова,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии

L.V. Tumanova,
Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
History of State and Law of the Saratov
State Law Academy
sar8a@bk.ru

Система государственных законов в правовой мысли России первой половины XIX века

***Аннотация:** в статье рассмотрены факторы догматического и теоретического осмысления системы государственного законов и вопрос их классификации в российском правоведении первой половины XIX в.*

***Ключевые слова:** государственные законы, система законодательства, основные законы, законоведение, свод законов.*

The system of state laws in the Russian legal thought in the first half of XIXth century

***Abstract:** the article deals with the dogmatic and theoretic thought factors of the system of state laws and the question of their classification in the Russian legal science in the first half of XIXth century.*

***Keywords:** state laws, legislation system, basic laws, jurisprudence, code.*

В современных условиях российской правовой действительности по-прежнему особый интерес вызывают труды, проекты и записки М.М. Сперанского и К.А. Неволлина, исследования государственного законодательства, особенности развития правоведения в России первой половины XIX в.

Развитие общественных отношений и российской государственности в ходе процесса системной модернизации способствует сохранению актуальности догматического, теоретического и доктринального осмысления формы правления, публичной власти и общественного устройства в истории России. Проекты преобразований в России эпохи правления Александра I, а затем Николая II коснулись правовых основ деятельности органов государственной власти: законодательных, исполнительных и судебных, системы законодательства, сущности отношений главы государства и подданных. И все же в условиях абсолютной монархии император Александр I и его преемники выбрали идею разделения властных функций, что определялось сущностью и содержательной стороной государственного законодательства. Потребность в догматическом и теоретическом осмыслении системы государственных законов в России была вызвана уровнем развития правовой системы и российского законодательства.

В первой четверти XIX в. доктринальные и теоретические исследования системы российских государственных законов были затруднены. А. Станиславский подчеркивал, что в училищах правоведения эпохи правления Александра I внимание было сосредоточено преимущественно на преподавании теории и законодательства иностранных государств.

В научной литературе изучались в основном гражданские и уголовные законы, но исследования не были направлены на изучение «духа русского законодательства», т.е. его идей и принципов. Развитию науки законоведения способствовали труды чиновников по систематизации законодательства. Именно вступление в юридическую силу в 1835 г. Свода законов Российской империи способствовало историко-сравнительному и догматическому изучению государственных законов [1, с. 39–40, 47, 57].

Система российских государственных законов исследовалась правоведами 30–50-х гг. XIX в. в контексте Свода законов Российской империи. Идеологическую и теоретическую основы исследований государственных законов составили Манифесты, Наказы и Грамоты Екатерины II, сохранившие юридическую силу в эпоху правления Александра I и Николая II, а также труды М.М. Сперанского, содержавшие его правовые взгляды на систему государственного законодательства. В рамках системы Свода законов Российской империи были заложены основы системы действующего законодательства, в том числе государственного, административного, налогового, уголовного и т.д.

Основные положения преобразований государственного и общественного устройства были сформулированы М.М. Сперанским в проектах и записках начала XIX в. Однако более целостные представления о системе государственных законов были изложены им в работе «Руководство к познанию законов» 1845 г.

Государственные законы, с его точки зрения, «определяют права и обязанности, возникающие из союза верховной власти и подданства» [2, с. 42].

Система внутренних государственных законов, по мнению М.М. Сперанского, состояла из семи разрядов государственных законов:

- 1) основных, регламентировавших власть законодательную и власть верховного правителя;
- 2) регламентировавших Учреждения мест и властей, или «Законы органические»;
- 3) правительственных сил, т.е. так называемых законов экономических и финансовых, а также военных;
- 4) государственного благоустройства, т.е. законов об охране нравственности, народном просвещении, здоровья, об умножении и распределении населения, о промышленности;
- 5) законы о состояниях;
- 6) полицейские законы;
- 7) исправительные и уголовные законы.

Внешние государственные законы — это, по сути, законы внешней полиции и законы о войне и мире, но они составляли самостоятельный вид государственных законов [2, с. 42–47].

Именно Основные законы определяли порядок, которым лицо приобретает верховную власть. Соответственно, предметами законодательного регулирования в этой части системы государственных законов становились «силы и пространство верховной власти», порядок престолонаследия, порядок формирования законодательства и верховного правления. Сам М.М. Сперанский исследовал эту часть законодательства с учетом историко-правового и догматического подходов, т.к. изучил порядок престолонаследия со времен удельной системы управления, столь гибельной для России [2, с. 48–65].

Законы коренные и распорядительные делились на такие роды законов, как учредительные и уставные. Учредительными государственными законами (или учреждениями) являлись законы, определявшие «образование мест и властей, как состав, их предметы и порядок производства в них дел». Эти законы определяли предмет и порядок деятельности мест и властей.

Уставами являлись те законы, которые устанавливали «порядок какой-либо особенной части управления» (Устав таможенный, Устав горный и др.). Данные уставы определяли деятельность соответствующих «мест и власти». Если Устав ограничивался по содержанию одной какой-либо частью дел, то он именовался Наказом. Таким образом, Устав являлся относительно полным собранием Наказов, а Наказы частью Устава [2, с. 86–88].

В обзоре основных законов других государств М.М. Сперанский указывал на то, что «в общем их составе, они именовались Государственным Уставом (constitutio)». Закон Основной «изображает в государстве ту или иную форму, тот или другой порядок законодательства», в этом и есть его сущность. Все основные законы роднит два начала: 1) верховенство власти законодательной; 2) неразрывность законодательной власти с властью верховного правления. Две эти власти в совокупности и есть власть державная [2, с. 92–94].

«Учреждениями называются законы органические, которыми устанавливались места и власти, как орудия верховного правления». Отсюда они именовались установлениями. Подобных установлений должно быть столько, сколько есть родов законов. Следовательно, установления должны быть «для соображений законодательных», для исполнения законов государственных и гражданских. «Каждый разряд установлений и даже каждое его подразделение должно иметь органический закон, свое Учреждение» [2, с. 126–128].

Н. Рождественский исследовал систему внутренних (российских) государственных законов на основе свода законов Российской империи 1842 г. С его точки зрения, законы Российской империи, как и законы вообще, по различию прав и обязанностей, ими определяемых и охраняемых, разделялись на государственные и гражданские. Н. Рождественского интересовали прежде всего внутренние государственные законы.

Система внутренних государственных законов состояла из семи видов:

1. Законы основные регулировали следующие предметы: 1) определение сущности государственной власти; 2) порядок престолонаследия; 3) порядок законодательства; 4) порядок верховного правления; 5) преимущества Членов Императорского Дома и обязанности членов Императорского дома к Императору (Свод законов РИ, 1842. Т. I).

2. Учреждения государственные и губернские, Устав о службе гражданской (Свод законов РИ, 1842. Т. I–III).

3. Законы сил Государственных, личных и вещественных: 1. Уставы о повинностях, к которым относились: Устав рекрутский, Устав о земских повинностях, Уставы казенного управления, Устав таможенный, Устав монетный, Устав горный, Устав о соли, Устав лесной, Устав казенных населенных имений (Свод законов РИ, 1842. Т. IV–VIII). Уставы счетные не вошли в Свод законов, но также относились к государственным законам.

4. Законы о состояниях содержали в себе законы о состояниях лиц в государстве и об актах состояния (Свод законов РИ, 1842. Т. IX).

5. Законы Государственного благоустройства излагали меры Верховного правительства, которыми оно содействовало народному хозяйству и нравственному благосостоянию подданных. К этим законам относились: Учреждения и Уставы кредитных установлений, постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности; Учреждение и Устав Путей сообщения, Устав строительный, Устав Пожарный и Постановления о благоустройстве в городах и селениях (Свод законов РИ, 1842. Т. XI, XII); Законы об управлении Церковном, о народном просвещении и почтах не вошли в Свод законов Российской империи 1842 года, хотя относились к государственным.

6. Законы Благочиния излагали меры, предпринимаемые самим правительством для предупреждения голода, бедности и болезней, равно для пресечения нарушения прав, принадлежавших правительству, обществам и частным лицам. Законы благочиния содержались в Уставе об обеспечении народного продовольствия и общественном презрении, Учреждения и Уставы врачебные по гражданской части; Устав о паспортах и беглых, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Учреждения и Уставы о содержащихся под стражей ссыльных (Свод законов РИ, 1842. Т. XIII, XIV);

7. Уголовные законы содержали в себе положения о преступлениях и наказаниях, а также о судопроизводстве. Законы о преступлениях и наказаниях содержались в Т. XV Свода законов РИ 1842 г., а затем были систематически изложены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Законы о судопроизводстве по преступлениям по-прежнему содержались в Т. XV Свода законов РИ. Сам Н. Рождественский писал, что эта классификация внутренних государственных законов в широком смысле слова.

В узком смысле слова к государственным российским законам относились: 1. Законы Основные. 2. Учреждения. 3. Законы о состояниях [3, с. 1–5].

Рассматривая вопрос о разделении законов, имеющих силу в государстве, Н. Рождественский писал, что совокупность законов есть законодательство. Он различал общие, местные и особенные законы в государстве. Законодательная система выражалась, с его точки зрения, в форме обычаев и положительных законов. Формы законодательства проявлялись изданием отдельных законов, составлением Сводов и сочинением Уложений [3, с. 4–6].

В государственном законоведении излагались законы, которыми определялись и охранялись права и обязанности, возникавшие в союзе верховной власти и подданных [4, с. 1–2].

Вслед за М.М. Сперанским и Вторым отделением С.Е.И.В. канцелярии Ф. Проскуряков изучал российские законы государственные и гражданские, как определительные, так и охранительные. В качестве источников познания действующих общих государственных законов он указывал Полное собрание законов и Свод законов Российской империи, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Свод военных постановлений [5, с. 1–10].

В «Энциклопедии законоведения» К.А. Неволин рассматривал вопрос о разделении законов на их главные роды и виды. Автор ссылался в качестве источника рассуждений на Обзорение исторических сведений о Своде законов и статьи Свода законов Российской империи.

К.А. Неволин воспринял устоявшееся в отечественном правоведении двойное разделение законодательства: 1) по различию прав и обязанностей, определяемых или охраняемых законами; 2) по различию составных частей закона. Права и обязанности, определяемые или охраняемые законами, есть или государственные внутренние, или гражданские, или государственные внешние. Соответственно, законы различались: 1) государственные (внутренние), 2) гражданские, 3) законы союза народов или право народов (законы государственные внешние).

По мнению К.А. Неволина, законы определяют сущность союза государственного и прав, от него происходящих. В государстве, как в обществе независимом, должна существовать верховная и независимая власть. Эта власть: 1) образуется в известном порядке и имеет различные права и преимущества, особенно действия в законодательстве и управление; 2) органами ее действия являлись подчиненные власти, ею установленные; 3) средствами ее действия были признаны силы государственных; 4) предметами ее действия становились подданные, получавшие от нее известную степень участия в составлении, как властей подчиненных, так и сил государственных. Так, подданные получали особые права и обязанности состояния [6, с. 67–68].

Соответственно он различал четыре вида государственных законов: 1. Законы Основные как определявшие порядок, которым образуется верховная власть и ее права, особенно по отношению к законодательству и управлению; 2. Учреждения определяли состав установлений, или властей подчиненных, образ и пределы их действия; 3. Законы о силах государственных, т.е. о силах военных и силах, предназначенных для исправления различных нужд государства в виде повинностей и управляемых соответствующими законами, а также о порядке составления и управления сил вещественных, заключавшихся в имуществах различного рода; 4. Законы о состояниях определяли «права и обязанности подданных по степени их участия в составе установлений и сил государственных, равно как и порядок приобретения или потери этих прав подданных».

Охранительные государственные законы — это все законы, по которым «союз государственный и гражданский», а также права, из них возникающие, охраняются мерами общего государственного порядка.

Кроме того, К.А. Неволин различал два вида охранительных государственных законов: 1. Законы благочиния, или законы полицейские, определяли «существо и образ действия мер, предпринимаемых непосредственно самим государством для предупреждения и пресечения

нарушения прав, как государства, так и его подданных»; 2. Законы уголовные различались наказаниями и образом действия этих мер [6, с. 69 – 70].

Итак, в российском правоведении первой половины XIX века особый вклад в историко-правовое, догматическое и теоретическое осмысление системы государственных законов внес М.М. Сперанский, другие чиновники, занимавшиеся их систематизацией, затем в рамках науки законоведения К.А. Неволин и Н.Ф. Рождественский. В 30–50-е гг. XIX века система государственных законов изучалась в рамках законоведения и на основе действующего отечественного и западноевропейского правового опыта.

Список литературы:

1. Станиславский, А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления / А. Станиславский. — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1853. — 110 с.
2. Сперанский, М.М. Руководство к познанию законов / М.М. Сперанский. — СПб.: Тип. Второго отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1845. — 170 с.
3. Рождественский, Н. Руководство к российским законам / Н. Рождественский. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. — 509 с.
4. Рождественский, Н. Руководство к российским законам / Н. Рождественский. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. — 692 с.
5. Руководство к познанию действующих русских государственных, гражданских, уголовных и полицейских законов : в 3 ч. / сост. Ф. Проскуряков. — СПб.: Тип. Королева и комп., 1854. — Ч. 1. Государственные законы. — 324 с.
6. Неволин, К.А. Полное собрание сочинений. Энциклопедия законоведения : в 6 т. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1857. — Т. 1. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ея и первая половина особенной части. — 511 с.

В.В. Нырков,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по науке
Саратовского филиала Института
государства и права РАН,
доцент кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии*

Э.И. Хакимов,

*соискатель Саратовской
государственной юридической академии*

V.V. Nyrkov,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Director for Science, Saratov
Branch of the Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences,
Associate Professor at the Department
of Theory of State and Law
of the Saratov State Law Academy
i_gp@ssla.ru*

E.I. Khakimov,

*Applicant of the Saratov State Law
Academy
i_gp@ssla.ru*

**Санкция приостановления как особый
вид наказания в российском праве:
общетеоретический аспект**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о специфике приостановления в качестве наказания наряду с иными мерами юридической ответственности. Отмечается ряд проблемных моментов в ограничении приостановления как меры обеспечения (защиты) в праве и особого вида

наказания. Анализируются отдельные моменты истории формирования инструмента приостановления в российском праве. Раскрываются характерные признаки санкции приостановления как наказания, предлагается ее уточненное определение.

Ключевые слова: правовое наказание, санкция в праве, юридическое приостановление, государственное принуждение.

The sanction of suspension as a special kind of punishments in Russian law: general theoretical aspect

Abstract: the article deals with the specifics of suspension as a punishment along with other measures of legal responsibility. There are a number of problematic issues in the restriction of suspension as a measure of security (protection) in the law and a special type of punishment. Some moments of history of formation of the tool of suspension in the russian law are analyzed. The characteristic features of the sanction of suspension as punishment are revealed, its specified definition is offered.

Keywords: legal punishment, sanction in law, legal suspension, state coercion.

Несмотря на общее доминирование приостановления в российском законодательстве в качестве санкции-защиты, в последние годы заметно возросло значение приостановления в качестве особого вида наказания. В механизме публично-правового регулирования законодатель весьма широко применяет санкцию приостановления не только в организационно-обеспечительных, но и карательных целях. Однако в юридической теории и на практике возникает немало проблем по определению специфики приостановления в системе правовых наказаний, его отграничению от таких видов наказания, как лишение специального права и дисквалификация. Отсутствует четкое видение вопроса о соотношении приостановления деятельности и приостановления действия лицензии, о допустимости определения приостановления в качестве правового наказания как такового.

Одним из дискуссионных моментов выступает сама возможность позиционирования приостановления не в качестве меры пресечения, а в виде именно наказания. На практике имеет место ряд сложностей процедурного характера при реализации приостановления как правового наказания. В ходе наложения судами административного наказания в виде приостановления деятельности возникают сложности в процессе юридической квалификации правонарушений как оснований, вызывающих его применение. Наличие отдельных дефектов в механизме реализации рассматриваемого вида карательных санкций актуализирует потребность в целом ряде научно-теоретических изысканий по вопросам понятия, природы, функций и эффективности приостановления в качестве правового наказания.

В рамках данной статьи представляется необходимым сконцентрировать внимание на санкциях приостановления, выполняющих не защитную, а карательную функцию. Такого рода приостановления используются в рамках публичного права. В частном праве санкция приостановления носит исключительно защитный, организационно-обеспечительный характер.

В отличие от приостановления как меры защиты в частном праве в механизме публично-правового регулирования данный инструмент изначально

в истории имеет более выраженный принудительный характер. В российском административном праве санкция приостановления существовала с 1845 года. Как отмечают исследователи, данный вид санкции применялся в исключительных случаях при наличии ряда условий: самого совершаемого или совершенного правонарушения; наличия угрозы наступления опасных для общества последствий в виде пожара, массового отравления, насильственного нарушения государственного строя и т.п. Законодатель в дореволюционный период использовал санкцию приостановления в охране публичного порядка преимущественно не в целях наказания, а в целях превенции или пресечения. Отличительной чертой санкции приостановления в то время являлся внесудебный порядок ее применения, что делало ее мерой оперативно-предупредительного реагирования [1, с. 12–13].

Однако в юридической литературе высказана и иная позиция, увязывающая историю становления приостановления в публичном праве именно с системой правовых наказаний. Так, Л.Ф. Бадыков вполне справедливо полагает, что российское законодательство того периода предусматривало в качестве особого рода санкции временное лишение хозяйствующего субъекта-нарушителя определенного специального права [2, с. 57–58]. Уложение о наказаниях 1845 года закрепляло возможное лишение на определенный срок таких прав, как: изготовление и продажа определенных напитков; продажа ядовитых и сильнодействующих веществ; содержание и управление аптекой; оказание банковских услуг; ведение торговли; содержание гостиницы и др.

Статья 218 Уложения о наказаниях предусматривала лишение определенных прав на срок от одного года до пяти лет [3, с. 178–180 и др.]. По мнению Л.Ф. Бадыкова, рассматриваемый вид правового наказания роднит его с лишением специального права, установленном в современном административном законодательстве (ст. 3.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). В продолжение своей мысли автор пишет: «Однако наряду с этим, ввиду того что данная мера применялась только по решению суда, а также учитывая характер последствий реализации решения суда, т.е. фактическое приостановление деятельности, можно говорить о данной мере ответственности как о прообразе современного института административного приостановления деятельности» [2, с. 58]. На наш взгляд, при всей схожести санкции приостановления и наказания в виде лишения специального права следует разграничивать данные инструменты. Полагаем, что это различные виды наказания. Данный факт подтверждается действующим административным и уголовным законодательством.

Исторический экскурс в рассмотрение природы приостановления как особого вида правового наказания позволяет сделать следующие выводы:

- изначально в истории развития российского законодательства не предусматривалось четкой градации правового приостановления на меры защиты и меры наказания;
 - в советские годы доминировал внесудебный порядок реализации санкции приостановления в публичном праве;
-

— советское законодательство наделяло широкий круг органов исполнительной власти правом применения данной санкции в отношении организаций-нарушителей;

— значительная часть нормативно-правовых актов не содержала четкого указания на основания и порядок применения приостановления в качестве меры наказания [4, с. 168–171];

— начиная с дореволюционного периода и по настоящий момент для российского законодательства характерна тенденция расширения сферы применения санкции приостановления в качестве меры наказания и средства защиты;

— в отечественной юридической литературе не сформировалась единая позиция по вопросу соотношения наказания в виде приостановления деятельности с иными наказаниями — лишением специального права, дисквалификацией.

Для определения характерных черт приостановления как меры наказания в настоящий момент полагаем необходимым учитывать положения системы действующего российского законодательства. В качестве существенных признаков санкции приостановления, выступающей особым видом наказания в праве, выделим следующие.

1. Приостановление применяется исключительно за совершение правонарушения — виновного, противоправного и общественно опасного деяния. Особо следует отметить тот факт, что согласно абзацу 2 ч. 1 ст. 3.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях данный вид наказания назначается исключительно при наличии обстоятельств, свидетельствующих о значительной общественной опасности нарушения в случае невозможности использования менее сурового и обременительного наказания. При этом приостановление деятельности в системе наказаний российского права является менее суровым по сравнению со штрафом. Однако предельный срок административного приостановления деятельности менее продолжителен в сопоставлении со временем лишения специального права и дисквалификации.

2. Приостановление в качестве наказания назначается уполномоченным органом государственной или должностным лицом в особом процессуальном порядке посредством осуществления соответствующей правоприменительной деятельности.

3. Приостановление как особый вид наказания отличает условный срок его исполнения. Данная черта особо подчеркивается в административном праве: «К особенностям данной правовой меры относится и то, что это единственное административное наказание, имеющее условный срок исполнения...» [5, с. 271]. Еще более точно раскрывает данную черту И.В. Максимов, поясняя, что условность срока исполнения данного наказания выражается в следующем: «...если будет установлено, что лицом устранены обстоятельства, послужившие основанием для его назначения, оно может быть снято» (судьей)» [4, с. 173]. Другими словами, временные границы применения приостановления могут быть изменены под условием исправления допущенного нарушения. Рассматриваемый признак приостановления в качестве наказания делает его весьма схожим с приостановлением, применяемым в рамках системы

защиты права, что позволяет ставить вопрос о дискуссионности его трактовки именно как наказания.

4. Объектом охраны данной разновидности санкции-наказания являются жизнь и здоровье человека, общественная и государственная безопасность [6, с. 26–27].

5. Приостановление, будучи наказанием, выполняет преимущественно карательную функцию, дополнительно осуществляя превентивную и пресекательную.

6. Приостановление, представляющее собой наказание, является средством государственного принуждения и одновременно инструментом правового ограничения.

7. Приостановление реализуется в рамках охранительных правоотношений, что составляет содержание юридической ответственности, а его целью выступает не только кара, общая и частная превенция, но и перевоспитание правонарушителя.

8. Приостановление как наказание в российском законодательстве и юридической практике используется только в качестве основной меры.

9. По справедливому мнению А.Б. Агапова, приостановление деятельности как наказание вызывает «релятивные имущественные обременения» [7, с. 201]. Другими словами, приостановление деятельности не вызывает напрямую негативных имущественных последствий, но возможность их наступления не исключена для нарушителя и выступает побочным эффектом его применения.

10. Оно применяется в отношении широкого круга субъектов-правонарушителей — предпринимателей, некоммерческих организаций, государственных учреждений.

11. По итогам его применения может быть наложено новое аналогичное наказание на виновное лицо, так и не исправившее допущенные нарушения закона. Согласно официальной точке зрения заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации П.П. Серкова [8], ситуации истечения срока административного приостановления и неустранения причин и условий, послуживших основанием для наложения данной меры наказания, должны квалифицироваться как новое административное правонарушение, совершение которого подлежит оформлению соответствующим новым протоколом уполномоченными должностным лицом согласно ст. 28.3 КоАП РФ.

С учетом изложенного полагаем возможным представить следующее определение приостановления как карательной санкции. Под приостановлением-наказанием в праве следует понимать особую разновидность мер карательного правового воздействия, применяемую в отношении виновного лица, совершившего правонарушение, выражающуюся во временном полном или частичном приостановлении деятельности физического или юридического лица либо во временном запрете эксплуатации определенных объектов, которая направлена на охрану жизни и здоровья человека, обеспечение общественной и государственной безопасности.

Список литературы:

1. Резникова, А.А. Административное приостановление как мера административного принуждения : автореф. ... канд. юрид. наук / А.А. Резникова. — Челябинск, 2009. — С. 12–13.
2. Бадыков, Л.Ф. История развития института административного приостановления деятельности в России // Правовая культура. — 2012. — № 2(13). — С. 57–62.
3. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием / И.Я. Фойницкий. — СПб., 1889. — С. 178–180 и др.
4. Максимов, И.В. Генезис правовых основ регламентации административного приостановления деятельности в России // Правовая политика и правовая жизнь. — 2006. — № 1. — С. 168–171.
5. Терюков, Е.В. К вопросу о правовой природе административного приостановления деятельности и его месте в системе мер административного принуждения // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 3. — С. 270–274.
6. Комлев, В.Н. Административное приостановление деятельности // Административное право и процесс. — 2007. — № 2. — С. 25–32.
7. Агапов, А.Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (расширенный, с использованием материалов судебной практики). — 4-е изд., испр. и доп. / А.Б. Агапов. — М., 2011. — С. 201.
8. О разъяснении отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, связанных с применением административного приостановления деятельности как вида административного наказания : письмо Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 1936-5/общ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2018).

И.Н. Плотникова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного права
Саратовской государственной
юридической академии

I.N. Plotnikova,
Candidate of Law, Associate Professor of
Constitutional Law Department of Saratov
State Law Academy
innap17@mail.ru

Система экономических прав и свобод человека и гражданина: проблемы классификации и содержания

Аннотация: вопросы, касающиеся юридической природы основных экономических прав, их места в системе прав и свобод человека и гражданина, соотношения с социальными и личными правами, до настоящего времени остаются дискуссионными в современной теории прав человека. Цель статьи состоит в исследовании сущности и содержания основных экономических прав и свобод человека и гражданина, особенностей их конституционно-правового регулирования в Российской Федерации и зарубежных странах. Методологическую основу составляют формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы исследования; анализ различных подходов к содержанию основных экономических прав и свобод. Автор дает определение сущности экономических прав и свобод, показывает их отличие от группы социальных прав, их естественный и позитивный характер. Делается вывод о том, что социальные и экономические права обладают различным материально-правовым содержанием; права частной собственности, на свободное занятие предпринимательской деятельностью, свободу труда и выбора рода деятельности могут относиться как к личным, так и к экономическим правам.

Ключевые слова: Конституция РФ, природа и место основных экономических прав, содержание экономических прав и свобод.

System of economic rights and freedoms of human and citizen: problems of classification and content

Abstract: questions concerning the legal nature of the basic economic rights, their place in the system of human and civil rights and freedoms, the relationship with social and personal rights, are still debatable in the modern theory of human rights. The purpose: to study the essence and content of the basic economic rights and freedoms of man and citizen, the peculiarities of their constitutional and legal regulation in the Russian Federation and foreign countries. Methodological basis: formal legal, system-structural, comparative-legal methods of research; analysis of various approaches to the content of basic economic rights and freedoms. Results: the author gives the definition of the essence of economic rights and freedoms, presents their difference from the group of social rights, shows their natural and positive character. Conclusions: social and economic rights have different substantive content; rights: private property, free occupation by entrepreneurial activity, freedom of work and choice of occupation, can relate to both personal and economic rights.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, the nature and place of the basic economic rights, the maintenance of economic rights and freedom.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила в гл. 2 основные права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. В тексте Основного Закона России 1993 г. отсутствует разделение прав и свобод на определенные группы (личные, политические, экономические, социальные, культурные права и свободы), с указанием наименования видов прав или отношений, которые данные права регулируют, в отличие от некоторых конституций зарубежных стран. В связи с этим многие отечественные правоведы не выделяют в особую группу основные экономические права (право на предпринимательскую деятельность, право частной собственности, свободу труда и выбора рода деятельности), объединяя их в общую группу социально-экономических прав [1, с. 210–235; 2, с. 81; 3]. Как указывает В.В. Маклаков, общепринятым в советском государственном и российском конституционном праве остается разграничение прав и свобод на личные, социально-экономические и политические [4, с. 188]. Данное обстоятельство можно объяснить в том числе использованием в ст. 39 Конституции СССР 1977 г. понятия «социально-экономические права». Некоторые российские ученые также не разделяют на подгруппы экономические, социальные и культурные права [5, с. 750–753]. При этом отдельные авторы к числу социально-экономических относят права, регламентированные статьями 37–44 Конституции РФ, не рассматривая при этом права, зафиксированные статьями 34–36 Конституции РФ [6].

Между тем социальные и экономические права обладают различным материально-правовым содержанием. По своей сущности, основные экономические права и свободы являются определенными возможностями личности, обеспечивающими ее свободу в экономической сфере. Они направлены на удовлетворение потребностей и интересов человека и гражданина в осуществлении предпринимательской деятельности, выборе рода деятельности и профессии, владении и распоряжении имуществом на праве собственности. *Разграничение* между социальными и экономическими правами необходимо провести исходя из содержания их правомочий, являющихся структурными

элементами содержания данных прав, в особенности — последнего элемента содержания субъективного права — *возможности пользования социальным благом*. На первый взгляд и те, и другие права направлены на удовлетворение *материальных биологических* потребностей (потребности в питании, одежде, жилище, предметах обихода, благоприятной окружающей среде, физическом здоровье, достойном уровне жизни и благосостояния). Однако возможность пользоваться социальными благами в содержании экономических прав состоит как в удовлетворении *материальных биологических* потребностей, так и *материальных социологических* потребностей (потребности в труде как созидательной, преобразовательной деятельности, необходимой для жизнедеятельности любой личности). При этом целью предпринимательской деятельности является получение личного дохода (прибыли), не ограниченного размерами, и свободное распоряжение им после уплаты обязательных платежей. Целью осуществления права собственности — владение, пользование и распоряжение материальными вещами без определенного ценового выражения.

Социальные права направлены на обеспечение жизненно необходимых социальных, материальных благ всем членам общества. В первую очередь, они предполагают осуществление фиксированных выплат, определенных законодательными актами, и предоставление льгот тем слоям населения, которые не могут обеспечить себя самостоятельно из-за болезни, достижения определенного возраста, нахождения вне страны или региона своего проживания в силу чрезвычайных обстоятельств (детям, пенсионерам по возрасту или по потере кормильца, временно нетрудоспособным работающим гражданам, инвалидам, беженцам и вынужденным переселенцам). Следует согласиться с утверждением о том, что *экономические права* являются формой проявления свободы личности в сфере экономики и в большей степени проистекают из природы человека, между тем как *социальные* — из природы общества, которое заинтересовано в поддержании социального мира, достигаемого в том числе и путем перераспределения ресурсов сверху вниз при помощи государства [7, с. 52].

Еще одним вопросом, не имеющим, на наш взгляд, однозначного ответа, является следующий: к какому поколению прав и свобод относятся экономические права и какие права входят в группу экономических прав?

Традиционно, социальные, экономические и культурные права — это права второго поколения, с учетом того, что после Второй мировой войны международным сообществом были приняты важнейшие международные акты, направленные на охрану и защиту прав личности. Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., наряду с личными (гражданскими) и политическими правами, в числе важнейших прав и свобод закрепила социальные, экономические культурные права и свободы, установила, что: каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, никто не должен быть произвольно лишен своего имущества (ст. 17); каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы

(ст. 23) [8]. Протоколом № 1 1952 г. к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г., ратифицированному Российской Федерацией в 1998 г., [9], было предусмотрено, что каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом; никто не может быть лишен своего имущества, кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Однако во многих научных трудах к числу прав второго поколения относят большей частью социальные права — право на труд и свободный выбор работы, право на социальное обеспечение, права на досуг и отдых, участие в культурной жизни общества, не включая в данный перечень права собственности и свободного предпринимательства [10, с. 137]. Это согласуется и с положениями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [11], в котором основное внимание уделено обеспечению государством таких прав, как: права каждого человека создавать для осуществления и защиты своих экономических и социальных интересов профессиональные союзы и вступать в них по своему выбору, права на труд, достойное существование, образование, справедливое и равное вознаграждение за труд, безопасные условия труда, охрану здоровья (но не признанию права собственности и права на свободное предпринимательство, о которых не говорится и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. [12]).

Относительно права на предпринимательскую деятельность, отметим, что оно не было специально зафиксировано во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и в Международных пактах о правах человека 1966 г. Между тем свобода предпринимательства, частной хозяйственной инициативы была провозглашена в отдельных послевоенных конституциях стран Западной Европы: Италии 1947 г. (ст. 41), Дании 1953 г. (ст. 74), Мальты 1964 г. (ст. 18-19), Испании 1978 г. (ст. 38), Андорры 1993 г. (ст. 28), Португалии 1976 г. (ст. 61), Швейцарии 1999 г. (ст. 27). Так, в гл. 3 «Экономические отношения» ч. 1 «Права и обязанности граждан» Итальянской Конституции 1947 г. 12 статей посвящены экономическим отношениям, подробной регламентации экономических прав, в том числе права собственности и частной хозяйственной инициативы [13, с. 423 – 450].

Не все конституции зарубежных государств относят свободу предпринимательской деятельности к экономическим правам. В конституционной и законодательной практике некоторых зарубежных государств *право на свободу частного предпринимательства и инициативы* — это личное (гражданское) право, производное от прав и свобод первого поколения, закрепляющих гарантии индивидуальной свободы личности в сфере экономической жизни (также, как и право частной собственности). К примеру, ст. 2 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. гарантирует право на свободное развитие личности; реализация этого права связана со свободой потребления, свободой открывать предприятия (свободой предприниматель-

ства), свободой стремиться к достижению той же цели, что и другие (свобода конкуренции) [14, с. 71].

Что касается права частной собственности, то первые конституции, в целях ограничения власти абсолютного монархического правления, соблюдения принципа равенства, закрепляя права первого поколения, провозглашали как абсолютные и неотъемлемые свободу частной собственности и торговли. Данные конституции не предусматривали возможность установления пределов осуществления права собственности, ее социализации в целях «общественной пользы». Например, во Франции, как составная часть Конституции, продолжает действовать Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г., в которой собственность объявляется священной и неприкосновенной вследствие признания ее «естественного» характера [15].

Впоследствии право частной собственности стало гарантироваться во взаимосвязи с социальной функцией собственности, в противовес правам первого поколения. В преамбуле Конституции Франции 1946 г. возможность отчуждения имущества в коллективную собственность была поставлена в зависимость от того, имеет или приобретает эксплуатация имущества (предприятия) черты национальной общественной службы или фактической монополии [16]. В ст. 14 Основного закона ФРГ 1949 г. закреплено, что собственность обязывает, ее использование должно одновременно служить общему благу [17, с. 181 – 234]. В соответствии со ст. 33 Конституции Испанского Королевства 1978 г. социальная функция прав частной собственности и ее наследования ограничивает их содержание в соответствии с законом [18].

В связи с этим целесообразно заметить, что при исследовании сущности и содержания прав человека зарубежными учеными и практиками часто противопоставляются традиционные «классические», личные и политические (негативные) права — «особым» социально-экономическим (позитивным) правам, объем реализации и гарантированности которых находится в зависимости от степени развития и состояния экономики в государстве. Поэтому в отдельных конституциях зарубежных стран (например, Конституции Бразилии 1988 г.) выделяются права личные, социальные (без дополнения наименования — «экономические») и политические. Так, права на: образование, здравоохранение, труд, досуг, безопасность, социальное страхование, обеспечение, охрану материнства и детства составляют группу социальных прав (ст. 6 гл. II «О социальных правах» разд. II «Об основных правах и гарантиях») данного Основного закона. Права трудящихся и их гарантии зафиксированы в ст. 7 гл. II «О социальных правах», в том числе: право на страхование по безработице, право на заработную плату не ниже установленного минимума, повышенная оплата ночного труда, гарантии продолжительности рабочего дня в соответствии с законом, отпуск по беременности и родам, воспитанию ребенка и др. При этом положения о свободе осуществления труда, ремесла и профессии, а также о праве частной собственности содержатся в гл. I «О личных и коллективных правах и обязанностях» разд. II Конституции Бразилии [19].

Опыт конституционного регулирования в США показывает, что из группы экономических прав (которые выделяются российской наукой конститу-

ционного права) только право собственности получило свое закрепление в Конституции США 1787 г. как личное право (поправки 5 и 14 к Конституции) путем негативного способа определения правосубъектности личности — в виде запрета изъятия собственности без справедливого вознаграждения, в случае отчуждения для общественного пользования и без законной правовой процедуры [20, с. 29 — 40]. Свобода предпринимательской деятельности в США на конституционном уровне не регламентируется. Экономические права получили свое оформление и развитие в отраслевом законодательстве — федерации и штатов. В американской науке и практике до настоящего времени существуют различные взгляды на вопрос о том, являются ли социальные, экономические права разновидностью конституционных прав граждан либо они являются «позитивными» правами, вытекающими из отраслевого законодательства. Данное обстоятельство соответственно влияет на степень их защиты Верховным судом США, который вплоть до 30 — 40-х годов 20 века не признавал конституционность социальных, экономических прав и возможность ограничения прав частной собственности в целях общего благосостояния [21, с. 5 — 6, 27 — 28]. Тем не менее, важность обеспечения государством основных экономических свобод: свободы работать, пользоваться плодами своего труда; свободы владеть и контролировать свое имущество; свободы участвовать в свободном рынке, была подчеркнута Президентом США в «Экономическом билле о правах Америки» от 3 июля 1987 г. [22].

Многие российские теоретики включают в состав экономических прав, конституционных институтов экономической свободы не только свободу труда как базовый принцип организации социально-экономической жизни, но и иные (отдельные) либо «все» трудовые права, закрепленные в ст. 37 Конституции РФ [23, с. 19; 7, с. 51]. Полагаем, что права: на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37), право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37), необходимо отнести к *социальным правам*, которые одновременно являются и *правами-гарантиями* экономического права — свободы труда.

Данная позиция согласуется и с подходом к закреплению «трудовых прав» в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., в тексте которого отдельно, в ст. 6, установлено право на труд, включающее в себя право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который он свободно соглашается. При этом в ст. 7 пакта выделяется право каждого на справедливые и благоприятные условия труда. Некоторые зарубежные конституции также различают свободу труда, выбора профессии (как «личное» право) и право на труд, гарантии трудящихся — как «экономические права». Так, ст. 47 «Свобода выбора профессии и доступа к государственной службе» расположена в гл. 1 «Личные права, свободы и гарантии» разд. 2 Конституции Португальской Республики 1976 г. В разд. 3

данной Конституции в гл. 1 «Экономические права и обязанности» зафиксированы: право на труд и трудовые права, направленные на обеспечение условий труда, вознаграждение и отдых, право на частную собственность и частную экономическую инициативу и др. [24].

Таким образом, в конституциях зарубежных государств и зарубежной практике права, традиционно рассматриваемые отечественной наукой конституционного права как экономические, могут принадлежать и к группе личных прав (в том числе прав первого поколения — право частной собственности, предпринимательской деятельности). Здесь нетрудно увидеть определенное отличие понимания содержания основных экономических прав и необходимости их конституционной регламентации в России и во многих странах с устоявшимися демократическими традициями. Для Российского государства, остро пережившего коммунистический период подавления имманентно присущих практически каждому человеку прав (возможности иметь имущество в частной собственности, свободно распоряжаться им и заниматься деятельностью, приносящей доход), имеющего богатый опыт признания в советских Конституциях большинства социальных прав, было существенно важным провозгласить в Основном законе России, в целях закрепления демократических преобразований, права человека и гражданина в сфере экономической свободы, а именно право на предпринимательскую деятельность (ст. 34 ч. 1); право частной собственности (ст. 35); самостоятельное право — право частной собственности на землю (ст. 36), свобода труда (ст. 37 ч. 1) как базовый принцип организации социально-экономической жизни, выбора рода деятельности и профессии. Данные права можно отнести к числу как негативных (исходя из естественного их характера, вытекающего из природы человека), так и позитивных, исходя из того, что для их осуществления и защиты необходимы активные действия государства в законодательной и правоприменительной сфере. Заметим, что указанный подход имеет место большей частью в конституциях постсоциалистических государств и стран с авторитарным и тоталитарным прошлым, ввиду необходимости восстановления и конституционного признания экономической основы демократического государства — институтов частной собственности, предпринимательской деятельности, свободы труда.

Список литературы:

1. Козлова, Е.И. Конституционное право России : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. — М.: Проспект, 2015. — 592 с.
2. Кокотов, А.Н. Конституционное право России: курс лекций. — 2-е изд., перераб. и доп. / А.Н. Кокотов. — М., 2013. — 296 с.
3. Колотова, Н.В. Социально-экономические права: особенности конституционного регулирования и защиты // *Общественные науки и современность*. — 2013. — № 4. — С. 67–77.
4. Маклаков, В.В. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник для студентов юрид. вузов и фак. — 2-изд., испр. и доп. / В.В. Маклаков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. — 896 с.
5. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. — 5-изд., перераб. и доп. / С.А. Авакьян. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. — Т. 1. — 864 с.

6. Ткачева, Н.А. Конституционно-правовое регулирование и практика реализации социально-экономических прав и свобод граждан в Российской Федерации и зарубежных странах // Ленинградский юридический журнал. 2013. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-i-praktika-realizatsii-sotsialno-ekonomicheskikh-prav-i-svobod-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii-i> (дата обращения: 10.03.2018).

7. Рудинский, Ф.М. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Ф.М. Рудинский, Ю.В. Гаврилова, А.А. Крикунова, Т.А. Сошникова ; под общ. ред. Ф.М. Рудинского. — М.: Права человека, 2009. — 495 с.

8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1998. — 10 декабря.

9. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 14, ст. 1514.

10. Права человека : учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. — 3-е изд. — М.: Юр. Норма, ИНФРА-М, 2015. — 512 с.

11. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17, ст. 291.

12. Конституция Итальянской Республики : пер. с ит. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: ИНФРА-М : Норма, 1997. — 894 с.

13. Ламперт, Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь / Х. Ламперт. — М.: Дело, 1993. — 224 с.

14. Декларация прав человека и гражданина 1789 года. — URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789.5076.html> (дата обращения: 12.03.2018).

15. Конституция 1946 г. IV Республика. — URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1946-ive-republique.5109.html> (дата обращения: 15.03.2018).

16. Основной закон Федеративной Республики Германии // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: ИНФРА-М : Норма, 1997. — 894 с.

17. Испанская Конституция : пер. П. Романа / Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995. — URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.NTM> (дата обращения: 10.03.2018).

18. Конституция Федеративной республики Бразилия 1988 г. — URL: <http://www.v-brazil.com/government/laws/constitution.html> (дата обращения: 16.03.2018).

19. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. — М.: Прогресс : Универс, 1993. — 768 с.

20. Сафонов, В.Н. Становление и развитие социально-экономических прав граждан в США: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Сафонов. — М., 2007. — 61 с.

21. Американский экономический билль о правах 3 июля 1987 г. — URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=34513> (дата обращения: 12.03.2018).

22. Бондарь, Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики / Н.С. Бондарь. — М.: Норма : Инфра-М, 2017. — 272 с.

23. Конституция Португальской Республики. — URL: <https://www.parlamento.pt/Legislacao/Paginas/ConstituicaoRepublicaPortuguesa.aspx> (дата обращения: 16.03.2018).

У.А. Старшова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного права
Саратовской государственной
юридической академии

U.A. Starshova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
uastarshova@yandex.ru

Понятие, признаки и перспективы развития современного социального государства: российский и зарубежный опыт

Аннотация: актуальность заявленной проблемы заключается в изучении принципа социального государства в России и зарубежных странах. Социальное государство сегодня — важнейшая характеристика любого демократического правового государства, без которого невозможны реализация прав и свобод человека, существование достойного уровня жизни. Ведущая роль в решении сложных социальных проблем принадлежит государству. Никакие другие организации не могут играть ту роль в социальной сфере, которую призвано и обязано выполнять государство. Демократические преобразования, проводимые в нашей стране, привели к необходимости поиска оптимальной модели социального государства. Для достижения заявленной цели изучение зарубежного опыта — естественная необходимость.

Ключевые слова: Конституция России, конституции зарубежных стран, социальное государство, правовое государство, гражданское общество, признаки.

The definition, the signs and the perspectives of the development of a modern social state: Russian and foreign experience

Abstract: the urgency of the stated problem lies in the study of the principle of the social state in The Russian Federation and foreign countries. A social state is the most important characteristic of any democratic legal state, without which it is impossible to realize the rights and freedoms of man and citizen, no existence of a decent standard of living. A state has the leading role in solving complex social problems. No other organizations can replace the state in its responsibilities in the social sphere. The democratic reforms in our country led to search for the optimal model of the social state. The studying of the foreign experience is necessary to achieve the stated goal.

Keywords: The Constitution of Russia, Constitutions of the foreign countries, the social state, the constitutional state, civil society, signs.

Первообразной целью государственной власти является удовлетворение материальных и духовных потребностей и интересов человека. Это очевидно из самой природы государственной власти, социальность которой нет необходимости доказывать. Такое направление деятельности государства в настоящее время характеризуется понятием «социальное государство».

Ведущая роль в решении сложных социальных проблем принадлежит государству. Никакие другие организации не могут играть ту роль в непроизводственной и социальной сфере, которую призвано и обязано выполнять государство, его институты, государственные служащие.

Социальное государство необходимо рассматривать в трех аспектах: концептуальном — как идею и ее развитие в различных научных теориях, нормативном — как конституционный принцип, закрепленный в Конституции РФ и иных нормативных актах, практическом — как реальную практику деятельности государственных институтов по решению актуальных проблем в социальной области.

Генератором социальной политики выступает государство, которое обеспечивает разнообразную защиту малозащищенным и в социальном плане уязвимым гражданам (инвалидам, старикам, детям и т.д.), осуществляет деятельность по сохранению за каждым членом общества определенного жизненного уровня, необходимого для поддержания человека и его семьи, когда он работает, а также в случае безработицы, болезни, вдовства, инвалидности, старости.

Впервые понятие «социальное государство» в юридическом смысле появилось в конце XIX в. в трудах известного немецкого ученого Лоренца фон Штейна (1815 – 1890). Его теория сложилась под влиянием философии Гегеля, французских социалистических доктрин и в результате анализа развития капитализма и классовой борьбы в Германии. Он считал, что идея государства заключается в восстановлении равенства и свободы, защите всех обездоленных; государство должно осуществлять общественный и экономический прогресс для всех его членов. В монографии, изданной в 1846 году в Германии, Штейн доказывал, что социальное государство должно поддерживать абсолютное равенство в правах для всех классов, оно обязано «способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо развитие одного является условием развития другого и в этом смысле мы говорим об общественном или социальном государстве» [1, с. 215].

По мнению Х. Байера, «современное социальное государство — это централизованно управляемая забота об обеспечении граждан во всех жизненных положениях, которая раскрывается как первейшее проявление современной демократии, притом что социальная справедливость основывается на экономическом либерализме» [2, с. 9].

Основная цель современного государства — обеспечение достойной жизни. Социальное государство должно строиться на принципе достойного человека прожиточного минимума. В истории многих европейских стран в XIX в. ответственность за реальную помощь нуждающимся с уровня общин постепенно переместилась на общегосударственный.

Многие страны мира закрепляют данный принцип на нормативном уровне (например, Болгария, Испания, Франция и др.). Наиболее последовательно концепция социального государства нашла отражение в конституционном и текущем законодательстве Федеративной Республики Германии. Так, статья 20 Основного закона ФРГ гласит, что Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным государством.

Наравне с понятием «социальное государство» в странах Запада в 50–70-х гг. XX в. появилось понятие «государство всеобщего благоденствия», или «общество благосостояния», — концепция правления, при которой государство играет ключевую роль в защите и поощрении экономического и социального благополучия своих граждан.

Эта теория основана на принципах равенства возможностей, справедливого распределения богатства и гражданской ответственности в отношении тех, кто не в состоянии самостоятельно обеспечивать себе определенные социальные стандарты [3].

Оксфордский словарь под «государством всеобщего благосостояния» («welfare state») понимает систему, в которой государство берет под защиту вопросы здоровья и благосостояния своих граждан, в особенности тех, кто испытывает финансовую или социальную нужду, посредством выдачи грантов, выплаты пенсий или других пособий [4].

Основы благосостояния для современного государства в Соединенном королевстве Великобритании были изложены в докладе Бевериджа от 1942 года, предлагающего такие институты, как национальная служба здравоохранения и национальная страховая система, реализованные в 1948 году.

Американский словарь М. Вебстера понимает под государством всеобщего благосостояния социальную систему, основанную на предположении о том, что политическое государство имеет первостепенную ответственность перед индивидуальным и всеобщим социальным благосостоянием своих граждан [5].

Наравне с понятием «социальное государство» в странах Запада в 50–70-х годах XX века появилось понятие «государство всеобщего благосостояния», или «общество всеобщего благосостояния», — это концепция правления, при которой государство играет ключевую роль в защите и поощрении экономического и социального благосостояния своих граждан.

Рассматриваемая концепция основана на принципах равенства возможностей, справедливого распределения богатства и гражданской ответственности в отношении тех, кто не в состоянии самостоятельно обеспечивать себе определенные социальные стандарты [6].

Многие ученые и политики выделяют скандинавскую модель «капитализма всеобщего благосостояния» [7]. В Скандинавских странах, например, осуществление сильной государственной социальной политики рассматривается как прямая обязанность публичной власти. Один из самых низких показателей расслоения между богатыми и бедными в мире привел к тому, что все население пользуется услугами фактически одинакового качества. Шведская модель социального государства сочетает в себе полную занятость, стабильность цен и выравнивание доходов населения. Так, по данным государственной службы занятости Швеции, уровень безработицы в 2017 г. составил в среднем 4 %, т.е. был приемлемым [8].

В условиях демократии ответственность общества за достойное существование не абсолютна, она наступает лишь тогда, когда гражданин не может самостоятельно обеспечить себя самого, свою семью, близких. Социальное государство руководствуется постулатом, согласно которому первостепенна ответственность личности, в том числе в сфере социальных отношений. Государство должно стремиться дать равные стартовые возможности каждому для обеспечения достойной жизни, помочь в трудной ситуации. При этом исключительно важна роль личной инициативы, самостоятельности, предприимчивости.

Суть концепции социального государства отражена в ст. 7 Конституции РФ 1993 г. Россия, провозгласившая себя социальным государством, приняла обязательство проводить эффективную государственную социальную политику, направленную на рост благосостояния граждан, обеспечение достойной жизни и свободного развития человека. Социальное государство — основа

конституционного строя нашего государства, конституционная цель и ценность, завоеванная демократией.

Для реализации данного принципа основной статьей расходов в 2018 г. стала социальная политика. Кроме того, в отдельной строке Федерального закона о государственном бюджете определяются такие важные для граждан меры поддержки, как размер материнского (семейного) капитала, разнообразные социальные выплаты [9].

В последние годы из-за социально-экономического кризиса в отраслях социальной сферы складывается сложная ситуация. В первую очередь это недофинансирование отраслей и необходимость создания в социальных организациях коммерческих услуг, которые приводят к неравенству в их получении различными категориями граждан.

В основе социальной политики лежит принцип социальной справедливости. Осуществление принципа справедливости — главная задача социального государства. Политика, проводимая в государстве, призвана обеспечить гражданам компенсацию в такой степени, чтобы вследствие неравномерного распределения ресурсов не возникали конфликты, лишения, не происходила правовая, социальная и культурная изоляция определенных социальных, этнических групп населения.

Социальное государство — это государство, которое обеспечивает социальную защиту малоимущим и социально уязвимым гражданам (инвалидам, старикам, детям и т.д.), проводит социальную политику, признающую за каждым членом общества право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания его самого и его семьи, когда он работает, а также в большей степени в случае безработицы, болезни, вдовства, старости. Разноплановая социальная политика — один из признаков существования социального государства. Поскольку наличие целостной социальной политики является главным определяющим фактором социального государства, можно сделать вывод о том, что закрепленная в конституции единая социальная цель государства — обеспечение достойной жизни и свободного развития человека и есть конечная цель, на достижение которой должна быть направлена социальная политика. Для того чтобы социальное государство в Российской Федерации стало реальностью, необходимо, чтобы социальная политика обеспечивалась в следующих направлениях:

- повышение благосостояния народа, которое охватывает как уровень удовлетворения материальных потребностей людей, так и социально-экономические условия их жизнедеятельности;

- осуществление принципа социальной справедливости, который не означает создание абсолютного равенства. Социальная политика призвана обеспечить социальную компенсацию в такой степени, чтобы вследствие неравномерного распределения ресурсов не возникали социальные конфликты, лишения, чтобы не проходила правовая, социальная и культурная изоляция определенных социальных групп;

- обязательная социальная защита населения, которая охватывает различные сферы (занятости и безработицы, семейной и молодежной политики, социального обеспечения, здравоохранения и т.п.). В России осуществляется социальная защита безработных, инвалидов, пожилых,

многодетных семей, сирот, детей в неполных семьях. Социальное государство невозможно без эффективной социальной защиты населения, которая является составной частью государственной социальной политики.

Признаком социального государства также выступает развитое гражданское общество с его основными структурными элементами.

Социальное государство наиболее эффективно функционирует только при наличии развитого и структурированного гражданского общества. Именно гражданское общество разрушает монополию государства в сфере социальной политики. В большинстве развитых стран гражданское общество обеспечило значительное возрастание уровня социальной защищенности граждан, защитило их от чрезмерной опеки и регламентации государственных структур. Во многом низкий уровень качества жизни россиян обусловлен тем, что в нашей стране до сих пор не сформированы реальные социальные субъекты (помимо государственных структур), эффективно воздействующие на социальную политику государства [10, с. 126]. Для реализации конституционного принципа социального государства и обеспечения достойной жизни и свободного развития человека необходимо создание условий, при которых человек сам сможет обеспечивать себя и своих близких, и только в рамках развитого гражданского общества возможно создание таких условий.

Социальным может стать только правовое государство, в котором механизмы господства права развиты настолько, что способны удержать «перераспределительный произвол» власти в жестких рамках, не дать социальному началу государственности навредить ее правовому началу [11, с. 272–274]. Следовательно, можно говорить о социально-правовом государстве, в котором присутствует легитимная база.

Процессы формирования правового социального государства в современной России могут развиваться одновременно и параллельно, поскольку для этого существуют определенные предпосылки:

- многообразие и равноправие форм собственности, включая частную собственность на землю, свобода предпринимательства и предпринимательской деятельности;
- политическое многообразие и идеологический плюрализм;
- социальная направленность внутренней и внешней политики;
- развитие местного самоуправления;
- активизация роли церкви в обществе, светский характер государства, что способствует закреплению в общественном сознании терпимости друг к другу и к представителям иных национальностей, милосердия, сострадания к человеку, добра и справедливости и т. д.

Однако нельзя ограничивать смысл социальной защиты лишь выплатами пособий определенным категориям граждан. В содержание данного понятия многие юристы, экономисты и социологи вкладывают совокупность различных мер, мероприятий и направлений.

Еще одним признаком социального государства выступает социально ориентированная рыночная экономика и эффективная реализация социально-экономических прав и свобод граждан.

Социально ориентированная рыночная экономика — это экономическая система, которая основывается на свободном рынке в сочетании с государственным обеспечением для тех, кто не может работать (пенсионеры, безработные и т.д.). Социально-экономическая модель, комбинирующая свободу предпринимательской деятельности, с одной стороны, и социальную политику — с другой, устанавливает систему честной конкуренции между рынком и социальным государством. Она должна найти компромисс между несколькими компонентами — частной собственностью, свободной внешней торговлей, свободной ценовой политикой и универсальной системой социальной поддержки определенных слоев населения.

Список литературы:

1. Stein, L. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften Deutschlands. — Stuttgart, 1876. — 346 s.
2. Bair, H. Ehrlichkeit im Sozialstaat. — Zurich, 1998. — 152 p.
3. Kildal, N. Norway: an amenable member of the OECD // The OECD and European Welfare States / N. Kildal, S. Kuhnle; ed. by K. Armingeon, M. Beyeler. — Cheltenham: Edward Elgar, 2004. — P. 60–74.
4. Oxford Living Dictionaries. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com>
5. Merriam-Webster Dictionary. — URL: www.merriam-webster.com
6. Welfare state / Encyclopedia Britannica [electronic resource]. — URL: <http://www.britannica.com>
7. Esping-Andersen, G. Three World of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. — Princeton, New Jersey, 1990. — P. 248.
8. URL: <https://www.instaforex.com/ru/forex-news/2105714.html>
9. О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов : Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 362-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2017. — № 50, ст. 7533.
10. Роик, В. Социальное государство и гражданское общество // Человек и труд. — 1996. — № 11. — С. 126.
11. Теория права и государства / под ред. Г.Н. Манова. — М., 1995. — С. 272–274.

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права
Саратовской государственной
юридической академии

N.N. Lipkina,
Candidate of Law, Associate Professor
of Saratov State Law Academy
k_intlaw@ssla.ru

Состояние необходимости в общем международном праве и дерогация в международном праве прав человека: соотношение правовых институтов*

Аннотация: актуальность статьи обусловлена особой ролью, которую состояние необходимости и дерогационные оговорки призваны играть в деле установления должного баланса существенных интересов государства и интересов защиты прав человека в чрезвычайных ситуациях. Цель

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключющие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека».

статьи — проанализировать соотношение состояния необходимости в общем международном праве и дерогационных оговорок в международном праве прав человека. В основу исследования положен анализ и обобщение теоретических аспектов поставленной проблемы, а также анализ международной практики, в частности анализ практики Комиссии международного права ООН, Африканской комиссии по правам человека и народов. Автор делает выводы, что наличие в международном договоре по правам человека дерогационной оговорки исключает применение института состояния необходимости, но только в рамках данной оговорки. В ситуации, когда дерогационная оговорка в международном договоре отсутствует, вопрос о применимости норм общего международного права о состоянии необходимости должен разрешаться на основе толкования международного договора, с учетом, в частности, намерений сторон, существовавших при его заключении, целей и объекта договора, а также объема ограничительных оговорок, содержащихся в нем.

Ключевые слова: международная ответственность; обстоятельства, исключающие противоправность деяния; состояние необходимости; международное право прав человека; права человека; дерогация.

State of necessity in general international law and derogation in international human rights law: correlation of legal categories

Abstract: topicality of the article is evidenced by the important role of the state of necessity and derogation clauses for establishment of a proper balance between the state's essential interests and the interests of human rights protection. The purpose of the article is to analyze the relationship between the state of necessity in general international law and the derogation clauses in international human rights law. The research is based on the analysis and synthesis of theoretical aspects of the problem and analysis of international practice, in particular, the analysis of the practice of the UN International Law Commission and of the African Commission on Human and Peoples' Rights. The author concludes that the existence in an international human rights treaty of a derogation clause excludes the application of the state of necessity, but only within the frames of this derogation clause. In a situation where there are no derogation provisions in an international treaty, the question of applicability of the norms of general international law on the state of necessity should be resolved on the basis of interpretation of an international treaty, taking into account, *inter alia*, the intentions of the parties that existed on the time of its conclusion, the purposes and object of the treaty, the scope of the limitation clauses contained therein.

Keywords: international responsibility; circumstances precluding the wrongfulness of conduct; a state of necessity; international human rights law; human rights; the derogation.

Несмотря на то, что содержание такого обстоятельства, исключающего противоправность деяния, как состояние необходимости, было проработано Комиссией международного права ООН в ходе подготовки проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, его применимость к специальным сферам международного сотрудничества, в частности к сфере международного сотрудничества по правам человека, вызывает немало споров в науке международного права. Например, вопрос о том, как существование специальных договорных положений, которые так или иначе ссылаются на ситуации необходимости, влияет на последствия, которые, в противном случае, вытекали бы из соответствующего общего принципа международного права, обсуждался еще при разработке проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [1, § 67]. Отвечая на данный вопрос, Специальный докладчик Комиссии международного права ООН Р. Аго подчеркнул, в частности, что включение в международные

договоры специальных положений, касающихся необходимости, имеет целью адаптацию общего принципа к особенностям предмета и природы соответствующих договорных обязательств, сделав вывод о том, что в таких ситуациях приоритет отдается специальной норме [1, § 67]. Указанный подход находит прямое отражение в принятом проекте статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в частности, в его ст. 55, согласно которой данные статьи не применяются, если и в той мере, в какой условия наличия международно-противоправного деяния или содержание международной ответственности государства или ее имплементация определяются специальными нормами международного права. Кроме того, в подп. «а» п. 2 ст. 25 проекта статей прямо указано, что в любом случае государство не может ссылаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности, если данное международно-правовое обязательство исключает возможность ссылки на состояние необходимости. Таким образом, в случае наличия в тексте международного договора о правах человека дерогационных оговорок, регулирующих вопросы отступления от соответствующих международных обязательств в чрезвычайных ситуациях, приоритет отдается именно им, а применение института состояния необходимости исключается [2, р. 139; 3, р. 252].

При этом, как отметил Р. Аго, если ссылка на необходимость очевидно исключена в отношении отдельных обязательств по тому или иному договору, необходимость может применяться в отношении иных обязательств по такому договору [1, § 69]. Р. Боед, ссылаясь на данное мнение для целей толкования п. 2 ст. 2 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., согласно которому никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток, отметил, что данная Конвенция, по сути, фокусируется только на одном праве — праве на свободу от пыток, и делает вывод о том, что не является очевидным, исключает ли Конвенция ссылку на состояние необходимости в отношении нарушения положения о невысылке (*non-refoulement provision*) (закрепленного в ст. 3 Конвенции) [4, р. 35]. Таким образом, в случае наличия в международном договоре о правах человека дерогационной оговорки применение института состояния необходимости исключается, однако только в рамках данной оговорки.

Подобный, казалось бы, очевидный подход к соотношению дерогационных оговорок и состояния необходимости вызывает все же ряд вопросов относительно того, какое значение при определении применимости института состояния необходимости имеет отсутствие в тексте международного договора по правам человека дерогационной оговорки.

С одной стороны, анализ таких ситуаций позволяет логически сделать вывод, что применение состояния необходимости как института общего международного права становится возможным. При этом в науке международного права часто отмечается значение состояния необходимости в международном праве прав человека именно для цели «восполнения

пробелов» при отсутствии специальных норм на этот счет [3, p. 252]. Об этом свидетельствуют и приведенные выше размышления Р. Аго.

Вместе с тем в науке можно встретить также мнение, что поскольку дерогация как институт международного права прав человека обсуждалась с самого начала работы над первыми общими международными договорами по правам человека как универсального [5], так и регионального уровня [6], то отсутствие дерогационной оговорки в тексте соответствующего международного договора по правам человека (при наличии всех возможностей для ее включения в его текст) может свидетельствовать о намерении государств-участников исключить право на отступление от соответствующих международных обязательств в чрезвычайных ситуациях. Такая позиция находит отражение в науке международного права, а также определенное подтверждение и в международной практике.

Например, комментируя отсутствие дерогационной оговорки в Африканской хартии прав человека и народов, отдельные исследователи делают вывод, что ее разработчики хотели побудить государства не использовать чрезвычайные полномочия в качестве оправдания приостановления прав [7, p. 153]. Сама Африканская комиссия по правам человека и народов, подчеркнув, что Африканская хартия прав человека и народов, в отличие от других документов по правам человека, не позволяет государствам-участникам отступать от своих договорных обязательств в чрезвычайных ситуациях, сделала вывод о том, что ограничения прав и свобод, закрепленных в ней, не могут быть оправданными чрезвычайными ситуациями или особыми обстоятельствами [8, § 41], включая, например, нахождение государства в состоянии гражданской войны [9, § 21].

Указанные мнения и выводы ставят ряд вопросов. *Во-первых*, вызывает определенные вопросы толкование правовой позиции Африканской комиссии по правам человека и народов о том, что Африканская хартия прав человека и народов не позволяет государствам-участникам отступать от своих договорных обязательств в чрезвычайных ситуациях. Африканская комиссия сформулировала данную правовую позицию без какого-либо предварительного обоснования или дальнейших комментариев, в связи с чем она может быть воспринята как не более чем констатация отсутствия в тексте Африканской хартии прав человека и народов дерогационной оговорки. Если это так, то остается неясным представление Африканской комиссии о применимости института состояния необходимости к отношениям, регулируемым Африканской хартией. Если же рассматриваемая правовая позиция подразумевает запрет отступления от обязательств по Африканской хартии среди прочего со ссылкой на состояние необходимости, то возникает вопрос о том, каковы основания для такого вывода, поскольку отсутствие специальной нормы представляется неверным автоматически приравнивать к запрету применения нормы общей. Так, например, Т. Мерон, исследуя соотношение состояния необходимости и дерогации, отметил, что существует потенциал для государств-участников сделать вывод о том, что Африканская хартия прав человека и народов косвенно разрешает им ссылаться на закрепленное в обычном праве состояние необходимости [10, p. 218–219].

Во-вторых, отраженная далее в этих же решениях Африканской комиссии по правам человека и народов правовая позиция о том, что чрезвычайные ситуации или специальные обстоятельства, в том числе гражданская война, не могут использоваться в качестве оправдания государством, нарушающим или разрешающим нарушения прав, гарантированных в Африканской хартии, также вызывает вопросы.

Что означает «не могут использоваться в качестве оправдания»? Как и многие другие международные акты о правах человека, Африканская хартия прав человека и народов содержит ряд ограничительных оговорок, включенных в текст отдельных ее статей и свидетельствующих о возможности ограничения гарантированных в данных статьях прав и свобод среди прочего в интересах государственной и общественной безопасности, с целью охраны правопорядка и т.д. Дерогационные оговорки предоставляют государству большую свободу усмотрения при вмешательстве в гарантированные на международном уровне права и свободы, при этом, в случае их отсутствия, у государства сохраняется свобода усмотрения (пусть и в меньшем объеме, чем в условиях дерогации) по осуществлению вмешательства в гарантированные права и свободы в целях, предусмотренных в ограничительных оговорках (в случае их наличия в международном договоре). Как представляется, гражданская война, даже в ситуации отсутствия в Африканской хартии прав человека и народов дерогационной оговорки, позволяет государству-участнику правомерно осуществлять вмешательство в гарантированные в ней права и свободы человека среди прочего в интересах государственной и общественной безопасности в рамках соответствующих ограничительных оговорок. Процитированные правовые позиции Африканской комиссии по правам человека и народов толкуются в науке именно как обязывающие государства-участника даже в чрезвычайной ситуации действовать в рамках ограничений, допускаемых Африканской хартией прав человека и народов [11, р. 165].

Другой вопрос — соблюдение пределов свободы усмотрения государства. Дерогация предоставляет государству право отступить от обязательств по международному договору по правам человека сверх пределов, допускаемых ограничительными оговорками, содержащимися в нем. Таким образом, представляется, что Африканская комиссия по правам человека и народов в рассматриваемых правовых позициях имела в виду, что гражданская война или иные чрезвычайные ситуации не могут использоваться в качестве оправдания именно подобного более глубокого уровня вмешательства в гарантированные права и свободы. Однако даже при таком толковании анализируемых правовых позиций остается вопрос, не охватывается ли (ввиду отсутствия дерогационной оговорки) подобный более глубокий уровень вмешательства в гарантированные права и свободы человека ограничительными оговорками (например, в литературе можно встретить точку зрения, что оговорки о чрезвычайной ситуации содержатся не только в дерогационных, но и в отдельных ограничительных оговорках [3, р. 237]).

Следует отметить, что осторожное отношение к признанию возможности применения состояния необходимости, как института общего международного права, к отношениям в сфере прав человека вызвано оправданными

опасениями снижения при этом эффективности защиты прав человека. Даже осуществление дерогации, как подчеркивается в рамках Совета Европы, не должно превращаться в обыденную практику [12, § 108]. При этом, как нередко отмечают исследователи, использование процедуры дерогации привносит больше ясности в дело обеспечения прав человека, чем ссылка на состояние необходимости (на институт общего международного права, без необходимой его адаптации к специфике обязательств государства в сфере прав человека), что позволяет им считать отсутствие дерогационных оговорок одним из недостатков соответствующих договорных режимов по правам человека [13; 7, p. 153].

Подводя итог, можно отметить, что наличие в международном договоре по правам человека дерогационной оговорки исключает применение института состояния необходимости в пределах действия данной оговорки. Отсутствие же в том или ином международном договоре по правам человека оговорки о дерогации, как представляется, нельзя автоматически рассматривать как свидетельство применимости к содержащимся в нем международным обязательствам института состояния необходимости. Решение данного вопроса лежит в плоскости толкования соответствующего международного договора с учетом, в частности, существовавших при его заключении у сторон намерений относительно применимости института состояния необходимости, особенностей природы и предмета обязательств, закрепленных в нем, а также содержания и объема ограничительных оговорок, включенных в его текст.

Список литературы:

1. Ago, R. Addendum to the eighth report on State responsibility. The internationally wrongful act of the State, source of international responsibility (part 1) (concluded), 1980 / R. Ago. — URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_318_add5_7.pdf&lang=EFS (дата обращения: 16.05.2018).
2. Manton, R. Necessity in International Law : Thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Law / R. Manton. — University of Oxford. — 2016. — URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:0ee2dd8e-6eac-4364-b538-21ae5eb932a2> (дата обращения: 15.05.2018).
3. Desierto, D.A. Necessity and National Emergency Clauses: Sovereignty in Modern Treaty Interpretation / D.A. Desierto. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. — 432 p.
4. Boed, R. State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct / R. Boed // Yale Human Rights and Development. — 2000. — Vol. 3(1). — Article 1. — P. 1–43.
5. Letter from Lord Dukeston, the United Kingdom Representative on the Human Rights Commission, to the Secretary-General of the United Nations // Report of the Drafting Committee on an International Bill of Rights to the Commission on Human Rights, 1947. Annex B. — URL: <http://hr-travaux.law.virginia.edu/document/iccpr/ecn421/nid-101> (дата обращения: 16.05.2018).
6. Preparatory Work on article 15 of the European Convention on Human Rights: Informational document prepared by the Secretariat of the European Commission on Human Rights of 22 May 1956. — URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Library_TravPrep_Table_ENG.pdf (дата обращения: 16.05.2018).
7. Cowell, F. Sovereignty and the Question of Derogation: An Analysis of Article 15 of the ECHR and the Absence of a Derogation Clause in the ACHPR / F. Cowell // Birkbeck Law Review. — 2013. — Vol. 1. — Issue 1. — P. 135–162.

-
8. Afr.Comm.HPR. Constitutional Rights Project, Civil Liberties Organisation and Media Rights Agenda v. Nigeria (communication no. 140/94-141/94-145/95), 05 November 1999.
9. Afr.Comm.HPR. Commission nationale des droits de l'Homme et des libertés v. Chad (communication no. 74/92), 11 October 1995.
10. Meron, T. Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law / T. Meron. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — 248 p.
11. Challenges in International Human Rights Law. Vol. 3 / ed. by M.T. Kamminga. — London: Routledge, 2017. — 824 p.
12. Comte, R. State of emergency: proportionality issues concerning derogations under Article 15 of the European Convention on Human Rights : Report to the Committee on Legal Affairs and Human Rights Parliament Assembly of the Council of Europe, 2017 / R. Comte. — URL: <http://website-pace.net/documents/19838/4246196/20180122-DerogationEmergency-EN.pdf/9ad478be-6b4e-4f92-95ff-687ebbb31fa> (дата обращения: 15.05.2018).
13. Ryngaert, C. State Responsibility, Necessity and Human Rights / C. Ryngaert. — 2009. — URL: <https://www.law.kuleuven.be/iir/nl/onderzoek/working-papers/WP141e.pdf> (дата обращения: 15.05.2018).

П.С. Баринов,
*аспирант кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии*

P.S. Barinov,
*Graduate student of Department of theory
of state and law of Saratov State law
Academy
barinov.p@mail.ru*

Обесценивание правовых категорий и правовой нигилизм: вопросы соотношения и взаимосвязи

Аннотация: в статье привлекается внимание к проблеме утраты ценности правовыми категориями и ее связи с процессом формирования нигилистического отношения к праву в обществе. Отмечается недостаточная разработанность в общей теории права вопросов процесса обесценивания правовых категорий, его влияния на правосознание личности, профессионального юриста и общества в целом. Раскрываются основные моменты взаимного порождения процессов утраты ценности категориями права и порождения правового нигилизма. Делается вывод о том, что правовые категории, не отвечающие потребностям и интересам личности, общества, являются одной из важнейших предпосылок формирования и распространения правового нигилизма. Вместе с тем подчеркивается, что правовой нигилизм государственных служащих способен обесценить содержание даже подлинно демократичных законов и установленных в них правовых понятий.

Ключевые слова: правовые понятия и категории, ценность и обесценивание правовых категорий, правосознание, правовой нигилизм.

Devaluation of legal categories and legal nihilism: the correlation and relationships

Abstract: the article draws attention to the problem of loss of value by legal categories and its connection with the process of formation of nihilistic attitude to law in society. The insufficient development in the General theory of law of questions of process of depreciation of legal categories, its influence on legal consciousness of the personality, the professional lawyer and society as a whole is noted. The basic moments of mutual generation of processes of loss of value by categories of law and generation of legal nihilism are revealed. It is concluded that the legal categories that do not meet the needs and interests of the individual, society, are one of the most important prerequisites for

the formation and spread of legal nihilism. At the same time, it is emphasized that the legal nihilism of civil servants can devalue the content of even truly democratic laws and legal concepts established in them.

Keywords: *legal concepts and categories, value and depreciation of legal categories, legal awareness, legal nihilism.*

В современных условиях развития российского общества значимость изучения ценностного содержания правовых категорий и его утраты особенно актуальна ввиду неразвитости правового сознания большей части населения. Правовой нигилизм глубоко укоренился не только в сознании граждан, но и в менталитете государственных служащих, что вызывает особые опасения и требует своевременного научно-теоретического осмысления и точного реагирования со стороны государства и его правовой политики. Состояние осознания правовых ценностей у россиян далеко от требуемого идеала и часто сопровождается устойчивой мотивационной установкой на противоправное поведение. Проблема ценности правовых категорий как фундаментальной основы правосознания является нам в новом свете, когда мы обращаемся к вопросу о глубине и широте охвата правовым нигилизмом групп и слоев российского общества с позиции безопасности государства, обеспечения правопорядка и законности в стране.

Вопрос о взаимном влиянии и соотношении процесса обесценивания правовых категорий и правового нигилизма не привлек должного внимания в отечественной юридической литературе. В основном исследователи сосредоточили свои усилия на изучении понятия, причин, видов и форм проявления правового нигилизма [1, с. 91–93; 2, с. 13–22; 3; 4; 5, с. 14 – 21; 6, с. 5–12]. Проблема утраты категориями юридической науки и практики ценностного содержания, на наш взгляд, в полной мере не может быть раскрыта без рассмотрения ее связи с правосознанием личности, профессиональных юристов и общества в целом. Лишь в незначительном числе работ затрагиваются отдельные аспекты данной тематики [7, с. 7–10; 8, с. 5–13; 9, с. 46–48].

Особый ракурс подобная проблематика имеет еще и ввиду наличия в современном научном знании психологической теории ценности. Последняя напрямую увязывает ценностный характер предметов и явлений с закономерностями формирования и функционирования психики человека [10].

В рамках науки теории права наиболее близкой к рассматриваемой тематике является работа В.Е. Пшидатака, в которой автор особо выделяет взаимную обусловленность состояния правосознания и правовых ценностей. Исследователь следующим образом раскрывает детерминанты правового нигилизма и утраты правовых ценностей в российском обществе: «Россиянам как культурной общности, являющейся носителем специфического правового менталитета, традиционно присущи синкретизм и этикоцентризм правопонимания, ориентирующий на малозначимость и регулятивную недостаточность ценностей формального права, что объективно служило и служит внутрикультурным фактором девальвации правовых ценностей в личном и общественном сознании и распространения правового нигилизма» [11, с. 9].

Следует согласиться с тем, что факторами, содействующими распространению правового нигилизма в российском обществе, выступают

не только особая правовая ментальность граждан, но и, что не менее значимо, и своеобразный «дефицит» юридических ценностей, формируемый недостаточной правовой информированностью граждан, «непрозрачностью» деятельности органов государственного управления, отстранением населения от решения наиболее важных государственно-правовых задач. Кроме того, государственная власть в лице отдельных органов и должностных лиц демонстрирует лишь формально-декларативное провозглашение целого ряда правовых ценностей, порой не обеспечивает их надлежащую защиту и спекулирует ими в собственных узкогрупповых интересах.

Преодоление подобной тенденции в распространении правового нигилизма в обществе и девальвации ценности ряда значимых правовых категорий и институтов представляется весьма длительным и трудоемким процессом, опорой которому должны служить устойчивое социально-экономическое развитие государства, подлинное формирование структур гражданского общества и выработка устойчивого стереотипа правомерного поведения у граждан и должностных лиц самого государства. Наличествующий же в настоящий момент процесс неоправданного обесценивания отдельных правовых категорий усложняет форму деформации правосознания как рядовых граждан, так и профессиональных юристов.

Более опасной представляется тенденция возрастания роли правового нигилизма в качестве мотивационного фактора в совершении правонарушений, что делает проблему изучения обесценивания правовых категорий еще более актуальной для современного Российского государства.

Проблема ценностного содержания права и его категорий в увязке с явлением правового нигилизма поднималась еще в 80-е годы прошлого столетия болгарским правоведом Н. Неновски. Автор справедливо указывал, что право и его понятийный аппарат характеризуются необходимостью тетического и аксиологического обоснования. По его мнению, тетически обоснованными являются те нормативные правовые предписания, которые проистекают из авторитета государственной власти. Однако подлинно ценными нормы права становятся лишь в ходе признания их социальной ценности гражданином и обществом. Ввиду этого, как доказывал Н. Неновски, в авторитарных и тоталитарных государствах формируются объективные и субъективные предпосылки для утверждения и распространения различных форм правового нигилизма [12, с. 216–217]. Таким образом, в обществах с отмеченными политическими режимами подлинные общечеловеческие ценности утрачивают свое значение, на смену им государство в своей политике и в праве закрепляет нормы и категории, не содействующие удовлетворению действительных интересов граждан и общества, что и вызывает по отношению к ним сознательное отрицание. Подобные «неправовые» законы тоталитарной власти, не имеющие подлинного ценностного содержания, обесцениваются в глазах граждан и вызывают к жизни явление правового нигилизма.

Вопросы психологического восприятия ценности правовых категорий в первую очередь связаны с возможностью последних служить действенным средством удовлетворения потребностей и реализации интересов различных

групп и слоев общества. В данном случае верным представляется следующее утверждение: «Несовпадение ценностного (ценности) и деонтического (юридические обязанности или, более обще, юридически должное) в сознании большинства людей — вот психологический корень правового нигилизма» [12, с. 217].

Отдельно следует выделить проблему исторических традиций, правового менталитета, культуры в связке с ценностным отношением к праву. Так, многие исследователи характеризуют российское общество как традиционно и исторически склонное к нигилистической форме осознания права и его ценности, что, по их мнению, актуализирует вопросы правового воспитания граждан в целях искоренения правового нигилизма и повышения уровня их правосознания. На наш взгляд, подобный подход в незначительной части отражает истинные причины утраты ценностного содержания правом в глазах россиян. Наиболее существенными условиями и факторами правового нигилизма граждан в России выступают не традиции, а реальные условия социально-экономической жизни значительного их числа, неспособность удовлетворения собственных интересов посредством закона и иных юридических инструментов, коррупция в органах государственной власти, недоступность для многих по финансовым причинам квалифицированной юридической помощи, бюрократизм, излишняя судебная волокита, низкий процент реального исполнения судебных актов, иные схожие негативные явления социально-правовой действительности.

Безусловно, ценность и обесценивание правовых категорий надлежит рассматривать в более широком формате, в том числе и в рамках правовой культуры общества в целом. Именно общий уровень правовой культуры в обществе может демонстрировать действительный характер ценности права и правовых категорий. Право само является одной из важнейших составляющих культуры, его ценностное содержание под особым углом преломляется в общекультурном пространстве. В случае утраты большинством категорий права ценностного содержания, оно перестает быть частью культурного достояния общества, превращаясь одновременно с расширением правового нигилизма в социальную «антиценность», что особенно характерно для обществ с тоталитарным и авторитарным политическими режимами.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, правовые категории, не отвечающие потребностям и интересам личности, общества, являются одной из важнейших предпосылок формирования и распространения правового нигилизма. С другой стороны, правовой нигилизм граждан, в особенности государственных служащих, способен обесценить содержание даже подлинно демократичных законов и установленных в них правовых понятий. При этом субъективно переживаемое в сознании личности или общества отношение к правовым категориям и отражаемым в них ценностям имеет непостоянный характер, зависит от ряда факторов, многие из которых преходящи в силу непрекращающегося социального развития.

Обесценивание правовых категорий и правовой нигилизм представляют собой тесно соприкасающиеся явления правовой действительности. Увеличение одного из данных явлений сопровождается, как правило,

расширением сферы действия другого. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что правовые категории составляют ядро развитой формы правосознания человека и общества, представляют собой его системный каркас. В случае искаженной формы правосознания правовые категории либо утрачивают свое доминирующее значение в устремлении правовой активности личности, либо вовсе отторгаются сознанием индивида, лишаются всякой ценности при мотивации поведения, которое часто начинает существенным образом расходиться с предписаниями права.

Ценностное восприятие правовых категорий преимущественно протекает и получает свое первое проявление именно в правосознании. Как точно отмечал Н. Неновски, «... оценки, ценности, правовые нормы относятся к сфере правосознания, образуют его сложную структуру» [12, с. 186].

Следовательно, обесценивание правовых категорий как психический процесс составляет одну из важнейших частей правового нигилизма. Однако не всякое обесценивание правовых категорий влечет за собой нигилистическое отношение. В случае объективной утраты той или иной правовой категорией ценностного содержания в силу естественно-исторического развития возможна своевременная законодательная, судебная-интерпретационная или научно-теоретическая корректура ее содержания и приведение тем самым его в соответствие с изменившимися социальными интересами и потребностями, что предупреждает ее негативную ценностную оценку в правосознании личности и общества. Обесценивание категорий в сознании индивида может быть обусловлено и чисто субъективными факторами, к числу которых можно отнести: недостаточную правовую информированность; юридическую безграмотность; неверные теоретические или «житейские» представления о праве и его понятиях; криминогенные установки личности; коррупционные устремления и т.п. В последних случаях правовой нигилизм как устойчивая характеристика правосознания индивида и мотивационная установка к противоправному поведению может вызвать по цепочке дальнейшее отрицание ценности правовых категорий и нормативных предписаний, что позволяет утверждать о вовлечении нигилистическим сознанием в свою орбиту все новых и новых правовых категорий в целях их негативной ценностной оценки.

Список литературы:

1. Алтутнина, И.С. Правовой нигилизм в системе понятий теории правовой культуры общества // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 7. — С. 91–93.
2. Белкин, Л.М. Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. — 2013. — № 10. — С. 13–22.
3. Вороненков, Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм (Теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Н. Вороненков. — М., 1999. — 26 с.
4. Зрячкин, А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Зрячкин. — Саратов, 2007. — 23 с.
5. Матузов, Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. — 1994. — № 2. — С. 14–21.

6. Матузов, Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. — 2013. — № 10. — С. 5–12.

7. Бочкарев, А.И. Девальвация общечеловеческих ценностей в среде двойных стандартов // Экономика образования. — 2015. — № 2. — С. 7–10.

8. Мусаелян, Л.А. Девальвация международного права: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Философия. Психология. Социология. — 2014. — № 4. — С. 5–13.

9. Победкин, А.В. О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 2. — С. 46–48.

10. Алишев, Б.С. Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Казань, 2002. — 33 с.

11. Пшидаток, В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Е. Пшидаток. — Ростов н/Д, 2007. — 30 с.

12. Неновски, Н. Право и ценности: пер. с болг. / вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. — М.: Прогресс, 1987. — 248 с.

В.А. Робак,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-
правовых дисциплин Крымского
юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации*

V.A. Robak,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
Disciplines of the Crimean Law Institute
(branch) of the Academy of the Prosecutor
General's Office of the Russian Federation*

Вопросы квалификации хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств

Аннотация: в статье рассматривается соотношение толкования понятий, содержащихся в ст. 226 УК РФ и ст. 158 и 163 УК РФ. На основе анализа мнений других авторов, а также судебной практики делается вывод о нецелесообразности применения положений примечания 1 ст. 158 УК РФ к ст. 226 УК РФ. Кроме того, указывается нецелесообразность применения отдельных положений ст. 163 УК РФ к ст. 226 УК РФ. Для устранения пробелов в указанной сфере автор предлагает внести изменения в примечание 1 ст. 158 УК РФ, дополнить примечанием ст. 226 УК РФ, применить отдельные положения ст. 163 УК РФ к ст. 226 УК РФ.

Ключевые слова: оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, незаконный оборот оружия.

Issues of qualification of embezzlement and racketeering of weapons, ammunition, explosive substances and explosive devices

Abstract: the article analyzes the correlation of the interpretation of the concepts of art. 158, 163 and 226 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the opinions of other authors, as well as judicial practice, it is concluded that it is not appropriate to apply the provisions of note 1 of the art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation to the art. 226 of the Criminal Code of the Russian

Federation. The inexpediency of applying individual provisions of the art. 163 of the Criminal Code of the Russian Federation to the art. 226 of the Criminal Code of the Russian Federation is stated. The author's position to eliminate gaps in this area is suggested, namely, to make a change on the note 1 of the art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, the addition of the note of art. 226 of the Criminal Code of the Russian Federation and the application of the certain provisions of the art. 163 to the art. 226 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: *weapons, ammunition, explosives, explosive devices, arms trafficking.*

Толкование понятий, содержащихся в той или иной норме уголовного закона, является необходимым шагом при характеристике конкретного состава преступления. Без выяснения содержания понятий невозможно правильно квалифицировать деяние, выявить его особенности, разграничить тождественные составы преступлений. При конструировании уголовного закона законодатель в ряде норм указал толкование понятий, которое распространяется на все нормы, содержащие данные термины. Такая позиция верна, поскольку различное толкование одного и того же понятия недопустимо и негативно влияет на применение закона правоприменителем. Однако в отдельных случаях, ввиду особенностей конкретного состава преступления (его общественной опасности, последствий его совершения и т.п.), судебной практики привлечения лиц к уголовной ответственности за совершения данных преступлений, нецелесообразным является применение отдельных положений толкований понятий, которые указываются как в общих, так и в специальных нормах. В частности, по нашему мнению, указанная ситуация применима к толкованию понятия «хищение», которое содержится в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, и толкованию названного понятия, содержащегося в ст. 226 УК РФ.

Под хищением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, необходимо понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом [1].

«Хищение» — это обобщающее понятие, которое предусматривает все формы завладения каким-либо имуществом, в том числе и предметами. К формам хищения относятся: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж и разбой.

При совершении хищения указанных предметов путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты или грабежа данное преступление признается оконченным с момента фактического завладения указанными предметами. При совершении хищения указанных предметов путем разбоя преступление считается оконченным с момента нападения с целью завладения указанными предметами.

Необходимо указать, что изменения, внесенные законодательством в ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (Федеральные законы от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ и от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), не относятся к предмету преступления, предусмотренному ч. 1 ст. 226 УК

РФ, предметом преступления в которой остаются все виды гладкоствольного оружия, их основные части и боеприпасы к ним (гладкоствольное охотничье, служебное и боевое), а также комбинированное (гладкоствольно-нарезное) оружие [2, с. 9].

Раскрывая данный вопрос, следует обратиться к положениям примечания 1 ст. 158 УК РФ, где содержится понятие хищения, которое, в соответствии с указанием законодателя, относится ко всем нормам УК РФ. Так, под хищением в статьях настоящего кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [3].

На основании анализа приговоров по ст. 226 УК РФ можно сделать вывод о том, что порядка 35–40 % хищений оружия осуществляется с некорыстной целью (использование при совершении преступления, уничтожение или повреждение указанных предметов, низменные побуждения и т.п.). Исходя из указанного определения понятия «хищение» изъятие и обращение имущества должно преследовать корыстную цель. В данном случае, в виду того, что данное понятие распространяется на весь УК РФ, возникает вопрос, возможно ли квалифицировать деяния лица по ст. 226 УК РФ при отсутствии такой цели?

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» отсутствует положение, в котором указано, что хищение указанных предметов должно совершаться именно с корыстной целью.

По мнению некоторых авторов, для преодоления данной проблемы целесообразно предусмотреть ответственность за изъятие оружия без признаков хищения [4, с. 143].

Отдельные авторы отмечают, что цель при хищении данных предметов не является обязательным признаком [5, с. 538]. Однако, по нашему мнению, исключение цели (непринятие во внимание) в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, не разрешает вопрос о противоречии положения примечания 1 к ст. 158 УК РФ, которое распространяется на все нормы УК РФ, и толковании понятия «хищение», содержащегося в ст. 226 УК РФ. В данном случае положение о недопустимости различного толкования одного и того же понятия применительно к разным статьям УК РФ продолжает иметь место.

Другие исследователи придерживаются мнения, что для соблюдения правил формальной логики и устранения различных толкований уголовного закона, необходимо термин «хищение» в названии и диспозиции ст. 226 УК РФ заменить на термин «неправомерное завладение» [6, с. 8]. Полагаем, что такое предложение является не вполне обоснованным, возникнет конкуренция норм ст. 222 и ст. 226, поскольку затруднительно будет разграничить понятие «неправомерное завладение» и приобретение (путем обнаружения, покупки и т.п.).

В ст. 229 УК РФ предусматривается ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, где законодатель также не устанавливает корысть как обязательную цель данного состава. Необходимо указать, что в Постановлении Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» также не указывается, что хищение либо вымогательство данных предметов может осуществляться только с корыстной целью [7].

В ст. 221 УК РФ предусматривается ответственность за хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, где законодатель также не устанавливает корысть как обязательную цель данного состава.

В соответствии с приговором Дзержинского городского суда Нижегородской области от 9 марта 2011 г. было установлено, что Х., действуя умышленно, с целью хищения огнестрельного оружия Н. выхватил табельное оружие — пистолет из руки Н. и скрылся с ним с места совершения преступления. Отбежав на безопасное расстояние и убедившись, что его никто не преследует, и, имея реальную возможность распорядиться похищенным у сотрудника полиции пистолетом, Х. распорядился им по своему усмотрению, а именно выкинул в снег. Действия Х. были квалифицированы по ч. 1 ст. 226 УК РФ [8]. Необходимо отметить, что подобные действия в отношении какого-либо имущества нельзя квалифицировать как хищение в рамках действия главы 21 УК РФ. В соответствии с приговором Калининградского гарнизонного военного суда 10 декабря 2014 г. было установлено, что В., выполняя обязанности пожарного при утилизации патронов стрелкового оружия 3 категории марки 7.62 мм образца 1908/30 годов к винтовке образца 1891/30 годов, решил похитить патроны калибра 7.62 мм 1951 года выпуска в количестве 5 штук и хранить их как память о службе в армии. Действия В. были квалифицированы по ч. 1 ст. 226 УК РФ [9]. Подобные действия в отношении какого-либо имущества также нельзя квалифицировать как хищение в рамках действия главы 21 УК РФ.

Выделение корыстной цели при хищении ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, ответственность за которое предусмотрено в ч. 2 ст. 226 УК РФ, по нашему мнению, является крайне нецелесообразным, поскольку также безосновательно сузит применение данной нормы.

Поэтому, что целесообразно отдельно уделить внимание такой форме объективной стороны, как вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Исходя из определения вымогательства, содержащегося в

ст. 163 УК РФ, можно сделать вывод о том, что под вымогательством огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, следует понимать требование передачи указанных предметов под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. По мнению отдельных авторов, вымогательство указанных предметов может выражаться не только в требовании передачи указанных предметов, но и в требовании передачи права на оружие или совершении других действий имущественного характера с данными предметами [10, с. 63]. По нашему мнению, ввиду того, что указанные предметы изъяты из свободного оборота и, в отдельных случаях, для обращения с ними требуется получение специального разрешения (лицензии), не вполне обоснованным является указание на возможность осуществления вымогательства права на оружие, поскольку такое право может быть предоставлено только уполномоченными органами. Кроме того, мы считаем, что нецелесообразно указывать на совершение других действий имущественного характера в отношении указанных предметов, поскольку их можно отнести только к категории имущество.

На основании изложенного, с целью устранения пробела относительно толкования понятия «хищение», считаем целесообразным внести изменения в примечание 1 ст. 158 УК РФ, изложив его в следующей редакции: под хищением в статьях настоящей главы понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Также целесообразно дополнить ст. 226 УК РФ примечанием следующего содержания: под хищением в настоящей статье необходимо понимать безвозмездное противоправное изъятие и (или) обращение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения в пользу виновного или иных лиц. Вымогательство указанных предметов возможно только при требовании их фактической передачи.

Список литературы:

1. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5. — URL: <http://base.garant.ru/1352597/> (дата обращения: 14.07.2017).

-
2. Иванова, Л.В. Хищение и вымогательство огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Иванова. — СПб., 2004. — 191 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/fb522826ace216c139340de9ed06214ba989c656/ (дата обращения: 23.03.2018).
4. Бикеев, И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук / И.И. Бикеев. — Йошкар-Ола, 2000. — 217 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. — М.: Юрист, 1996. — 824 с.
6. Багрова, О.Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук / О.Л. Багрова. — М., 2004. — 164 с.
7. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14. — URL: <http://base.garant.ru/1356161/> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 9 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 19.08.2017).
9. Приговор Калининградского гарнизонного военного суда от 10 декабря 2014 г. — URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 19.08.2017).
10. Поздеева, О.С. Некоторые проблемы квалификации хищения и вымогательства огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 1. — С. 59–65.

А.К. Аниканов,
заместитель председателя
Саратовского областного суда

A.K. Anikanov,
Deputy Chairman of the Saratov regional
court
artkan@mail.ru

Проблемы совершенствования судебной власти в политико-правовых воззрениях И.Т. Посошкова

***Аннотация:** статья посвящена анализу политико-правовых воззрений И.Т. Посошкова на проблемы совершенствования судебной власти. Тема является актуальной в связи с постоянным совершенствованием системы судебной власти в России и обращением к накопленному политико-правовому наследию И.Т. Посошкова. В работе использовались исторический и контекстный методы и метод сравнительного анализа. В ходе исследования произведений И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» и «Завещание отеческое» автор приходит к выводу, что мыслитель опередил свое время, тем самым вступив в идеологический конфликт с крепостническим дворянством. Его стремление, пусть и с сохранением крепостного состояния, но обеспечить крестьянству и другим непривилегированным сословиям гарантии законности, в данном случае в сфере осуществления правосудия, уничтожилось в связи с юридически оформленными правами-привилегиями. Некоторые идеи мыслителя были практически реализованы позже, в ходе проведения судебной реформы 1864 года.*

***Ключевые слова:** И.Т. Посошков, судебная власть, правосудие, камерализм, меркантилизм.*

Problems of improving the judiciary in the political and legal views of I.T. Pososhkov

Abstract: the article is devoted to the analysis of political and legal views of I.T. Pososhkov on the problems of improving the judiciary. The topic is relevant in connection with the continuous improvement of the judicial power system in Russia and the non-persistent interest in the political and legal heritage of I. T. Pososhkov. The paper uses the historical and legal method and the method of contextual analysis. In the course of the study of I. T. Pososhkov's works «The Book about scarcity and wealth» and «Paternal Will» the author came to the conclusion that I. T. Pososhkov was somewhat ahead of his time and in this regard entered into an ideological conflict with the serfdom. His desire, even with the preservation of serfdom, the peasants and other unprivileged classes guarantee the rule of law, in this case in the field of administration of justice, ran on the idea of the rights of the nobility. Some of the ideas put forward by I. T. Pososhkov were partially implemented later, during the judicial reform of 1864.

Keywords: I.T. Pososhkov, judicial power, justice, cameralism, mercantilism.

Переломные периоды истории характеризуются повышенным интересом к трансформациям различных институтов государственности, в том числе органов судебной власти. Данная тема нашла широкое отражение в сочинениях Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726), предлагавшего различными способами усовершенствовать судебную систему, в их числе – борьба с коррупцией, искоренение волокиты, четкая организация работы судов и другие. Некоторые из предложений И.Т. Посошкова были реализованы достаточно оперативно, другие – спустя более значительное время, однако практически все они в конечном итоге оказались востребованы практикой.

Отдавая должное судейскому усмотрению, И.Т. Посошков выступает за максимальную нормативную регламентацию процесса вынесения решения, а также за то, чтобы оно логически и понятно следовало из действующих законов. Он даже выступает за принятие соответствующего кодифицированного акта, который облегчал бы работу судьям различной, далеко не самой высокой квалификации: «А буде не сочинить на решение всяких дел нового изложения, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякого судьи свой ум и как кому понравится, так и судит, а надобно так его устроить, чтобы и не весьма разумный судья мог право судить» [2, с. 96].

Указанный закон следует разработать с участием представителей всех сословий, «самым вольным голосом, а не под принуждением, дабы в том изложении как высокородным, так и низкородным и как богатым, так и убогим и как высокочинцам, так и низкочинцам и самым земледельцам обид бы и утеснения от незнания какого-либо их бытия в том новоисправном изложении не было» [2, с. 97]. Не только четко работающая судебная власть, но и профилактика правонарушений, правовое просвещение должны, по замыслу И.Т. Посошкова, способствовать минимизации правонарушений. Так, принимаемые законы должны быть широко известны, «чтобы всяк их читал и волю его величества ведал и от всяких неправых дел отдалялся».

Рассуждая о проблемах коррупции, весьма остро стоявших в современном И.Т. Посошкову государстве, мыслитель выступает за искоренение порока

юридическими репрессиями в отношении преступающих закон судей: «А без урона я не чаю установиться правде, а право сказать, и невозможно правому суду установиться, ежели сотня-другая судей не падет, понеже у нас в Руси неправда вельми застарела» [2, с. 103].

И.Т. Посошковым предлагались также меры борьбы с волокитой, излишним бюрократизмом. Мотивируя требованием экономии казны, мыслитель предлагает платить жалование судьям «с дел»: при быстром рассмотрении предполагалось выплачивать оклад целиком, в случае нарушения сроков — сокращать наполовину, а при затягивании процесса — вовсе лишать судью денежного содержания. Оперативность в рассмотрении дел — это, судя по «Завещанию отеческому» и «Книге о скудости и богатстве», — вторая по значимости судейская добродетель после справедливости: «Судье надобно помнить то, чтобы даром и одинаго дня не пропустить, чтоб дела какова ис той росписи не вершить и, слушав, чинить решение немедленно, дабы людие божий ко изълиших волокитах напрасно не мучились» [2, с. 79].

Будучи купцом, И.Т. Посошков теоретически обосновывает гарантии частной собственности, без которых немыслима полноценная предпринимательская деятельность. Он сетует на недальновидное пренебрежительное отношение к отечественным купцам: «В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких, и того ради у них купецкие люди и богаты зело. А наши судьи нимало людей не берегут я тем небрежением все царство в скудость приводят» [2, с. 93]. В связи с этим следует согласиться с Р.М. Гусейновым, отмечавшего стремление И.Т. Посошкова поставить судебную систему на защиту интересов не только государства, но и предпринимательского сообщества [8, с. 114].

Мыслитель уделил также внимание проблеме судейского непрофессионализма в вынесении решений, от которого в конечном итоге страдают невиновные люди: «От неуправления судейского вельми много в мире пакостей и разорения чинится и погибают многие, напрасно в заключениях сидя, з голоду и от всякие нужды умирают безвременной смертью» [2, с. 118].

С целью повышения эффективности судебной деятельности И.Т. Посошков дает некоторые практические рекомендации по организации рабочего дня судей и обеспечивающего их аппарата, выполнения процессуальных действий и составления документов. Многие из таких советов базируются не столько на анализе деятельности судов, тем более не на заимствовании зарубежного опыта, сколько на житейском здравом смысле и личном опыте И.Т. Посошкова.

Мыслитель предлагает с самого утра максимально разгружать суды от незначительных и легко разрешимых дел. Он рекомендует судьям начинать рабочий день с опроса всех ожидающих суда «колодников», то есть обвиняемых, ожидающих рассмотрения дела. В том случае, если нет смысла держать их под стражей, И.Т. Посошков рекомендует поступать следующим образом: «И буде дело до кого невеликое, то того ж часа и решить ево, а буде коего дела решить того часа невозможно, то велел бы того свободить на поруки или на росписку или за пристава и положил бы срок, когда коему явитца» [2, с. 77].

Мыслитель рекомендовал судьям активнее использовать подьячих для предварительного рассмотрения дела, стимулируя наиболее способных из них и депримируя нерадивых. Выносить приговор следует, когда свое мнение высказали все, что способствует учету и правильной оценке всех обстоятельств: «И в вершенни первее бы подьячие приговор закрепили, а потом товарищи судейския, а последи всех главной бы судья закрепил, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно» [2, с. 91].

Судья, по мнению автора «Книги о скудости и богатстве», может выполнять функции, свойственные нотариусу. В целях развития отечественного купечества И.Т. Посошков предлагал кредитовать желающих коммерсантов из казны, а судья удостоверял бы сделку: «И аще у кого иканье будет из казны рублей тысяч на десять или и на сто тысяч, то надлежит во устроенной на то книге росписатца. И буде он человек не весьма полной, то и поручики тут же бы подписались, а свидетелем подписыватца не надобно, для того что судья закрепит» [2, с. 95].

И.Т. Посошков, выражая различные масштабные политико-правовые явления своей эпохи: камерализм, меркантилизм, — опередил свое время, тем самым вступив в идеологический конфликт с дворянством, привилегии которого распространялись в том числе на занятие судейских должностей. Его стремление, пусть с сохранением крепостного состояния, но обеспечить крестьянству и другим непривилегированным сословиям гарантии законности, в данном случае в сфере осуществления правосудия, наткнулись на представления о привилегиях дворянства.

Список литературы

1. Посошков, И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И.Т. Посошков; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 529 с.
2. Гусейнов, Р.М. Девять пунктов Ивана Посошкова // Сибирская финансовая школа. — 2008. — 4. — С. 114–115.

Н.И. Сухова,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и
права Саратовской государственной
юридической академии*

N.I. Sukhova,

*Candidate of Law, Associate Professor of
Department of Theory of State and Law of
the Saratov State Law Academy*

Критические замечания по использованию некоторых логических форм познания правовой действительности

Аннотация: в статье автор обращается к проблеме использования парности юридических категорий как одной из логических форм познания правовой действительности, нарушение которой приводит к существенным ошибкам при отнесении того или иного правового явления к парным. Методологическое исследование обусловленной формы познания позволяет в последующем определить диалектическую связь парных явлений, раскрыть новые стороны их взаимодействия, сформулировать наиболее целостную модель процесса функционирования правового средства или механизма.

Отмечается, что анализ идей о парности позволяет не только выработать максимально верный алгоритм получения научных знаний, но и спрогнозировать потенциальные отрицательные последствия его ненадлежащего применения, а также предложить пути их сокращения.

Ключевые слова: логические формы познания, методология исследования, парные юридические категории, непротиворечивость знания, принцип права, противоположение.

Critical remarks on the use of some logical forms of cognition of legal reality

Abstract: in the article the author turns to the problem of using the pairing of legal categories as one of the logical forms of cognition of the legal reality, the violation of which leads to significant mistakes during the classifying a legal phenomenon as paired. The methodological research of the determined form of cognition makes it possible in the future to show up the dialectical connection of paired phenomena, to discover new aspects of their interaction, to formulate the most complete model of the process of functioning of a legal instrument or mechanism. It is noted that the analysis of ideas about the pairing allows not only to develop the most accurate algorithm of obtaining scientific knowledge, but also to predict the potential negative consequences of its improper application, as well as suggest ways to reduce them.

Keywords: logical forms of cognition, methodology of research, paired legal categories, consistency of knowledge, principle of law, opposition.

Вопросы парности юридических категорий как формы познания взаимодействия юридических феноменов, не так давно поставленные в научной сфере юриспруденции [1], стали очень популярны в исследованиях последнего времени. Однако, несмотря на широкий диапазон применения, до сих пор остаются сложности в понимании порядка выстраивания ряда юридических пар, построения алгоритма их рассмотрения, нахождения их в правовой материи и последующего анализа. В итоге это приводит к нарушениям правил диалектической логики, ошибкам, бесосновательному отнесению явлений правовой сферы к парным. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что в современной юридической науке речь о парных категориях может вестись лишь в плане постановки проблемы, путь решения которой требует серьезных и глубоких методологических исследований [1; 2, с. 77; 3, с. 119–120; 4; 5, с. 72–73].

Изучение парности юридических понятий стало возможным благодаря работам по указанной проблематике в философии, теории познания и диалектической логике. В диалектике онтологии широко используются парные категории. Так, категориальная пара «бытие — небытие» признается генетической парной категорией, которая развивается в нескольких рядах парных категорий [6].

Процесс познания основан на применении эвристических возможностей имеющихся теорий, состоящих из множества следствий, вытекающих из нее. Теория обеспечивает решение возникающих в ходе научных поисков задач, стимулирует выдвижение новых идей и прогнозов. Однако в ходе исследования обнаруживается ситуация, когда научные положения не только логически не вытекают из имеющихся знаний, но даже часто входят в противоречие с ними. В этих условиях развитие знания происходит на основе разрешения противоречия между тенденцией к завершенности и логической непротиворечивости теории и необходимостью выхода за ее рамки [7, с. 222].

В процессе познания окружающей действительности могут появиться знания об одном объекте, противоположные друг другу, но в единстве составляющие сущность данного объекта. Тогда познание движется, следуя необходимости связать обе противоположности, «...восстановить разрезанное на части противоречие и, тем самым, вновь привести в движение то, что было остановлено...» [8, с. 19].

Как бы то ни было, определенный объем работы в направлении выделения парных юридических категорий и их обоснования уже проделан, есть результат, который не может не использоваться в познании взаимодействующих, противоположных, но представляющих некое единство явлений. Выделен ряд противоположных и тесно взаимосвязанных абстракций, в парности которых мало у кого возникают сомнения («юридическая обязанность — субъективное право», «поощрение — наказание», «стимулы — ограничения», «материальное право — процессуальное право», «государство — право», «норма — отклонение», «публичное право — частное право» и т.д.); определены критерии отнесения категорий к числу парных; предложены исследовательские алгоритмы рассмотрения логической формы парных категорий [5, с. 86–87; 9, с. 113–156; 10, с. 165–189] и др.

Все это весьма полезно для решения задач по предмету нашего исследования, первая из которых состоит в том, чтобы установить диалектическую связь парности между действием одного явления или процесса и противодействием этому другого явления или процесса; вторая — определить возможную парность действия закона и противодействия ему.

Применение в исследовании логической формы парных категорий дает возможности для расширения понятийных рядов, обогащения информации о существующих понятиях, которые могут оказаться не однополярными, раскрытия новых сторон взаимодействия явлений, отражаемых данными понятиями, а также формирования наиболее полной модели процесса функционирования правового средства или механизма, прогнозирования возможных негативных последствий и предложить пути их минимизации. Нельзя не согласиться с позицией, согласно которой отыскание связи парности категорий и понятий может и должно использоваться не только в условиях достаточной изученности обеих понятий, но и когда одна из абстрактных форм выражения действительности не нашла достаточной определенности или не изучена вовсе [11, с. 174].

Представленный, но далеко не исчерпывающий указанными возможностями потенциал парных категорий в научном анализе стал заманчивым ресурсом исследователей. Так, в общей теории права, где парность категорий или сама становилась предметом исследования, или средством получения новых знаний, получен весьма полезный результат, выразившийся в предложении модели алгоритма рассмотрения парных категорий в юридической сфере, наиболее развернутый вариант которого включает семь взаимосвязанных этапов познания: изучение двух антиномий в отдельности; выделение общих признаков и различий между ними; установление единства данных явлений; раскрытие особенностей взаимовлияния и взаимодействия; рассмотрение

функционирования и развития; выявление качественно-количественной неравноценности антиномий в ходе, в т.ч. причинно-следственного взаимодействия; включение пары противоположных правовых явлений во взаимосвязь более высокого уровня [5, с. 86–87].

В последнее время различные аспекты использования, функционирования и развития категорий отраслевых наук также подвергаются изучению с точки зрения парности [12, с. 41–45; 13–15]. Так, парными категориями, вернее, элементами парных категорий гражданского процессуального права, предлагается считать принципы права. При этом интересным становится решение вопроса о противоположной принципам права категории. Ее автор видит в так называемых противоположениях. Если принцип права — закрепленная в гражданском процессуальном праве главная, основополагающая, руководящая идея (положение, начало), нормативно-руководящее начало, которая и законодателем принята в качестве такой, то по сравнению с ней есть другая, противоположная (антипринцип, противоположение), не основополагающая, не руководящая и, по мнению законодателя, не главная в данный исторический момент. При этом и первая, и вторая закреплены в праве, не могут существовать друг без друга, а потому их предлагается рассматривать как элементы парной категории [15, с. 30]

Еще одной парой юридических понятий, используемых прежде всего в конституционном праве, предлагается считать «правосудие — правовое государство». При обосновании такой позиции упор делается на то, что Российская Федерация как конституционно оформленное правовое государство характеризуется признанием: а) приоритета человека и его прав по отношению к иным социальным ценностям; б) приоритета права. В связи с этим идея правовой защиты человека выступает основным принципом построения и развития правового государства, правосудие — ее важнейшим государственным инструментом. «Исходя из многократно подтвержденного общественно-политической практикой принципа относительной самостоятельности и взаимообусловленности общества, государства и права, логично предположить, что для стандарта идеального (правового) государства потребуется соответствующий высокий уровень правосудия. Если права и свободы личности декларируются в качестве высшей ценности правового государства, то ответственность за охрану и защиту этих прав возлагается на его правовую систему. Именно в этом заключается взаимная обусловленность указанных парных категорий» [13, с. 41].

В целом положительно оценивая обращение к ресурсам парности понятий в отраслевых исследованиях, поддерживая желание авторов найти новые аспекты и характеристики достаточно полно изученных явлений, нельзя не обратить внимания на имеющееся игнорирование некоторых условий рассмотрения парных категорий в указанных работах.

Во-первых, в науке устоялось понятие «парные категории», под которым подразумевается две противоположные друг другу категории/понятия, находящиеся во взаимозависимости, отражающие одну сущность. При этом практически не применяется понятие «элементы парной категории». С учетом этого принципы права и противоположения как элементы парной категории

должны ее составлять. Однако автором не называется парная категория, которая в качестве элементов имеет принципы права и антипринципы — противоположения.

Во-вторых, явна слабая позиция автора по введению понятия «противоположения». Оно выводится автором из заключения о том, что принципы закреплены в законодательстве в качестве основополагающих идей, а иные идеи законодателем таковыми не позиционируются, значит их можно назвать антипринципами, противоположениями, с чем согласиться нельзя.

В-третьих, не находит поддержки выявленная пара противоположных понятий, которые при внимательном рассмотрении таковыми не являются. Строго говоря, и принципы, и противоположения, нашедшие закрепление в законодательстве, становятся нормами права. Поэтому пара понятий представлена «норма — норма». Естественно, эта связь не отражает и не может отражать понятийной антиномии. Скорее всего, пара противоположных понятий по идее автора статьи должна выглядеть так: «норма — ненорма» или «норма — отклонение», что в большей мере соответствует учению о парности понятий.

В-четвертых, выделение пары «правовое государство — правосудие» также не безупречно с точки зрения соблюдения условий использования логической формы парности понятий. Правовое государство — форма организации публичной власти, показатель уровня развития государства в правовом, гуманитарном и социальном измерении. Однако оно не перестает быть организацией управления в масштабах общества. Высокий уровень правосудия — принцип правового государства, а вместе они — условия соблюдения приоритета прав и свобод человека и гражданина, средства обеспечения высшей ценности. Вряд ли правовое государство и правосудие представляют собой противоположные категории, как например, стимулы и ограничения, которые, будучи средствами правового регулирования (единство природы), разнонаправленно действуют в процессе регламентации общественных отношений, имеют различные последствия и технико-юридические приемы выражения. Также обстоит дело с наказанием и поощрением, субъективными правами и юридическими обязанностями.

Однако критика приведенных идей о парности некоторых понятий специально-юридических наук не имеет сколько-нибудь самостоятельной цели применительно к предмету нашего исследования. Она призвана лишь показать сложность использования методологии в исследованиях правовых явлений вообще, логической формы парных категорий в частности, уберечь от явных ошибок, становящихся причинами получения дефектного знания, максимально учесть условия применения ресурса антиномичности познания и следовать существующему алгоритму.

Список литературы:

1. Васильев, А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. — М., 1976. — 264 с.
 2. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / А.В. Малько. — Саратов, 1994. — 182 с.
-

-
3. Малько, А.В. Исследование парных категорий как методологический ресурс правоведения / А.В. Малько, В.В. Нырков // Теоретико-методологические проблемы права: сб. статей. — М., 2007. С. 99–119.
 4. Малько, А.В. Парные категории общей теории права: методологические основания и перспективы разработки / А.В. Малько, В.В. Нырков // Правовая политика и правовая жизнь. — 2017. — № 3. — С. 23–31;
 5. Нырков, В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / В.В. Нырков ; под ред. А.В. Малько. — Саратов, 2006. — 204 с.
 6. Зверев, А.М. Диалектика онтологии / А.М. Зверев. — URL: <http://zverev-kazan.narod.ru/> (дата обращения: 06.06.2018).
 7. Марксистско-ленинская диалектика: в 8 кн. Книга 3: Диалектика процесса познания / под редакцией М. Н. Алексеева, А. М. Коршунова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 367 с.
 8. Кедров, Б.М. Противоречивость познания и познание противоречия / Диалектическое противоречие : в 2-х ч. — Ч. 1. — М., 1979. — 343 с.
 9. Рудаков, А.А. Права и обязанности как парные юридические категории: дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2006. — 197 с.
 10. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. — LAP, 2011. — 360 с.
 11. Панченко, В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия / В.Ю. Панченко. — М., 2015. — 232 с.
 12. Андреев, С.В. Парные категории в криминалистике и в практике выявления и раскрытия преступлений / С.В. Андреев, Л.В. Бертовский, В.А. Образцов // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. Тезисы выступлений. — М., 2004. — С. 41–45.
 13. Баев, В.Г. Правосудие и правовое государство: к вопросу о «примирении» категорий // Российская юстиция. — 2014. — № 5. — С. 39–42
 14. Образцов, В.А. Криминалистика: парные категории / В.А. Образцов. — М., 2007. — 296 с.
 15. Шерстюк, В.М. Парные категории в гражданском процессуальном праве (на примере принципов отрасли права) // Вестник гражданского процесса. — 2017. — № 5. — С. 29–44.

• **ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ —
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА** •

Д.А. Смирнов,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
административного и финансового
права Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета

D.A. Smirnov,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Administrative
and the financial law of the legal institute
North-Caucasian Federal University
dmi197526@yandex.ru

Л.Э. Богашева,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного и
финансового права Северо-Кавказского
федерального университета

L.E. Botasheva,
Candidate of Law, Associate Professor
administrative and financial law North-
Caucasian Federal University
botasheval@gmail.com

**К вопросу об особенностях налогообложения
на территориях со специальным режимом
предпринимательской и инвестиционной
деятельности**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью обращения к вопросам стимулирования предпринимательской и инвестиционной деятельности в условиях нового курса публичной власти. Решение важных социальных и экономических задач является основной целью введения территорий со специальным режимом налогообложения и иного экономико-правового регулирования.

Предоставление государством удобных, льготных условий налогообложения для повышения предпринимательской активности служит ключевой задачей режима благоприятствования. Анализ имеющихся научных работ как российских, так и зарубежных исследователей показывает отсутствие критического системного осмысления механизма установления налогообложения на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности в современной России, что не позволяет данному институту занять достойное место в системе средств, обеспечивающих опережающее экономическое развитие в различных секторах российской экономики. В статье раскрыты виды и особенности территорий, на которых предусмотрено законодательное регулирование внедрения в практику льгот и стимулов налогового, таможенного и иного характера.

Ключевые слова: экономика, финансы, налоги, финансовая деятельность, финансовое регулирование, предпринимательская деятельность, инвестиционная деятельность, налогообложение, специальные налоговые режимы.

**On the issue of the peculiarities of taxation in the
territories with a special regime of entrepreneurial
and investment activity**

Abstract: the relevance of the article is due to the need to address the issues of stimulating entrepreneurial and investment activities in the conditions of a new course of public power. Implementation of the Special Economic Zones with tax legislation and other economic and legal regulations of foreign investment aimed

atsolving of important social and economic problems. The provision by the state of convenient, preferential taxation conditions for increasing entrepreneurial activity is the main task of the favored regime. The analysis of the available scientific works of both Russian and foreign researchers shows the absence of a critical systemic interpretation of the mechanism for establishing taxation in the territories with a special regime of entrepreneurial and investment activity in modern Russia, which does not allow this institution to take a worthy place in the system of means providing for advanced economic development in various sectors of the Russian economy. This article describes the types and characteristics of Special Economic Zone with implemented legislative support for incentives and benefits in taxation, custom regulation, financial, commercial and administrative activities.

Keywords: *economy, finance, taxes, financial activity, entrepreneurial activity, investment activity, taxation.*

Интеграция в правовой и экономической сферах деятельности современных государств, усложнение различных областей жизни — основные черты развития современной цивилизации. В мире существует масса проблем, связанных с вопросами модернизации экономических общественных отношений, причем предлагаемые модели развития нередко бывают диаметрально противоположными. Происходящие изменения в системе мировых рыночных отношений, продолжающиеся санкционные меры порождают необходимость поиска новых правовых явлений, приемов и способов, способных обеспечивать интенсивное развитие экономических отношений.

В настоящее время для стимулирования экономического развития мировым сообществом в разнообразных формах вводится снижение налогового бремени, призванного активизировать международный товарооборот и углубить интеграционные экономические процессы, а также ускорить интеграцию экономик различных территорий в системе мирохозяйственных связей и товарооборотных цепочек. В качестве первостепенных форм налогового стимулирования выступают: беспощинная торговля, сокращение налогообложения для экспортного производства, освоение высоких технологий, создание комплексных производственных зон, ориентированных на экспортное производство товаров массового потребления, и другие виды деятельности.

В современной России действующим законодательством как основной формы, обеспечивающей стимулирование экономического развития, выступает определение специальных режимов экономической деятельности отдельных территорий, на которых вводятся особые правовые механизмы осуществления предпринимательской либо инвестиционной деятельности, отличных от иных территорий. Такие правовые режимы устанавливаются с целью привлечения иностранного капитала, технологий, современной высокотехнологичной зарубежной техники, передового производственного и управленческого опыта.

Схожие подходы применяются многими государствами. Так, обращение к анализу практики организации свободных экономических зон в Объединенных Арабских Эмиратах позволяет выделить более 20 свободных экономических зон. Отличительными особенностями ведения бизнеса на этой территории является 100-процентное иностранное владение уставным капиталом компании (нет необходимости иметь одним из соучредителей

гражданина ОАЭ); освобождение от налогов на доход (как правило, в течение 50 лет); полная репатриация капитала и доходов; отсутствие таможенных платежей.

Каждая зона создавалась для ведения определенного вида деятельности, например, для торговли ювелирными изделиями (Gold and Diamond Park) или для ведения высокотехнологичного бизнеса (Dubai Internet City). При этом на территории почти каждой свободной экономической зоны может быть зарегистрирована компания, занимающаяся импортом/экспортом или ведущая консультационную деятельность. Исключением являются компании, связанные с туризмом, общественным транспортом, поскольку они могут быть зарегистрированы только на территории ОАЭ.

При регистрации компании в свободной экономической зоне ОАЭ вносится стандартный уставный капитал (после завершения регистрации капитал возвращается). Следующим этапом регистрации является оформление лицензии. Существует несколько видов лицензий в зависимости от вида осуществляемой деятельности. Для открытия компании на территории свободной экономической зоны ОАЭ необходимо наличие офиса (аренда) и въездных виз для каждого соучредителя (если их несколько).

Обращение к зарубежной практике позволяет отметить, что создание налоговых стимулов на определенных территориях связано с созданием инвестиционных парков и выступает, в сущности, достижением соглашений между инвесторами и государством в привлечении средств для значимой социально-экономической деятельности определенных территорий.

Одним из основных поручений Президента РФ, адресованных Правительству РФ в 2012 г., выступало обеспечение высоких позиций России в рейтинге Doing Business. Россия должна была подняться с 120-й позиции в 2011 г. до 50-й в 2015 г. и до 20-й в 2018-м. В последнем рейтинге комфортности ведения бизнеса Doing Business, опубликованном 25 октября 2016 г., Россия заняла 40-е место из 190, поднявшись на 11 позиций по сравнению с прошлым годом. Первое место в названном рейтинге заняла Новая Зеландия, а Сингапур — лидер прошлого года — на втором месте [1].

Комфортность осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности зависит от ряда критериев и измеряется по нескольким показателям, в числе которых защита прав миноритарных акционеров, простота регистрации предприятий, доступность и простота выдачи разрешений на строительство и подключения к различным сетям, доступность получения кредитов, организации эффективной системы налогообложения и ряд других.

Обращение к опыту организации свободных экономических зон в современной России показывает, что они создаются в форме особых и иных экономических зон в соответствии со специальным законом.

Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность создания различных зон-территорий при определенных условиях, резиденты которых претендуют на льготный режим налогообложения. К числу таковых можно отнести территории субъектов Российской Федерации, реализующих региональные инвестиционные проекты, а также территории, на которых созданы особые экономические зоны; зоны территориального развития;

территории опережающего социально-экономического развития; свободные экономические зоны.

Особенности уплаты обязательных фискальных платежей в особых экономических зонах регламентированы Налоговым кодексом РФ [2] и специальным Законом федерального значения «Об особых экономических зонах» [3]. Резиденты особой экономической зоны имеют гарантии от неблагоприятного изменения законодательства о налогах и сборах, а также иные льготы экономического характера. Решение о создании какого-либо типа особой экономической зоны принимается Правительством РФ и оформляется в виде соглашения в котором предусматривается комплекс мероприятий по разработке перспективного плана развития особой экономической зоны и порядок их финансирования.

При установлении зоны территориального развития определяется часть территории субъекта Российской Федерации, на которой ее резидентам предоставляются меры государственной поддержки в целях ускорения социально-экономического развития субъекта Российской Федерации путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику. Зона территориального развития создается на 12 лет [4].

Резиденты указанной зоны имеют право на налоговые льготы, в том числе на предоставление инвестиционного налогового кредита. Детальная регламентация налогового стимулирования резидентов зоны территориального развития осуществляется в соответствии с законодательством о налогах и сборах Российской Федерации и включает в себя предоставление инвестиционного налогового кредита (изменение срока уплаты налога до 10 лет).

Территория опережающего социально-экономического развития создается по решению Правительства Российской Федерации на основании предложения уполномоченного федерального органа. Срок существования такой территории составляет 70 лет и может быть продлен по решению Правительства Российской Федерации [5].

Режим льготного налогообложения резидентов территории опережающего социально-экономического развития, как и резидентов свободного порта, предусматривает применение налоговой ставки по налогу на прибыль в размере 0 (ноль) процентов в части уплаты в федеральный бюджет Российской Федерации. Кроме того, размер налоговой ставки налога, подлежащего зачислению в бюджеты субъектов Российской Федерации, не может превышать 5 % в течение пяти налоговых периодов начиная с налогового периода, в котором в соответствии с данными налогового учета была получена первая прибыль от деятельности, осуществляемой при исполнении соглашений об осуществлении деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, и не может быть менее 10 % в течение следующих пяти налоговых периодов.

Свободная экономическая зона является разновидностью территорий, где может применяться льготное экономико-правовое регулирование ведения предпринимательской деятельности для отдельных участников. Последние должны быть зарегистрированы на территории Республики Крым или территории города федерального значения Севастополя, состоять

на налоговом учете в налоговом органе, а также иметь инвестиционную декларацию, соответствующую требованиям, установленным федеральным законодательством [6].

Таким образом, налоговый инструментарий является важным элементом государственной политики развития предпринимательской и инвестиционной политики. Качественное использование налогового инструментария на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности требует комплексного подхода к его использованию. Фискальная и стимулирующая функции специальных налоговых режимов на территориях со специальным режимом предпринимательской и инвестиционной деятельности в настоящее время не достигают в полной мере своей основной цели.

Полагаясь на проведенное исследование, можно отметить, что формирование эффективной среды для развития предпринимательства и инвестиционной деятельности на любой территории возможно в условиях проработки долговременной стратегии развития территорий, что возможно путем реализации следующих юридических шагов: принятие базового документа или разработка программы создания и развития свободных экономических зон; реформирование системы контроля и надзора. Подобная деятельность должна быть осуществлена федеральными органами исполнительной власти на основе предложений региональных администраций и органов местного самоуправления, планирующих создание экономических зон на своей территории.

Рассматриваемый институт имеет важное значение для развития экономики, охватывает многочисленные области правового регулирования — финансовое, административное, предпринимательское, таможенное, инвестиционное право и законодательство. В заключение необходимо отметить, что процесс совершенствования правового инструментария должен проводиться системно и комплексно.

Список литературы:

1. Россия поднялась на 35-е место в рейтинге Doing Business-2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiya-podnyalas-na-35-e-mesto-v-reytinge-Doing-Business-2018-1006317653> (дата обращения: 14.06.2018).
 2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 19 февраля 2018 г.) // Российская газета. — 1998. — № 148–149.
 3. Об особых экономических зонах в Российской Федерации : федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (в ред. от 18 июля 2017 г.) // Российская газета. — 2005. — № 162.
 4. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Российская газета. — 2011. — № 278.
 5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) // Российская газета. — 2014. — № 299.
 6. О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ (в ред. от 19 декабря 2016 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 48, ст. 6658; — 2016. — № 52, ч. 5, ст. 7487.
-

А.Е. Апанасенко,
ассистент кафедры административного
и финансового права
Северо-Кавказского федерального
университета

A.E. Apanasenko,
Assistant Department of Administrative and
Financial Law North-Caucasian Federal
University

Вопросы правового регулирования обязательного страхования транспортных средств

***Аннотация:** в статье рассматриваются изменения правил в законе об обязательном страховании гражданской ответственности собственников транспортных средств в России, вступивших в силу в апреле 2017 г. По мнению законодателя, данные изменения должны положительным образом повлиять на взаимоотношения между страхователем и страховщиком, поскольку с каждым годом возрастает количество обращений в суд граждан, недовольных страховой выплатой.*

***Ключевые слова:** обязательное страхование, автострахование, ОСАГО, авария, полис, страховое возмещение, страховщик, страхователь.*

Questions of legal regulation of obligatory insurance of vehicles

***Abstract:** in this article discusses the changes in the rules in the law on compulsory motor third party liability insurance for motor vehicle owners in Russia, which took effect in April 2017 and which, according to the legislator, should positively affect the relationship between the insured and the insurer, because every year the number of appeals to the court of citizens who are dissatisfied with the insurance payment increases.*

***Keywords:** compulsory insurance, auto insurance, OSAGO, accident, policy, insurance compensation, insurer, insured.*

Страхование — это отношения между физическими и юридическими лицами (страхователями), с одной стороны, и страховой организацией (страховщиком), с другой стороны, по защите имущественных интересов страхователей при наступлении определенных событий (именуемыми страховыми случаями) за счет денежных средств страховщика.

Во всех странах мира существует всего лишь два типа страхования: добровольное и обязательное. Обязательное страхование подразумевает отношения между страховой организацией и страхователями, которые наступают в силу требования Закона. Об одном из таких видов обязательного страхования — о страховании автогражданской ответственности владельцев транспортных средств — поговорим подробно.

Обязательное страхование владельцев транспортных средств, или ОСАГО, является наиболее эффективным средством быстрого урегулирования дорожных конфликтов. Однако заявленные цели могут быть достигнуты только при строгом соблюдении действующего законодательства всеми участниками страховых правоотношений.

В России не допускается использование транспортного средства без полиса ОСАГО. Документ, подтверждающий заключение договора ОСАГО, — страховой полис. Страховой полис имеет общую форму на всей территории Российской Федерации. Полис ОСАГО защищает страхователей

от наступления таких страховых случаев, как причинение имущественного вреда вследствие дорожно-транспортного происшествия, причинение вреда здоровью и жизни лиц, которые стали участниками ДТП, в том числе пешеходы и пассажиры, находившиеся в машине виновника ДТП.

Уровень смертности в результате дорожно-транспортных происшествий достаточно высок. Так, согласно официальной статистике ГИБДД, за 2017 г. на российских дорогах произошло более 169 000 серьезных дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 19 000 человек и еще 215 000 получили различные травмы. При этом статистика показывает, что почти две трети смертельных аварий с пешеходами происходят по вине последних. Так, за первые пять месяцев 2017 г. из-за нарушений правил дорожного движения пешеходами в авариях погибли 1 118 человек. И хотя, по сведениям органов ГИБДД, показатели аварийности в 2017 г. ниже, чем в 2016 г., примерно на 6 %, а уровень смертности снижен на 2,5 %, данная статистика не утешительна [4].

Конечно, наличие полиса ОСАГО не способно предотвратить дорожно-транспортное происшествие, а тем более вернуть жизнь и здоровье пострадавших в нем людей. Ответственность за невнимательность и нарушение правил дорожного движения невозможно переложить на кого бы то ни было. Тем не менее законом предусмотрено возмещение материального ущерба имуществу граждан, пострадавших в ДТП через страховые организации. Что касается автомобиля виновника ДТП или его иного имущества, жизни и здоровья, то ОСАГО к ним не имеет никакого отношения. Виновнику ДТП придется компенсировать причиненный им ущерб за счет собственных средств. В данной ситуации полис ОСАГО действовать не будет.

До недавнего времени застраховаться по ОСАГО можно было обратившись в офис страховой компании либо к ее представителю. К сожалению, при оформлении страхового полиса в офисах страховщика владельцы транспортных средств столкнулись с проблемой незаконного навязывания со стороны страховых организаций дополнительных услуг страхования, таких как страхование жизни или недвижимости, необоснованные устные отказы в выдаче страховых полисов, отсутствие скидок за безаварийность водителя прошедшего периода страхования. В защиту прав страхователей с января 2017 г. появилась возможность заключения договора ОСАГО в виде электронного документа. Следует отметить, что с этого периода страховая организация обязана застраховать любого гражданина или юридическое лицо, желающее приобрести электронное ОСАГО.

Приобрести электронный полис автогражданской ответственности потенциальный страхователь может следующим способом: зайти через Портал государственных услуг Российской Федерации или пройти регистрацию на сайте страховщика [3]. В личном кабинете заполнить заявление о заключении договора обязательного страхования автогражданской ответственности. Страховщику понадобится некоторое время, для того чтобы осуществить проверку представленных данных. Данная проверка осуществляется через Автоматизированную информационную систему Российского союза автостраховщиков (АИС РСА). В случае несоответствия представленных страхователем сведений с данными АИС РСА в адрес страхователя будет

направлено уведомление о необходимости устранения существующих расхождений. Страховщик также дублирует данную информацию на своем сайте в режиме реального времени. Кроме этого, страховщик сообщает о необходимости предоставить в виде электронных копий документы, требующиеся для заключения договора ОСАГО, это могут быть правоустанавливающие документы на автомобиль, копия паспорта транспортного средства, свидетельство о регистрации транспортного средства, а также документы страхователя — копия паспорта, водительское удостоверение и т.д. Без предоставления электронных копий документов страховщик не сможет осуществить расчет страховой премии. Представляемые копии документов должны полностью воспроизводить информацию подлинника документа: текст документов должен свободно читаться, должны быть четко видны даты, реквизиты, надписи, печати и т.д. Не допускается наличие бликов или обрезанных частей документов, делающих копии нечитаемыми. В случае предоставления страховщику недостоверных сведений, влекущих необоснованное уменьшение размера страховой премии, страховщик вправе взыскать со страхователя сумму страховой выплаты после ее осуществления потерпевшему.

После подтверждения соответствия представленных сведений сведениям, содержащимся в АИС РСА, либо проверки электронных копий документов страховщик отображает на сайте расчет страховой премии. После оплаты страховой премии электронный полис направляется на адрес электронной почты страхователя и размещается в его личном кабинете. Полученный электронный полис ОСАГО необходимо распечатать и иметь при управлении транспортным средством. Электронный полис ОСАГО имеет такую же юридическую силу, как и страховой полис, оформленный на бланке строгой отчетности в офисе страховщика.

В случае невозможности заключения электронного договора ОСАГО страховщиком, к которому обратился потенциальный страхователь, последнему будет предложено перейти на сайт другого страховщика (замещающий страховщик) для заключения электронного договора ОСАГО.

В соответствии с действующим законодательством лимит страхового возмещения по обязательному страхованию автогражданской ответственности владельцев транспортных средств в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью людей, составляет 500 тысяч рублей, если было повреждено имущество пострадавшей стороны, то лимит страхового возмещения составит 400 тысяч рублей.

Стоит обратить внимание на то, что с 28 апреля 2017 г. в России действует приоритет осуществления страхового возмещения в натуре, или так называемая натуральная выплата.

Натуральная выплата — это осуществление выплаты страхового возмещения путем направления поврежденного транспортного средства на станцию технического обслуживания для дальнейшего его ремонта за счет средств страховщика.

Что же предполагает выплату страхового возмещения в натуре? Страховое возмещение будет осуществляться путем выполнения ремонтных работ в отношении легковых автомобилей, принадлежащих гражданам и зарегистрированных в Российской Федерации. Ремонт транспортных средств

будет осуществляться в сервисных центрах, с которыми страховщик заключил договор. Автомобили младше двух лет по желанию страхователя будут направляться в гарантийные сервисные центры (к официальному дилеру). При восстановительном ремонте автомобиля не допускается использование бывших в употреблении деталей, узлов и агрегатов. Страховщик при ремонте обязан использовать только новые детали. Согласно законодательству страховщик должен предоставить гарантию на произведенный ремонт. Так, на кузовные работы срок гарантии должен быть не менее шести месяцев, на окрасочные работы — один год. В целях предотвращения конфликтных ситуаций между страхователями и страховщиками по вопросам продолжительности ремонта транспортного средства срок его восстановления должен быть не более 30 дней, а максимальное расстояние станции технического обслуживания от места жительства страхователя или места дорожно-транспортного происшествия — не более 50 километров [1].

Страхователь не имеет возможности выбрать способ получения страхового возмещения, однако существуют условия, при которых страховщик не направит транспортное средство на ремонт, а осуществит выплату страховки деньгами. К таким случаям относится смерть потерпевшего, причинение тяжкого вреда или вреда средней тяжести здоровью потерпевшего в результате наступления страхового случая, превышение стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего лимита страхового возмещения, а также в случае полной гибели транспортного средства.

Введенные в 2017 г. поправки в Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» должны стать наиболее эффективным средством возмещения убытков имуществу страхователей. Страховые организации фактически самостоятельно будут приводить поврежденное транспортное средство его владельца в то состояние, в котором оно находилось до наступления страхового события. При этом стоит заметить, что износ транспортных средств, который ранее вычитался из суммы страхового возмещения, в большинстве случаев не будет применяться, владельцу автомобиля будут устанавливаться абсолютно новые детали взамен поврежденным и изношенным в процессе эксплуатации.

Несмотря на то, что введение поправок в Закон об ОСАГО ориентирован, в первую очередь, на защиту страхователей, нововведения защищают также страховые организации от недобросовестных поступков владельцев транспортных средств, желающих получить денежное вознаграждение путем обмана страховщика, относительно наступления страхового случая или путем предоставления ложных сведений о завышенных расходах на восстановление поврежденных транспортных средств. Согласно сведениям Российского союза автостраховщиков, в России, по оценкам экспертов, около 30 % выплат по договорам ОСАГО достается мошенникам и недобросовестным автовладельцам. Это наиболее проблемный вид страхования [3].

В связи с массовым совершением преступлений, связанных с мошенническими действиями в сфере автострахования, в 2012 г. в

Уголовный кодекс РФ было введено понятие «мошенничество в сфере страхования», которое подразумевает хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового события и получения страхового возмещения по договору страхования [2]. Наказание за данное преступление предусмотрено в виде штрафа в размере от 120 до 300 тысяч рублей, исправительными работами, а также лишением свободы (мера наказания определяется в зависимости от тяжести совершенного деяния и количеством лиц его совершивших).

Подводя итоги, отметим, что потребность в страховании во все времена обуславливается возникающими у общества убытками вследствие наступления определенных событий. Степень достижения основной цели будет определять эффективность страховой деятельности. С учетом постоянно изменяющихся правовых актов, регулирующих страховое дело, понятно, что в России правовое регулирование в области страхования несовершенно. В целях успешного развития страхового дела необходимо его регламентирование с учетом потребностей общества и государства в целом.

В России продолжает развиваться автострахование, стоит предположить, что в будущем именно оно станет ведущей отраслью рынка страховых услуг.

Список литературы:

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // Парламентская газета. — 2002. — № 86.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г., с изм. от 25 апреля 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25, ст. 2954.

3. Российский союз автостраховщиков. — URL: <http://www.autoins.ru/ru/index.wbp>

4. ГИБДД опубликовал годовую статистику ДТП за 2017 год. — URL: <http://www.1gai.ru/autonews/520130-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2017-god.html>

А.А. Купаев,

*аспирант кафедры конституционного
и международного права Северо-
Кавказского федерального
университета*

А.А. Купаев,

*Postgraduate of the Department
of Constitutional and International Law
of North Caucasus Federal University
alexekupaev@yandex.ru*

87

К вопросу об ограничении конституционных прав граждан, больных ВИЧ/СПИДом, в странах Содружества Независимых Государств

***Аннотация:** статья посвящена исследованию проблематики современного состояния нормативного закрепления и практики реализации конституционных прав граждан, инфицированных вирусом иммунодефицита человека (больных синдромом приобретенного иммунного дефицита). Рассматриваются модели и процедуры ограничения конституционных прав граждан, инфицированных вирусом иммунодефицита человека (больных синдромом приобретенного иммунного дефицита), в Содружестве Независимых Государств.*

В основу методологии настоящей статьи положены как общенаучные, так и специально-юридические методы исследования. Анализ системы конституционно-правовых норм, устанавливающих порядок и процедуры ограничения конституционных прав граждан, больных ВИЧ/СПИДом, в странах СНГ, осуществлен на основе системно-структурного, сравнительно-правового и формально-юридического методов.

Выявлены пробелы законодательства, регламентирующего процедуры обеспечения и реализации конституционных прав граждан, инфицированных вирусом иммунодефицита человека (больных синдромом приобретенного иммунного дефицита), в государствах — членах СНГ.

Ключевые слова: права человека, конституционные права граждан, ограничение конституционных прав, СНГ, ВИЧ, СПИД.

On the question about limitation of constitutional rights of citizens of HIV/AIDS patients in The Commonwealth Of Independent States

Abstract: the article is devoted to the consideration of the problems of the modern state of the normative consolidation and practice of the realization of the constitutional rights of citizens are HIV/AIDS patients. Models and procedures for the realization of the constitutional rights of citizens, who are HIV/AIDS patients in The Commonwealth of Independent States are considered.

The methodology of the present work is based on the general scientific and special legal methods of the study. The analysis of the system of constitutional and legal norms establishing the order and procedures for the limitation of constitutional rights of citizens are HIV/AIDS patients was carried out on the basis of systemic structural, comparative legal and formal legal methods.

Gaps are identified in the legislation regulating the procedures for ensuring and realization of the constitutional rights of citizens who are HIV/AIDS patients in the Commonwealth of Independent States are analysis.

Keywords: human rights, constitutional rights of citizens, the Commonwealth of Independent States, HIV, AIDS, limitation of human rights.

Конституционно-правовые ограничения — это закрепленные в конституции государства границы, в пределах которых субъекты вправе использовать свои права и свободы, и определяются с помощью обязанностей, запретов, ответственности и приостановлений.

Особенностью конституционных ограничений является то, что они приближаются к общетеоретической конструкции и обладают надотраслевыми чертами, которые впоследствии конкретизируются в отдельных законах. Кроме того, указанные ограничения являются показателем, определяющим степень свободы и защищенности личности, а также позволяют установить границы между произволом и законностью.

А.А. Подмарев выделяет три модели конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина. «Первая модель — в конституциях устанавливаются общие ограничения всех прав и свобод (цели, форма закрепления, соразмерность), основания, способы, процедуры ограничения отдельных конкретных прав и свобод (конституции Португалии 1976 г., Турции 1982 г. и др.); вторая модель — в конституциях имеется оговорка общего характера о возможности ограничения прав и свобод только законом или на основе закона и положения об ограничении отдельных прав и свобод (конституции Бахрейна 2002 г., Ирака 2005 г. и др.); третья модель — конституцией устанавливаются ограничения лишь отдельных прав и свобод,

при этом об общих условиях ограничений не упоминается (конституции Италии 1947 г., Индии 1950 г., Пакистана 1973 г. и др.)» [1, с. 143].

Ограничение прав и свобод обуславливается сильной общественной потребностью, а также достаточными причинами и строго в тех целях, которые установлены конституцией страны (например, обеспечение национальной безопасности, обороны и территориальной целостности страны; предотвращение массовых беспорядков; обеспечение здоровья населения и др.). При этом ограничение должно иметь общий характер и не приводить к полному прекращению соответствующего права, то есть не быть чрезмерным.

Вирус иммунодефицита человека (далее — ВИЧ) — это вирус, который подавляет иммунную систему, при этом синдром приобретенного иммунодефицита (далее — СПИД) — это уже комплекс заболеваний, вызванных у ВИЧ-положительного человека на фоне сниженного иммунитета.

Сегодня ВИЧ является одной из основных проблем глобального общественного здравоохранения. Вместе с тем в евразийском регионе наблюдается одна из наиболее быстро растущих эпидемий распространения ВИЧ-инфекции. Считаем, что необходимо более подробно остановиться на вопросах ограничения конституционных прав граждан, больных ВИЧ/СПИДом, в некоторых странах, входящих в Содружество Независимых Государств (например, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В конституциях упомянутых стран содержатся общие антидискриминационные положения, однако в системах права стран постсоветского пространства отсутствуют отдельные законы, запрещающие дискриминацию. Определенные запреты на дискриминационные действия в отношении граждан или определенных групп, как правило, являются частью законов, регламентирующих правовое положение данных групп.

Например, статьей 13 Закона Кыргызской Республики от 13 августа 2005 г. № 149 «О ВИЧ/СПИДе в Кыргызской Республике» устанавливается запрет на дискриминацию и стигматизацию лиц, живущих с ВИЧ/СПИДом, и лиц, пострадавших от ВИЧ/СПИДа, а также ущемление прав, свобод и интересов указанной категории граждан на основании наличия у них ВИЧ/СПИДа [2].

Помимо законов о ВИЧ/СПИДе подобные антидискриминационные положения содержатся в законах, касающихся трудоустройства и здравоохранения. Более того, законодательство о здравоохранении, кроме антидискриминационных положений, устанавливает обязательства для медицинских работников оказывать медицинскую помощь всем без исключения, независимо от наличия у субъекта ВИЧ-СПИДа.

В указанных выше странах наличие у гражданина ВИЧ-инфекции или заболеваний, которые развиваются в результате СПИДа, рассматривается в качестве инвалидности в соответствии с законом, который также содержит антидискриминационные положения. Так, в силу пункта 5 статьи 5 Закона Республики Казахстан от 13 апреля 2005 г. № 39 «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан» государственная политика Казахстана

в области социальной защиты инвалидов осуществляется на принципе запрещения дискриминации по признаку инвалидности [3].

Несмотря на формальное запрещение дискриминации по признаку наличия у лица ВИЧ/СПИДа, в законодательстве ряда указанных стран, установлены определенные правовые ограничения в реализации лицом, страдающим ВИЧ, своих конституционных прав и свобод, а именно право на труд; право на образование; право на создание семьи.

Право на труд

Действующим трудовым законодательством рассматриваемых нами государств запрещается дискриминация в трудовых отношениях, при этом не являются дискриминацией определенные различия в сфере труда, которые обусловлены свойственными конкретному виду труда требованиями, либо определенная забота государства о лицах, которые нуждаются в повышенной социальной защите, а именно по признакам пола, физических недостатков, возраста и т.д. (ст. 5 ТК Республики Казахстан [4]; ст. 6 ТК Республики Таджикистан [5]; ст. 6 ТК Республики Узбекистан [6]; ст. 7 ТК Туркменистана [7]; ст. 9 ТК Кыргызской Республики [8]; ст. 16 ТК Азербайджанской Республики [9]).

Между тем стоит отметить, что ТК Азербайджанской Республики единственный из всех перечисленных трудовых кодексов, который содержит положение прямо запрещающее отказывать в приеме на работу, в продвижении по карьерной лестнице либо увольнять человека с ВИЧ-инфекцией, исключения составляют те виды профессий и должностей, которые не допускают работу указанных лиц, например, работники пищевой промышленности; работники, чья работа связана с кровью (хирурги, лаборанты, акушеры, гинекологи); работники, деятельность которых связана с уходом за детьми; работники, деятельность которых связана с предоставлением услуг массажа, а также косметологических услуг и др.

Подобные исключения, как правило, реализуются посредством установления обязательного тестирования на ВИЧ/СПИД лица, претендующего на замещение должности, либо обязательное периодическое тестирование на ВИЧ/СПИД указанного выше работника.

В Республике Таджикистан обязательному конфиденциальному медицинскому освидетельствованию на ВИЧ-инфекцию помимо лиц, претендующих на замещение вакантных должностей в сфере здравоохранения (оперирующие хирурги, акушеры, гинекологи, стоматологи и др.), подлежат лица, претендующие на должность мастера по татуажу (специалиста по нанесению рисунков на кожу).

В Республике Казахстан обязательному медицинскому освидетельствованию по эпидемиологическим показаниям подлежат призывники, а также лица, поступающие на военную службу по контракту.

Право на образование

В законодательстве некоторых стран закреплена обязанность, в соответствии с которой абитуриенту при поступлении в высшие учебные заведения, учреждения профессионально-технического образования

необходимо представить справку о состоянии здоровья, которая будет содержать отметку об отсутствии у лиц ВИЧ-инфекции.

Так, например, в Республике Казахстан обязательному освидетельствованию на наличие ВИЧ-инфекции подлежат абитуриенты военных учебных заведений.

Право на создание семьи

Семейное законодательство исследуемых нами государств содержит положения, касающиеся медицинского обследования лиц, вступающих в брак, при этом данное обследование проводится как в добровольном порядке, то есть по взаимному согласию лиц, вступающих в брак (Туркменистан, Кыргызская Республика, Республика Казахстан), так и в обязательном (принудительном) порядке (Азербайджанская Республика, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан). Так, например, в силу ст. 13 Семейного кодекса Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. лица, намеренные вступить в брак, проходят медицинское обследование согласно перечню заболеваний, установленному органом исполнительной власти. По результатам обследования выдается справка о прохождении медицинского осмотра, которая в свою очередь прилагается к заявлению о бракосочетании [10].

Кроме того, законодательство Республики Узбекистан предусматривает обязательное освидетельствование на наличие ВИЧ-инфекции лиц, вступающих в брак в возрасте до пятидесяти лет.

Вместе с тем регистрация брака с лицом, имеющим ВИЧ, возможна при подтвержденном уведомлении партнера о наличии у лица ВИЧ-инфекции. При этом если мужчина или женщина скрыли факт наличия ВИЧ-инфекции, то данное обстоятельство является основанием для признания брака недействительным.

Более того, законодательство Республики Казахстан предусматривает перечень заболеваний, при наличии которых у лица утрачивается право усыновить / удочерить ребенка, принять его под опеку, попечительство либо патронат. Лидирующее место среди таких заболеваний занимают ВИЧ и СПИД. Аналогичные перечни установлены также в Республике Таджикистан и Кыргызской Республике.

На основании изложенного следует отметить, что, несмотря на формальное запрещение дискриминации и стигматизации в отношении граждан или определенных групп лиц, живущих с ВИЧ/СПИДом, на практике наблюдается и довольно широко распространена их фактическая дискриминация и стигматизация. Как правило, стигматизация имеет форму отчуждения человека, живущего с ВИЧ/СПИДом, а также уклонения от любых контактов с данным человеком.

Дискриминация по такому признаку, как наличие инфекционного заболевания, в исследуемом нами случае ВИЧ/СПИДа, так же недопустима, как дискриминация по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания и т.д.

Подобная дискриминация способствует маргинализации граждан и определенных групп лиц, которые сталкиваются со стигматизацией и общественным осуждением.

Как правило, причинами дискриминации и стигматизации является банальный недостаток информации о сути такого заболевания, как ВИЧ/СПИД; широко распространены предрассудки и мифы, например, о том, каким образом передается ВИЧ.

Стигматизация воздействует на самопознание человека, способствует заниженной самооценке и сильной депрессии. Все это оказывает воздействия на профилактические мероприятия, люди отказываются от прохождения тестирования на ВИЧ/СПИД, так как боятся, что в случае подтверждения их ВИЧ-статуса об этом станет известно широкому кругу людей; не обращаются за медицинской помощью.

Таким образом, защита и продвижение прав человека — необходимое условие для предотвращения распространения ВИЧ, смягчения социальных и экономических последствий этой болезни.

Кроме медицинских мер, направленных на борьбу с ВИЧ, необходимо принятие государством мер, направленных на соблюдение экономических, культурных, гражданских, социальных, политических прав в соответствии с международными нормами и принципами. Ведь там, где люди защищены от дискриминации и стигматизации; там, где они могут осуществлять свои права и свободы (на образование, на труд, свободу ассоциаций, на информацию); там, где доступно лечение, тяжелые последствия ВИЧ/СПИДа для отдельных граждан, их семей и общества в целом существенно сокращаются.

Список литературы:

1. Подмарев, А.А. Вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в современной конституции // Вестник СГЮА. — 2014. — № 4 (99). — С. 141–145.
2. О ВИЧ/СПИДе в Кыргызской Республике : Закон Кыргызской Республики. — URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1747> (дата обращения: 29.04.2018).
3. О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан от 13 апреля 2005 г. № 39-III О (с изм. и доп. по состоянию на 3 декабря 2015 г.). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30008935 (дата обращения: 29.04.2018).
4. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V (с изм. и доп. по состоянию на 16 апреля 2018 г.). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 29.04.2018).
5. Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1329. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31960488 (дата обращения: 29.04.2018).
6. Трудовой кодекс Республики Узбекистан от 21 сентября 1995 г. — URL: https://nrm.uz/products?folder=181018_trudovoy_kodeks_respubliki_uzbekistan&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 29.04.2018).
7. Трудовой кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. № 30-IV. — URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27704 (дата обращения: 29.04.2018);
8. Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 4 августа 2004 г. № 106 (с изм. и доп. от 28 июля 2017 г.). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30296269 (дата обращения: 29.04.2018).
9. Трудовой кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 года № 618-IQ). — URL: http://www.caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=123:labour-code-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru (дата обращения: 29.04.2018).

10. Семейный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 781-IQ (с изм. и доп. от 17 октября 2014 г.). — URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=3042038 (дата обращения: 29.04.2018).

О.А. Проводина,
*ассистент кафедры административного
и финансового права Юридического
института Северо-Кавказского
федерального университета*

O.A. Provodina,
*Assistant of the Department
of administrative and financial law
of the law Institute of the North Caucasus
Federal University
19_leya_91@mail.ru*

О проблемных правовых аспектах и перспективах установления особых экономических зон в Республике Абхазия

***Аннотация:** в статье анализируются перспективы создания и функционирования особых экономических зон в Республике Абхазия на примере мировой практики других стран. Определен круг проблем, возникнувших при реализации механизма установления территорий с особым экономическим статусом в Республике Абхазия, предложены соответствующие решения по их устранению.*

***Ключевые слова:** Республика Абхазия, особые экономические зоны.*

On problematic aspects and prospects of establishing special economic zones in the Republic of Abkhazia

***Abstract:** the article analyzes the prospects of creation and functioning of SEZs in the Republic of Abkhazia on the example of the world practice of other countries. The author defines the range of problems that arose during the implementation of the mechanism of establishment of territories with special economic status in the Republic of Abkhazia, as well as proposed appropriate solutions to address them.*

***Keywords:** the Republic of Abkhazia, a special economic zone.*

Военный конфликт между Абхазией и Грузией, произошедший в начале 90-х гг. прошлого века, привел Абхазию к колоссальным потерям. Страна до сих пор не оправилась от последствий тех событий. Экономическая блокада и отсутствие международного признания независимости республики в значительной мере повлияли на ее общее социально-экономическое положение.

Безусловно, в последние годы видна положительная динамика в восстановлении экономики и инфраструктуры Абхазии, однако военный конфликт и его последствия отбросили республику на много лет назад.

В настоящее время экономическое развитие Абхазии зависит от многих факторов. К основным необходимо отнести совершенствование законодательной и нормативной базы, а также разработку новых подходов к скорейшему восстановлению общей экономической ситуации в государстве, что напрямую зависит от развития отдельных его регионов.

По мнению автора, наиболее успешным способом выведения РА из состояния сложной экономической стагнации является изыскание новых источников инвестирования, в том числе и иностранного. Для того чтобы обеспечить инвестиционную привлекательность регионов, необходимо установление на отдельных территориях Абхазии особого налогового режима и иных преференций — в данном случае речь идет о территориях с особым экономическим статусом.

В мировой практике создания особых экономических зон (далее — ОЭЗ) есть большое количество примеров успешного функционирования и развития отдельных регионов на территориях различных государств.

В настоящее время функционирование ОЭЗ осуществляется в более чем 120 государствах мира. Например, в США возникновение ОЭЗ приходится на период начала-середины 90-х годов во время Великой депрессии. В настоящее время это один из наиболее ценных примеров вовлечения государства в мировую торговлю путем расширения экономической активности отдельных регионов с целью снижения уровня безработицы и тем самым обеспечения занятости населения.

Еще одним успешным примером создания и функционирования ОЭЗ может поделиться Китай. В отличие от практики США в Китае преследовалась иная цель создания специальных территорий, а именно вынужденная необходимость создания государством наиболее благоприятных условий для привлечения внешних инвестиций и передовых технологий.

По задумке КНР специальные преференции должны были отчасти компенсировать иностранным компаниям сложности, связанные, в первую очередь, с господствующим в конце 90-х гг. XX столетия неблагоприятным инвестиционным климатом. Таким образом, в Китае в 1980 г. были успешно созданы 4 специальные экономические зоны: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямэнь. При этом главная особенность китайских особых зон состоит в регламентации предпринимательской деятельности законодательными актами, принятыми парламентами тех провинций, в которых функционируют данные зоны.

Не менее значительных успехов добилась и Ирландия. После Второй мировой войны государство находилось в глубоком экономическом кризисе, выйти из которого помогло установление режима особых зон.

Франция, начало 1997 г. — уровень безработицы превышает 13,5 %, еще больший процент молодежи не имеет образования, потенциал во взимании налогов очень низкий. Государство принимает решение об объявлении 38 городов и о. Корсика «свободными зонами». Результат — мелкие и средние предприятия получили максимальные налоговые льготы, что повлекло увеличение поступлений инвестиций в данные регионы, увеличение количества образующих предприятий, уменьшение процента уровня безработицы.

Без сомнения, необходимо коснуться и практики создания ОЭЗ в России. На начальном этапе формирования территорий с особым экономическим статусом Российской Федерации пришлось столкнуться с рядом проблем: во-первых, бессистемным регулированием, обусловленным

отсутствием законодательной базы, во-вторых, постоянной борьбой регионов и федерального центра за предоставление им максимальных льгот на специальных территориях.

Новый этап в развитии территорий, обладающих особым экономическим статусом, в России связан с принятием в 2005 г. Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Данный федеральный закон закрепил нормативно-правовые основы создания и функционирования подобных территорий.

Основной целью, которую преследовала Россия при создании ОЭЗ, — привлечение отечественных и иностранных инвестиций, что, безусловно, подкрепляется стимулированием развития регионов.

Проанализировав мировой опыт отдельных государств по созданию и функционированию особых экономических зон, можно сделать вывод, что в каждой стране имеется свой опыт внедрения механизма развития регионов посредством установления специальных преференций. К слову, Республика Абхазия не является исключением — у нее уже есть своя практика создания на ее территориях ОЭЗ, что обуславливается определенными целями.

Осенью 2015 г. в Абхазии был принят Закон «Об особых экономических зонах». В соответствии с ним особая экономическая зона представляет собой часть территории Республики Абхазия, которая определяется президентом и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Цель создания особых экономических зон заключается в стимулировании роста экономики Республики Абхазия, декларировании ее в качестве международного экономического центра, повышении социального благополучия населения посредством обеспечения наиболее благоприятных условий для привлечения инвестиций в транспортную (морскую, железнодорожную, автомобильную и авиационную) инфраструктуру, туризм, международную торговлю, для внедрения высокотехнологических производств.

На основании Закона Республики Абхазия «Об особых экономических зонах» на территории республики могут создаваться следующие типы особых экономических зон [1]:

- 1) промышленно-производственные особые экономические зоны;
- 2) технико-внедренческие особые экономические зоны;
- 3) туристско-рекреационные особые экономические зоны;
- 4) портовые особые экономические зоны.

Анализируя практику применения механизмов установления ОЭЗ в различных государствах и те результаты, которые были достигнуты, должны гарантировать успешное функционирование подобных территорий и в Республике Абхазия, однако для того, чтобы эти механизмы начали активно функционировать и приносить результаты, необходимо устранить ряд проблем, существующих в республике, которые являются ключевым звеном в вопросах о перспективах развития ОЭЗ в Республике Абхазия.

Одной из главных причин можно обозначить отсутствие подготовки подзаконных нормативных актов, которые регулировали бы данную сферу правоотношений. Небезызвестно, что основное назначение подзаконных нормативных правовых актов состоит в развитии и конкретизации положений законов. В них содержится основная часть всех правовых предписаний, а их направленность обусловлена конкретизацией законов и воплощением их в жизнь. Учитывая, что с момента принятия Закона РА «Об особых экономических зонах» не было издано ни одного подзаконного акта, говорить об эффективности Закона в полном объеме не имеет смысла, т.к. это не реализованный «текст на бумаге». Со стороны государства этой проблеме необходимо уделить значительное внимание и решать вопрос об усилении координации деятельности региональных властей и их сотрудничества с ассоциациями экономического взаимодействия.

Отсутствие квалифицированных специалистов, которые имели бы большой практический опыт организации и управления такими большими кластерами, — еще одна немаловажная проблема. Как известно, недостаток квалифицированного персонала и неэффективная организация труда являются факторами, которые препятствуют развитию не только отдельных видов деятельности, но и экономики в целом.

Устранение этой проблемы сводится к необходимости привлечения специалистов из других государств, в частности из России, и знакомство с практикой управления и организации деятельности ОЭЗ. Однако проблема привлечения квалифицированных сотрудников кроется не только в отсутствии управленческих кадров, но и рабочего персонала. Решением данной проблемы могло бы стать создание на базе Абхазского государственного университета инжинирингового центра. Практика создания таких центров активно развивается в Российской Федерации. Создание инжиниринговых центров выступает способом предложения высокотехнологичных, инновационных решений для производственного сектора, а основная их цель заключается в модернизации экономики и внедрения новых инноваций в реальный сектор экономики. Таким образом, создание инжиниринговых центров позволит Республике Абхазия решить проблему дефицита кадров и помочь предприятиям в укомплектовании молодыми квалифицированными кадрами.

Однако для стимулирования специалистов выезжать для работы в отдельные регионы необходимо создание социальной инфраструктуры, что требует выделения значительных средств из государственного бюджета, а это еще одна проблема.

Как уже отмечалось, мировой опыт указывает на приблизительно равное соотношение бюджетных средств и средств инвесторов при обустройстве особых экономических зон или на преобладание первых. Так, например, происходит во многих странах — государство создает необходимую инфраструктуру, а инвестор вкладывает средства в оборудование, машины, станки, технологии, товарно-материальные запасы, высококвалифицированную рабочую силу. Таким образом, создание и развитие особых экономических зон потребует от Абхазии немалых затрат бюджетных средств, однако, учитывая сложное экономическое положение государства, в настоящее время республика не

готова к большим выплатам из бюджета на создание соответствующей инфраструктуры, которая могла бы в значительной мере привлечь крупных инвесторов.

Анализируя типы особых экономических зон, которые могут создаваться в Республике Абхазия, и учитывая перечень существенных проблем, а также географическое положение республики, климатические условия и имеющееся большое количество достопримечательностей, в настоящее время наиболее перспективным направлением развития экономики Абхазии являются курорты и туризм.

Говоря о развитии туристического потенциала РА, необходимо сделать акцент на необходимости больших инвестиций в модернизацию туристической инфраструктуры, строительство отелей и пансионатов, парков развлечений, аттракционов, специализированных домов отдыха для семейных пар с детьми [2, с. 218].

Создание туристического кластера на территории РА возможно, но необходимы национальные и иностранные инвестиции (возможно привлечение инвесторов из России, что может превратиться в фактор, содействующий формированию интегрированного экономического пространства между Абхазией и Россией) [3, с. 31].

Таким образом, курс на организацию особых экономических зон поспособствует решению ряда приоритетных проблем в области стабилизации и подъема экономики, улучшению инвестиционного климата, возрождению регионов, что в свою очередь поможет решить одну из основных задач, ради которых и предложено создание особых экономических зон, — оживление экономики депрессивного региона за счет предоставления специального режима ведения бизнеса на его территории.

Однако нецелесообразно говорить об уровне развития особых экономических зон и об эффективности привлечения иностранных инвестиций в страну без вмешательства правительства республики и дальнейшей последовательности его действий. Необходимо постоянное совершенствование законодательной базы, а также создание оптимальных методов контроля за его исполнением.

Список литературы:

1. Об особых экономических зонах : Закон Республики Абхазия № 607-V. — URL.: <http://abkhaz-project.ru/zakon-respubliki-abkhazia-o-svobodnih-ekonomicheskij-zonah/>
 2. Панина, Е.А. Перспективы развития туризма в Республике Абхазия // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. — 2017. — № 1. — С. 217–220.
 3. Воробьев, Н.Н. Роль туристской отрасли в экономике Республики Абхазия / Н.Н. Воробьев, А.З. Шалаша // Фундаментальные исследования. — 2018. — № 3. — С. 29–33.
-

С.С. Шевчук,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального
университета

S.S. Shevchuk,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department
of Civil Law and Process of the Law
Institute of the North Caucasus Federal
University

Становление и развитие теории юридических фактов в праве (история и современность)

***Аннотация:** изучение и анализ юридических фактов представляют особую теоретическую и практическую значимость, поскольку призваны выполнять важнейшие функции в праве, способствуя возникновению, изменению и прекращению правоотношений и иных не менее значимых правовых последствий. Юридические факты и юридические составы являются отправной точкой правового регулирования фактических общественных отношений в любой отрасли права. Автор исходит из того, что установление сущности юридических фактов, их юридическое закрепление и применение способствуют грамотной квалификации и установлению правовой природы правоотношений, лучшему пониманию их сущности и социальной значимости. В контексте отечественной правовой системы юридические факты представляют собой универсальную правовую категорию, которая находит применение во всех отраслях права. Автор обращается к проблемам, связанным с понятием, значением и правовой квалификацией юридических фактов в праве, историей развития института юридических фактов, с использованием данной правовой категории в различных отраслях права, формулирует предложения, направленные на решение проблем совершенствования обозначенного института.*

***Ключевые слова:** основания возникновения, изменения, прекращения правоотношений, юридические факты, юридические составы, события, действия, сроки.*

Formation and development of the theory of legal facts in law (history and modernity)

***Abstract:** the Study and analysis of legal facts are of particular theoretical and practical importance, as they are designed to perform the most important functions in the law, contributing to the emergence, change and termination of legal relations and other equally significant legal consequences. Legal facts and legal structures are the starting point of legal regulation of actual social relations in any branch of law. The author proceeds from the fact that the establishment of the essence of legal facts, their legal consolidation and application contribute to the competent qualification and establishment of the legal nature of legal relations, a better understanding of their nature and social significance. In the context of the domestic legal system, legal facts constitute a universal legal category that is applied in all branches of law. The author addresses the problems associated with the concept, meaning and legal qualification of legal facts in law, the history of the Institute of legal facts, using this legal category in various fields of law, formulates proposals aimed at solving the problems of improving the designated institution.*

***Keywords:** grounds of occurrence, changes, termination of legal relations, legal facts, legal structures, events, actions, terms*

Правоотношение является фундаментальной категорией в праве, поскольку именно в его рамках возникают и осуществляются субъективные права и обязанности, обеспечивается их принудительная реализация, наступает юридическая ответственность в случае противоправного поведения его участников. Для осознания сущности правоотношения важно не только сформировать его понятие, охарактеризовать элементы структуры, но и выявить изначальные причины, основания его возникновения и дальнейшего

развития, т.е. такие фактические обстоятельства реальной действительности, с которыми закон связывает наступление определенных правовых последствий в виде возникновения, изменения или прекращения субъективных прав и обязанностей. Данное определение, являясь господствующим в правовой доктрине, свидетельствует о том, что возникновение и последующая динамика правоотношений обусловлены определенными обстоятельствами, встречающимися в жизнедеятельности людей, которые приводят к соответствующим правовым последствиям и именуется основаниями возникновения, изменения и прекращения субъективных прав и обязанностей.

Будучи по сути явлением реальной действительности, юридический факт имеет свою историю. Исторический процесс, связанный с юридическими фактами, «протекал таким образом, что вначале преобладали определенные юридические факты как непосредственные эмпирические образования, которые не сводились к общему понятию, однако впоследствии появился обобщающий термин «юридические факты»» [1, с. 9].

В римском праве основаниями возникновения прав и обязанностей признавались контракты, пакты, договоры, квазидоговоры, деликты, квазиделикты, односторонние сделки и др. [2, с. 32]. Однако понятие юридического факта римскими юристами сформулировано не было. В дальнейшем процесс развития и обогащения этого понятия шел по пути формирования идеи о сложном юридическом факте, о факте как прообразе права, систематизации юридических фактов, охватывающих фактические обстоятельства, за которыми закон признает юридическое значение.

По утверждению А. Манигк, термин «юридический факт» впервые вводится Савиньи, который в работе «Система современного римского права» писал: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами» [3, с. 847].

Формирование теории юридических фактов стало активно осуществляться во второй половине XIX в. представителями дореволюционного периода отечественной цивилистики. Так, исследуя сущность юридических фактов, Ю.С. Гамбаров отмечал, что «когда говорят, что права возникают, изменяются и прекращаются, то хотят сказать только то, что наступают те реальные события или факты, с которыми объективный правопорядок соединяет в каждом конкретном случае представления о возникновении, изменении и прекращении прав. Эти факты и связываемые с ними юридические последствия стоят не в отношении причинности друг к другу: над этими фактами поднимаются нормы и вся совокупность окружающей среды. И если все право нельзя сводить на нормы, то и связанным с ними фактам нельзя придавать иного значения, как одного лишь из условий устанавливаемых нормами юридических последствий» [4, с. 643–644]. Юридические факты, как утверждал автор, вместе с производимыми ими юридическими последствиями, составляют самое существо юридического отношения и субъективного права. Исключительным созданием объективного права являются лишь юридические последствия фактов, а не сами факты, существующие помимо объективного права. Поэтому, когда говорят, что

юридические факты производят, изменяют и прекращают юридические отношения, то выражаются неточно даже на образном языке: творящая юридические последствия сила лежит не в фактах, а в определениях объективного права. По мнению Ю.С. Гамбарова, юридический факт — это основание для последствий действия правовых норм. Такое понимание юридического факта логично привело ученого к отрицанию взаимосвязи факта с субъективным правом как причины и следствия.

Похожую точку зрения на понятие юридического факта высказывал Н.М. Коркунов. Позицию автора характеризует стремление подчеркнуть то обстоятельство, что факты сами по себе еще не порождают субъективных прав, источником которых являются нормы объективного права; юридические факты являются лишь внешним поводом для применения норм и, следовательно, возникновения, изменения или прекращения субъективных прав и обязанностей [5, с. 201]. По мнению автора, юридический факт есть факт, обуславливающий применение юридических норм.

Существенный интерес вызывает более традиционная точка зрения Г.Ф. Шершеневича, в соответствии с которой «связь между правом и обязанностью в юридическом отношении возникает в силу юридического факта, под которым понимается всякое обстоятельство, влекущее за собою по закону те или иные юридические последствия. Установление юридического отношения имеет место тогда, когда известный юридический факт связывает право с известным субъектом, возлагая одновременно обязанность на других» [6, с. 59].

Особую позицию относительно сущности юридических фактов занимал Л.И. Петражицкий, считавший, что не может быть и речи о том, чтобы признать правовое значение за фактами действительности, объективными событиями: речь может идти лишь о том, что некоторые факты вызывают соответствующие эмоциональные фантазмы, проекции, являются причиной приписывания со стороны людей себе или представляемым другим существам обязанностей и прав. По мнению автора, важны и имеют значение в правовой жизни не факты, а вера в существование этих фактов, поэтому само понятие юридических фактов следует изменить или заменить другим в том смысле, что под юридическими фактами следует понимать не внешние, объективные, а представляемые события — содержания, предметы подлежащих представлений и правовых переживаний [7, с. 366].

В современных условиях юридические факты, как правило, исследуются как в качестве элементов правовой действительности, так и в механизме правового регулирования фактических общественных отношений. Современная правовая доктрина исходит из того, что «юридические факты представляют собой конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают наступление тех или иных правовых последствий. Норма права и правоотношение всегда диалектически связаны, а юридический факт в любой его форме является своего рода переходным мостиком между ними, выступая как бы средством, рычагом, который приводит юридическую норму в действие, на основе которого возникает (а также изменяется

или прекращается) правоотношение» [8, с. 16]. Современные авторы в подавляющем большинстве занимают сравнительно единодушную позицию относительно понятия, места и функционального назначения юридических фактов и используют исторически сложившийся, несколько, на наш взгляд, примитивный, односторонний подход к их систематизации, который представляется упрощенным, не соответствующим тем роли и значению, которые присущи данным правовым явлениям.

Очевидно, что вне юридических фактов нормы и право в целом существуют как нереализованная абстракция. Предпосылками самих юридических фактов выступают фактические реальные обстоятельства. Вместе с тем «жизненные факты сами по себе не обладают каким-либо имманентным свойством быть или не быть юридическими фактами» [9, с. 163]. Многие факты реальной действительности не приобретают правового значения, а потому не способны создавать юридических связей в виде субъективных прав и обязанностей, являясь безразличными для права. Авторами справедливо подчеркивается, что отечественная доктрина толкования юридических фактов имеет свои издержки, поскольку законодательство доктринально часто толкуется в отрыве от реально существующих юридических фактов. Замкнутость и ограниченность подходов к соотношению категорий юридических фактов и правовых норм способствуют сдерживанию развития теории юридических фактов. Заслуживающей внимания находим позицию, в соответствии с которой «достижением юридической науки в этой части в настоящее время является, пожалуй, раскрытие понятия, классификация функций юридических фактов и их доказывание. Бурное эволюционное, революционное развитие общественных отношений часто вступает в противоречие с действующим законодательством» [8, с. 17].

Существенный вклад в развитие теории юридических фактов внес О.А. Красавчиков. Исследуя их правовую природу, автор отмечал, что юридические факты — это факты реальной действительности, с которыми нормы права связывают наступление юридических последствий. Посредством юридических фактов реализуется создаваемая предпосылками возможности возникновения правоотношений в действительности: участники регулируемого правом общественного отношения становятся связанными правами и обязанностями [10, с. 50]. Юридическим фактам, по мнению автора, присущ временной признак, поскольку в качестве таковых могут выступать явления, которые наступили или, по крайней мере, длются до настоящего времени. Автор утверждал, что для права не имеют значения будущие факты, т.е. такие, которые не имели места в действительности.

С.С. Алексеев полагал, что юридические факты — связующее звено между нормой права и конкретным правоотношением [11, с. 56]. Существует также позиция, в соответствии с которой «юридические факты — это факты реальной действительности, совершившиеся независимо от воли и сознания человека (юридические события), и действия, являющиеся продуктами сознательной деятельности людей (юридические действия). Роль и значение каждого из этих видов юридических фактов в гражданских правоотношениях является различной» [12, с. 78].

Следует признать, что юридические факты, будучи разновидностью социальных фактов, закрепленных нормами права, есть явления объективной реальности, отражающие уровень развития общества, которым присущи элементы действительности, предоставленные человеку в его восприятии и воспринятые им как признанное правом и оформленное соответствующим образом явление реальной действительности. Большинство юридических фактов закреплено в нормах права, вместе с тем имеются и такие, которые закреплены в законодательстве в общем виде в форме принципов, что свидетельствует о таком их признаке, как универсальность.

Развитие и совершенствование общественных отношений влечет появление новых, ранее не известных видов юридических фактов, при этом их правовая оценка не всегда является однозначной: государственная регистрация прав, отделение органов и тканей от организма в целях трансплантации, смена пола, решение собраний и многие другие. Являются ли они согласно сложившейся теории юридическими фактами и какое место в системе юридических фактов они занимают? Единых подходов к решению этих вопросов нет. Такая ситуация в науке и правоприменительной практике вполне обоснованно породила предложения о пересмотре учения о юридических фактах и их системе, в том числе поиске места для новых юридических фактов, встречающихся в современной хозяйственной жизни [13, с. 347].

Попытка переосмысления понятия юридического факта предпринята М.А. Рожковой, которая полагает, что при определении юридического факта нужно основываться на понимании его как реального жизненного обстоятельства и дефиниция его должна объединять следующие признаки: во-первых, закрепление в норме права абстрактной модели этого обстоятельства, с наступлением которого связываются определенные последствия; во-вторых, фактическое (реальное) наступление этого жизненного обстоятельства; в-третьих, возможность породить правовые последствия. С учетом этих признаков автор предлагает следующее определение: юридический факт — это реальное жизненное обстоятельство, которое в силу норм права влечет наступление юридических последствий в сфере правоотношений. Такая позиция представляется заслуживающей внимания, поскольку закрепление именно абстрактной модели юридического факта позволит квалифицировать в качестве такового появляющиеся в действительности новые виды жизненных обстоятельств, соответствующих модельным признакам. При этом исключение такого квалифицирующего признака юридических фактов, как прямое закрепление их нормами права, представляется вполне справедливым и обоснованным.

Своеобразную позицию занимал С.А. Зинченко, считая, что из системы юридических фактов следует исключить события. Автор утверждает, что «никакие события сами по себе не могут породить, изменять или прекращать правоотношения. Эта роль возлагается на волевые акты в статусе юридических фактов. Наступление события (смерть, рождение человека, истечение срока и т.п.) — это физические, биологические, химические и иные явления, которые в качестве условий лишь побуждают соответствующих субъектов сформировать в связи с этим волевой акт в качестве юридического факта. Смерть и рождение

как физические явления — лишь предпосылки для формирования волевого акта как юридического факта, порождающего или прекращающего определенные правоотношения. Юридическим фактом, порождающим, изменяющим или прекращающим определенные правовые последствия в приведенном случае, является акт регистрации рождения или смерти гражданина [1, с. 14]. Автором предложено следующее определение юридических фактов: юридические факты представляют собой волевые акты, порождающие, изменяющие или прекращающие права (объективные и субъективные). Это общее (родовое) понятие юридического факта, которое имеет лишь ему присущие признаки.

Несмотря на привлекательность и оригинальность изложенной позиции, которая заставляет задуматься и углубиться в сущность такого правового явления, как юридические факты, следует отметить, что она представляется уязвимой, поскольку противоречит действующим нормам права, в частности ст. 17 ГК РФ, в которой такое правовое последствие, как возникновение правоспособности гражданина, связано с рождением, а прекращение — со смертью, а не с актами регистрации фактов рождения или смерти.

Заслуживает внимания позиция, в соответствии с которой «юридическим фактам присуща неизменность (инвариантность). Они в большей части являются результатом деятельности людей, и на определенном этапе они как бы отделяются от человека, приобретая самостоятельное значение» [14, с. 16]. Полагаем тем не менее, что это справедливо в части юридических фактов, относящихся к природным катаклизмам, непреодолимой силе. Что же касается юридических действий, вряд ли справедливо говорить об их самостоятельном значении, поскольку они совершаются по воле индивидов.

Обосновав, что юридический факт является связующим звеном между абстрактной нормой права и конкретным правоотношением, Р.С. Бевзенко предложил скорректировать определение юридического факта как требование исключить из него «указание на правоотношение как непереносимое правовое последствие, возникающее под влиянием существования юридического факта; кроме того, необходимо подчеркнуть, что не сам юридический факт порождает правовые последствия, но только лишь соединение его с нормой закона» [13, с. 352].

На наш взгляд, спорным является утверждение о том, что только норма права может придавать обстоятельствам реальной действительности свойство юридических фактов. Об этом свидетельствует прежде всего то, что перечень оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей является открытым. Как правило, факт реальной действительности может являться юридически значимым при условии, что норма права связывает с ним наступление тех или иных правовых последствий. Однако юридические факты, вызывающие определенные правовые последствия, могут появляться ранее правовых норм, выступая их предпосылками, а не наоборот.

Издержки теории юридических фактов вызывают затруднения в решении вопросов разграничения норм права (правил поведения) и юридических фактов, которым закон придает правовое значение. Так, в ст. 5 ГК РФ установлено, что обычаем признается сложившееся и широко применяемое

в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано оно в каком-либо документе или нет. Законодатель признал их юридически значимыми при условии непротиворечия их закону. Нами поддерживается позиция о двойственной правовой природе обычаев, поскольку они влекут определенные правовые последствия и могут квалифицироваться как юридические факты. Одновременно они являются регуляторами общественных отношений. Сущность юридических фактов такова, что они, будучи составными элементами норм права, обладают регулятивными свойствами и одновременно обеспечивают условия перехода фактического общественного отношения в свое новое качество — правоотношение. Эти положения имеют как существенное теоретическое, так и практическое значение, поскольку теория и практика поднимают проблему первичности, приоритетности юридических фактов и правовых норм.

В заключение сделаем следующие выводы. Категория «юридический факт» возникла и развивалась из потребностей юридической практики, из отвечающего этой практике стремления охватить единым понятием многочисленные и разнообразные предпосылки движения конкретных гражданских правоотношений и иных правовых последствий. Практическое значение и научно-познавательная ценность юридических фактов и юридических составов выражаются в том, что они призваны обеспечить прямую и непосредственную связь права с жизнью, создавая почву для чуткого и своевременного реагирования на всевозможные изменения в общественных отношениях. Важность совершенствования и развития теории юридических фактов выражается в том, что их ошибочная квалификация, неправильная правовая оценка приводят к тому, что одним юридически важным обстоятельствам реальной действительности не придается должного значения, другим, напротив, приписываются не свойственные им юридические свойства. С учетом изложенного предлагаем следующее определение юридического факта: юридический факт — это явление действительности — событие, действие, срок, состояние, порождающее в силу указания норм права определенные правовые последствия. Такое определение, во-первых, включает в себя два неперенных момента: материальный и юридический; во-вторых, не ограничивает правовые последствия юридических фактов только возникновением, изменением или прекращением гражданского правоотношения; в-третьих, исключает такое общераспространенное требование к юридическим фактам, как закрепление их нормами права. Изложенный авторский подход позволит реализовать поддерживаемую нами идею построения абстрактной модели юридического факта, создающей возможности и перспективы для правильной правовой оценки вновь появляющихся в реальной действительности фактов.

Список литературы:

1. Зинченко, С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. / С.А. Зинченко. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 152 с.
2. Новицкий, И.Б. Римское право. — 7-е изд. / И.Б. Новицкий. — М.: Теис, 2002. — 310 с.
3. Manigk, A. Tatsachen, juristische Handwörterbuch der Rechtswissenschaft / A. Manigk, — Berlin, Leipzig, 1928. — 942 s.
4. Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров. — М.: Зерцало, 2003. — 816 с.
5. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. — СПб., 2003. — 573 с.
6. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. — М.: Спарк, 1995. — 556 с.
7. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. — СПб., 2000. — 434 с.
8. Курцев, Н.П. Правовая природа юридических фактов / Н.П. Курцев, Е.Н. Горюнова // Юрист. — 2003. — № 10. — С. 16–21.
9. Александров, Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. — М.: Госюриздат, 1955. — 342 с.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. — М.: Юриздат, 1958. — 278 с.
11. Алексеев, С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования / С.С. Алексеев // Антология уральской цивилистики (1925–1989) : сб. ст. — М., 2001. — С. 56–69.
12. Гражданское право. Общая часть / под общ. ред. А.Я. Рыженкова. — М.: Юрайт, 2011. — 640 с.
13. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. — М.: Юрайт-Издат, 2007. — 993 с.
14. Исаков, В.Б. Юридические факты в российском праве: учебное пособие / В.Б. Исаков. — М.: Юстицинформ, 1998. — 161 с.

• **ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ —
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА** •

В.В. Трофимов,

*доктор юридических наук, профессор
директор Научно-исследовательского
Института государственно-
правовых исследований Тамбовского
государственного университета имени
Г.Р. Державина*

V.V. Trofimov,

*Director of the Research Institute of
State and Legal Studies of Tambov State
University named after G.R. Derzhavina,
Doctor of Law, Professor
iptgutv@mail.ru*

В.В. Свиридов,

*кандидат исторических наук
младший научный сотрудник Научно-
исследовательского Института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

V.V. Sviridov,

*Junior Research Scientist of Research
Institute of State-Legal Researches of
G.R. Derzhavin Tambov State University,
candidate of historical Sciences
SviridovV@yandex.ru*

**Правовое сотворчество: дефиниция понятия
и роль в российском правотворческом процессе**

***Аннотация:** в статье осуществляется опыт актуализации теоретических и прикладных проблем российского правотворчества на фоне введения в научно-практический оборот дефиниции понятия «правовое сотворчество». Предлагается опыт определения понятия «правовое сотворчество», приводятся его основные характеристики. Обосновывается роль института правового сотворчества для оптимизации современного правотворческого процесса, повышения эффективности правотворческих результатов. Устанавливается значение отдельных механизмов коммуникации гражданского общества и государства в вопросах создания нормативно-правовых основ жизнедеятельности социума.*

***Ключевые слова:** право, общество, государство, взаимодействие, правовое сотворчество, дефиниция понятия, правотворческий процесс.*

**Legal co-creation: concept definition and role in
the Russian law-making**

***Abstract:** this paper presents experience of actualizing theoretical and applied problems of the Russian law-making against the backdrop of introducing «legal co-creation» concept definition into scientific and practical use. It offers experience of «legal co-creation» concept definition and provides its main characteristics. The paper proves the role of the legal co-creation institution for optimization of modern law-making process and law-making results efficiency enhancement. It states importance of individual communication mechanisms between the civil society and the state in creating substantive legal framework of social activity.*

***Keywords:** law, society, state, interaction, legal co-creation, concept definition, law-making process.*

Эволюция современного Российского государства, его эффективность и способность противостоять глобальным вызовам во многом зависят от правильно выстроенных каналов взаимодействия с

такой основной движущей силой существующего порядка вещей, как общество. Стремительно развивающиеся общественные отношения требуют иного понимания, переосмысления традиционных механизмов взаимосвязи общества и государства на политико-правовом поле (часто характеризующихся конформизмом ко всему происходящему со стороны социальных систем и инертностью самих интерактивных механизмов) и формирования обновленных институтов коммуникации власти и общества.

В частности, мы можем наблюдать с этой точки зрения определенные метаморфозы в процессах правотворчества. Их суть можно обозначить как переход от «созерцательной» позиции общества в отношении уклада государственно-правовой жизни к модели активного привлечения членов социума к участию в системе политико-юридических процессов сферы государственно-правового строительства. Данные процессы находят свое отражение в уже имеющихся элементах системы правотворчества и в создании новых инструментов и способов правотворения. Одним из таких инструментов может стать «правовое сотворчество» — явление, которое включает и обобщает уже существующие механизмы участия социума в правотворчестве и в то же время позволяет говорить о необходимости внедрения и реализации в формате правотворческой практики новых подходов привлечения общества в процессы правового созидания.

Следуя выбранному направлению мысли, хотелось бы заметить, что само по себе введение в научный оборот категории «правовое сотворчество» может быть определено целым рядом причин. Однако среди них необходимо указать прежде всего на достигнутый уровень развития современной юридической науки, отражающий те изменения, произошедшие в окружающем нас мире социальной реальности в виде новой сетки государственно-правовых явлений и коррелирующей с этим системы научных понятий. На наш взгляд, данный аспект выступает решающим в плане соответствия критерию «определенности» или «строгости понятийного аппарата». По этому поводу А.М. Васильев отмечал, что изменение существующих или создание новых правовых категорий может «иметь место тогда, когда они выражают новые общие закономерности и отношения в развитии государственно-правовой действительности; когда они обоснованы, доказаны и проверены опытом; когда по своим качественным особенностям и уровню обобщения они могут быть включены в состав общей правовой теории» [4, с. 43].

Образование нового понятия, способного не просто отметить необходимость актуализации некоторых государственно-правовых вопросов, но и показать возможные эффективные способы преодоления назревших проблем, в нашем случае происходит посредством концентрации внимания на таком явлении государственно-правовой жизни, как «правовое сотворчество», и обосновании его потенциально возможного научно-прикладного статуса в системе государственно-правового знания в качестве действенной категории.

Следует заметить, что формирование подобным образом новой дефиниции понятия не является (не должно являться) каким-то искусственным усложнением термина, используемого в обычной речи. Считается, что «лексика общего употребления и юридическая терминология очень близки»

[24, с. 51]. По этому поводу С.А. Хижняк отмечает, что «большая часть юридических терминов — это переосмысленные общеупотребительные слова, словосочетания, возникшие в языке общего употребления» [24, с. 4]. Подобный терминологический процесс, с одной стороны, может и упрощает появление новых дефиниций в праве, а с другой стороны — обуславливает необходимость разграничить новый юридический термин и лежащее в его основе слово общего употребления.

В связи с этим, для того чтобы более полно раскрыть смысл предлагаемого словосочетания, обратимся к значению термина «сотворчество». Следует отметить, что данное понятие не так часто употребляется как в обычной, так и в научной речи. В некоторых словарях русского языка оно и вовсе отсутствует [12]. В тех справочных изданиях, где его можно найти, приводится достаточно скупая расшифровка. В русском языке сотворчество используется в основном для обозначения какой-либо совместной формы творчества [7, 22]. Наиболее часто понятие сотворчество применяется в педагогических исследованиях [3, 6, 1]. Например, энциклопедический словарь педагога дает следующее определение термина «сотворчество» — это «самореализация своих творческих возможностей в некоем общем продукте» [2, с. 738]. По мнению автора словаря, сотворчество может проявляться в виде соавторства, когда социальные акторы совместно сочиняют, анализируют и в итоге генерируют общий продукт, как результат всеобщих усилий. Кроме того, сотворчество обладает возможностью внести в старые вещи и явления определенный эффект новизны и самобытности. Происходит это за счет использования уже существующих результатов труда и привнесения в них нового элемента. Если же вспомнить о творческой сущности исследуемого явления, то появляется возможность применять сотворчество в самых различных видах и формах практической и научной деятельности [2, с. 738].

Как видим, уже существующие характеристики рассматриваемого феномена вполне позволяют использовать термин «сотворчество» применительно к российскому правотворческому процессу — тому виду деятельности, который может и должен осуществляться за счет интеграции всех государственно-властных сил. По всей видимости, не случайно в начале 90-х гг. XX в., на заре становления обновленного Российского государства и зарождения первых институтов гражданского общества появилось общероссийское добровольное самоуправляемое движение под названием «Сотворчество народов во имя жизни». Его основная цель заключалась в отстаивании прав и интересов национальных меньшинств, посредством поддержки отдельных инициатив [16, с. 477].

Однако вернемся к уже обозначенному нами определению термина творчества как самореализации творческих, материальных, духовных, научных и других возможностей в некоем общем продукте. Если подойти к этому определению с юридической точки зрения, то можно увидеть, что возможность каждому участнику государственно-правовой жизни реализовать себя, свой творческий, интеллектуальный и иной потенциал находит свое как косвенное, так и непосредственное отражение во многих статьях российской Конституции (ст. 2, 3; ч. 1 ст. 34; ч. 1 ст. 44 и другие

статьи Конституции РФ) [10], а одним из продуктов подобной совместной творческой деятельности может стать право.

Конечно же, следует оговориться, что существует определенная государственно-властная монополия, охватывающая процесс формирования права. Однако в любом рационально и здраво устроенном гражданском обществе и правовом государстве необходимо, пускай и не прямое, но все же совместное с государством участие социальных акторов в создании такого продукта, как «право». Сущность подобного правового сотворчества кроется прежде всего в механизме взаимодействия как всего гражданского общества и государства, так и отдельных его институтов, членов социума, друг с другом и с государством. Реализация на практике данных подходов позволит вдохнуть дополнительные жизненные силы не только в правовую, но и в политическую сущность государства, а также послужит на благо легитимации всего государственно-правового аппарата.

Сформулируем «рабочую» дефиницию понятия правового сотворчества. Под правовым сотворчеством, на наш взгляд, следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права).

По своей сущностной характеристике явление правового сотворчества, как образуемое от родового феномена творчества, но дополняемое тем, что оно осуществляется конгломератом социальных сил, обладает целым комплексом положительных качеств, которые могут найти свое отражение в науке и практике российского правотворческого процесса. Сюда можно отнести такие конкурентные преимущества, как новизна и оригинальность, наличие творческой задачи, общей цели и мотивации, возможность координации разрозненных действий в единое целое, способность аккумуляции различных юридически значимых интересов и социальных притязаний в рамках избираемой правовой формы, и другие не менее значимые особенности.

Кроме того, существуют и объективные предпосылки для внедрения в российский правотворческий процесс перечисленных выше качеств. Среди них необходимо в первую очередь выделить общность пространства и времени актуализированного процесса правосозидания. Совершенно очевидно, что граждане, проживающие в конкретное время на конкретной территории, будут крайне заинтересованы в разрешении актуальных для них политических, экономических и других вопросов, традиционно регулируемых государством с помощью правовых механизмов. Принимая совместное участие в выработке правовых предписаний и являясь соавторами таковых, члены социума будут в большей степени вовлечены в решение злободневных проблем общества и государства и тем самым в большей степени будут готовы разделить ответственность за принимаемые решения. Именно таким образом может быть достигнуто необходимое равновесие между центрами интересов государства, общества и личности.

Вообще, наблюдаемый на фоне исследуемого института совместный поиск оригинальных государственных и юридических идей, направленных на решение проблем создания идеального государства и общества посредством правового взаимодействия акторов, входящих в эти структуры, был характерен для всех этапов развития нашей цивилизации. Еще античные авторы, а впоследствии и средневековые мыслители разрабатывали концептуальные идеи, которые в будущем нашли свое воплощение в институтах и механизмах так называемых правового государства и гражданского общества.

По всей видимости, классические примеры правового сотворчества и прямого участия граждан страны в правотворческой деятельности могут быть продемонстрированы греческими полисами (в результате установления демократических республик каждый гражданин имел право принять участие в обсуждение законов своего полиса и даже выступить с законодательной инициативой). По этому поводу Аристотель говорил, что в основе любого государства находятся три основных элемента «от превосходного состояния этих частей зависит и прекрасное состояние государственного строя» [1, с. 514–515]. Среди них он выделяет: «законосовещательный орган», «должности» и «судебные органы». Решение круга вопросов, входящих в компетенцию законосовещательных институтов (а сюда относились такие вопросы, как война и мир, заключение и расторжение союзов, избрание должностных лиц и заслушивание их отчетности, конфискация имущества, законодательство и др.), могло быть поручено «либо всем гражданам, либо части их» [1, с. 515]. Хоть Аристотель и не был сторонником демократической формы правления, противопоставляя ей политию, он отмечал, что «демократическим началом является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демократия и стремится» [1, с. 515].

Обозначим в качестве примера несколько конкретных точек соприкосновения, в рамках которых может представиться (либо уже представилась и имеет свое реальное воплощение в виде исторического факта или существующей действительности) потенциальная возможность осуществления на высоком уровне взаимодействия государственных и общественных институтов, а также отдельных индивидов и публично-властных структур. Речь идет о формах такого взаимодействия в сфере правового строительства, которое может быть отнесено к правовому сотворчеству. К таким формам правового сотворчества можно отнести: демократические выборы; референдум и/или непосредственное правотворчество народа; народную правотворческую инициативу; петиции; публичные слушания (предварительные всенародные обсуждения); институт правового лоббизма; форму электронной демократии, в том числе краудсорсинг (привлечение к решению проблем широкого круга лиц с использованием современных телекоммуникационных технологий); государственное санкционирование нормативных актов, выработанных общественными организациями, а равно — правотворческую деятельность общественных организаций, связанную с осуществлением переданных им функций государственных органов (правотворческое делегирование) и др. [19, с. 79].

Наиболее убедительным примером возможности общества стать участником процесса создания права является так называемая народная правотворческая инициатива. Данный институт предусмотрен как для муниципального [23, ст. 26], так и для регионального уровня [22, ч. 1 ст. 6]. В частности, для субъектов Российской Федерации закон допускает возможность применения института законодательной инициативы граждан, если это непосредственно будет предусмотрено Основным Законом (Конституцией, Уставом) субъекта Российской Федерации. Так, Устав Тамбовской области в ч. 1 ст. 48 указывает: «Граждане, место жительства которых расположено на территории области, обладающие избирательным правом, имеют право на законодательную инициативу в областной Думе, осуществляемую в установленном законом области порядке» [20]. В свою очередь, региональный закон определяет правила и порядок реализации законодательной инициативы граждан в Тамбовской области [8].

Одной из современных и весьма перспективных точек соприкосновения на поприще правотворчества является также коммуникация властных институтов и научной среды. В данном случае позитивно выстроенное взаимодействие между научным сообществом и субъектами правотворчества способно оказать существенное влияние на уровень эффективности принимаемых решений, если в основе последних найдут свое закономерное отражение соответствующие научные основы. Несомненно, наше государство предпринимает определенные последовательные шаги для реализации данного направления. Однако в настоящее время сложившаяся ситуация далека от идеала и поэтому есть все предпосылки для дальнейшего роста и интенсификации данного вида деятельности. По этому поводу С.В. Поленина справедливо замечает, что «активизация роли науки в формировании правотворческой политики и в законотворчестве — необходимая предпосылка повышения качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм» [14, с. 192].

Наиболее очевидными субъектами такого взаимодействия в рамках российской государственно-правовой жизни со стороны властных институтов могут стать палаты федерального парламента Российской Федерации, региональные парламенты и другие структуры. Сторона научного сообщества может быть представлена высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами, общественными объединениями и некоммерческими организациями или даже отдельными научными коллективами. Например, в настоящее время становится все более распространенной практика создания в рамках парламентских учреждений как федерального, так и регионального уровней различного рода межведомственных научных советов по правотворчеству. С информацией о такого рода сотрудничестве можно ознакомиться на официальных сайтах ИГП РАН [5], Государственной Думы Российской Федерации [18]. Известная активизация деятельности подобных советов была инициирована спикером Государственной Думы Российской Федерации VI созыва С.Е. Нарышкиным, который предложил создать межведомственный научный совет по правотворчеству из представителей РАН и других научных организаций для

участия в законотворческом процессе на всех его этапах [17]. Данное начинание федерального центра вскоре было поддержано и на местах. Так, во вновь присоединенной Республике Крым 3 декабря 2014 г. было утверждено Постановление «О Научном совете по правотворчеству при Председателе Государственного Совета Республики Крым» [15].

Вместе с тем, анализируя деятельность данных институтов, просматривается прежде всего ярко выраженная второстепенная роль и разовость их работы. Например, изучая стенограмму заседания Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 27 апреля 2016 г., следует обратить внимание на высказывание М. Барщевского, который заметил, что было бы неплохо «если бы в случае негативного отзыва двух научных институтов на законопроект его нельзя было бы принять» [9]. Однако, несмотря на положительный отклик и признание необходимости более четкой формализации участия науки в законотворчестве, участники дискуссии признали, что в данное время эта инициатива мало реализуема и не совсем понятно, как это сделать на практике [9].

Различные виды и формы правового сотворчества находят свое подтверждение как в историческом опыте прошлого, так и имеют в той или иной степени законодательное закрепление в современном российском государстве. Проблемой является то, что многие из названных форм не находят должного отражения в действующей государственно-правовой практике по ряду объективных и субъективных причин, с которыми еще необходимо разбираться на теоретико-практическом уровне.

В данном случае явление правового сотворчества, на котором мы попытались сосредоточиться, позволяет помимо прочего сделать акцент на существующих проблемах участия общества (народа) во власти. Что касается вариантов их разрешения, то уместно привести суждение на этот счет В. Плигина, указывающее, что путь к решению нужно искать на совместной для государства и общества платформе правового сотворчества. Так, автор отмечает, что «если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, т.е. легитимизирует закон, делает его воспринимаемым. Поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом — проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах» [13, с. 26]. Приведенное мнение российского политика, ученого и практика дополнительно подтверждает факт того, что опора на общество при принятии законодательства не только возможна, но и необходима (и российская власть это осознает); такого рода соучастие (соавторство) общества в правотворческом процессе способно сделать его результаты в виде нормативных актов (нормативно-правовых предписаний) более качественными, действенными, адаптированными к реальной жизни современного социума.

Таким образом, налицо все необходимые предпосылки для введения на первоначальном этапе в научно-теоретический оборот нового понятия «правовое сотворчество». В случае успешного разрешения обозначенной проблемы станет возможным использовать полученный результат и в практике

правотворчества. Как нам кажется, российский правотворческий процесс уверенно подошел к подобным решительным действиям.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
2. Безрукова, В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). — Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 937 с.
3. Бондарь, А. Наполняя духом сотрудничества и сотворчества // Высшее образование в России. — 2004. — № 9. — С. 86–89.
4. Васильев, А.М. Интеграция и дифференциация знания и понятийный аппарат теории права // Проблемы методологии и методики правоведения. — М.: Мысль, 1974. — 205 с.
5. Выступление директора ИГП РАН академика А.Г. Лисицына-Светланова на заседании Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации. 10 сентября 2015 г. — URL: <http://www.igpran.ru/nlive/3863/> (дата обращения: 05.09.2018).
6. Гаврилова, З.А. Феноменологический анализ понятия «творческое взаимодействие» // Сибирский педагогический журнал. — 2009. — № 9. — С. 176–182.
7. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — 1233 с.
8. О законодательной инициативе граждан в Тамбовской областной Думе : Закон Тамбовской области от 4 июля 2007 г. № 224-З (в ред. от 7 декабря 2015 г.). — URL: <http://www.tambovoblduma.ru/upload/files/pravo/ZTo224.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).
9. Заседание Научного совета по правотворчеству (текстовая трансляция). 27 апреля 2016 г. — URL: <https://scientificrussia.ru/articles/pasedanie-nauchnogo-soveta-pravotvorchestvu-tekstovaya-translyatsiya> (дата обращения: 05.09.2018).
10. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 110-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 31, ст. 4398.
11. Нилова, С.В. Коммунарство и сотворчество: взгляд в будущее // Российский гуманитарный журнал. — 2014. — Т. 3. — № 3. — С. 221–225.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Рус. Яз., 1990. — 921 с.
13. Плигин, В.Н. Интервью изданию «Российская газета» (Неделя) в рубрике «Юридическая неделя» // Российская газета (Неделя). — 2014. — № 53 (6325). — 6–12 марта.
14. Поленина, С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика : курс лекций / С.Ф. Афанасьев, В.П. Беляев, Е.В. Вавилин, А.И. Демидов и др.; под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. — М.: Норма, 2003. — 528 с.
15. О Научном совете по правотворчеству при Председателе Государственного Совета Республики Крым : Постановление Президиума Государственного Совета Республики Крым от 3 декабря 2014 г. № 280-1/14 (с изм. и доп.). — URL: <http://base.garant.ru/23703538/> (дата обращения: 05.09.2018).
16. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. — М.: Норма; ИНФРА, 1998. — 672 с.
17. Сергей Нарышкин предложил создать межведомственный научный совет по правотворчеству с участием представителей РАН. 16 января 2014 г.

— URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=180fed9f-b003-4b58-a752-8ee05240fea4> (дата обращения: 05.09.2018).

18. Состоялось второе заседание Научного совета по правотворчеству при Председателе Госдумы. 26 марта 2014 г. — URL: <http://www.gosduma.net/news/274/639802/> (дата обращения: 05.09.2018).

19. Трофимов, В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. — 2018. — № 1. — С. 73–82.

20. Устав (Основной Закон) Тамбовской области РФ от 6 декабря 1994 г. (в ред. от 2 марта 2018 г.). — URL: <http://www.tambovoblduma.ru/o-dume/pravovaya-osnovadeyatelnosti> (дата обращения: 08.08.2018).

21. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. — М.: Альта-Принт, 2005. — 1216 с.

22. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ : федеральный закон РФ от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 4 июня 2018 г.). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/81d39265fd0c4c5b94b719ec773b604163a72006 (дата обращения: 08.08.2018).

23. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/b4b9946f11d8e4758077c93f210340ab91e26b0c (дата обращения: 08.08.2018).

24. Хижняк, С.А. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л.И. Баранниковой. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. — 136 с.

В.Ю. Самородов,
*старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и
права Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

V.Y. Samorodov,
*Senior lecturer of the Department of theory
and history of state and law Tambov State
university named after G.R. Derzhavin
vova.samorodov@yandex.ru*

Правотворческая политика и культура правотворчества: проблема соотношения и взаимосвязи

Аннотация: правотворческая политика и культура правотворчества — правовые категории, активно разрабатываемые в современной юридической науке. Актуальность поставленной проблемы обусловлена важностью изучения аспектов взаимопроникновения и взаимных переходов правотворческой политики и культуры правотворчества, способных в комплексе оказывать позитивный эффект для правотворчества. Основная цель статьи — рассмотреть проблему соотношения и взаимосвязи правотворческой политики и культуры правотворчества, выделить и проанализировать их общие признаки. В статье исследуются понятия правотворческой политики и культуры правотворчества. Подчеркивается общность их признаков, что позволяет наиболее верно определить их соотношение и выявить благотворную взаимосвязь. На основе анализа выдвигается ряд суждений о соотношении и взаимосвязи правовой политики и культуры правотворчества. При написании статьи применялись общенаучные (диалектика, анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический, системный, сравнительно-правовой) методы. В заключение автор делает вывод о том, что правотворческая политика и культура правотворчества соотносятся как равнозначные правовые категории, способные влиять друг на друга, оказывать кумулятивный эффект на содержание, характер и результаты правотворчества.

Ключевые слова: культура, юриспруденция, политика, правотворческая культура, правовая политика, современная правотворческая политика, правотворчество.

The Law-Making Policy and the Culture of Law-Making: Problem of Relation and Interconnection

Abstract: the law-making policy and the culture of the law-making are the legal categories elaborated actively in the modern legal science. The relevance of the posed problem is conditioned by the importance at present stage of the studying of the aspects of the interpenetration and the mutual transitions of the law-making policy and the culture of the law-making, which in a complex can have a positive effect for the law making. The main purpose of the article is to consider the problem of the correlation and interconnection of the law-making policy and the culture of the law-making, the selection and the analysis of their common features. The concepts of the law-making policy and the culture of the law making are considered. The similarity of the features of these concepts is emphasized. It helps to define their correlation correctly and to reveal beneficial interconnection. The number of judgments based on this analysis about the correlation and the interconnection of the law-making policy and the culture of the law making is put forward. General scientific (dialectics, analysis, synthesis) and private scientific (formal-legal, systemic, comparative-legal) methods were used in the writing of the article. In the completion the author makes the conclusion about the fact, that the law-making policy and the culture of the law making are correlated as the equivalent legal categories able to affect each other, to have a cumulative effect to the content, character and results of the law making.

Keywords: culture, jurisprudence, policy, law creation culture, legal policy, modern law-making policy, law-making.

Правотворческая политика как часть политики правовой вызывает постоянный интерес современных ученых, изучающих проблемы юридической науки. С начала XXI в. проделана серьезная исследовательская работа, обозначившая наиболее актуальные проблемы правотворческой политики, деятельность по разрешению которых ведется по настоящий день. Можно сказать, что правотворческая политика как составляющая правовой политики продемонстрировала необходимость ее отдельного обстоятельного анализа и исследования, что подтверждается значительным количеством научных работ по настоящей тематике. «В этой связи можно говорить о том, что исследование проблем правотворческой политики является одним из новых, перспективных направлений в теории государства и права, однако данная тема еще не нашла своего должного освещения в отечественной правовой доктрине» [1, с. 11–12].

От правотворческой политики во многом зависит судьба дальнейшего развития правотворческого института и его места в правовой жизни общества. Правотворческая политика, формируя основные цели правотворчества на ближайшую и отдаленную перспективы, не может находиться вне социального и культурного контекста, а должна работать в естественной взаимосвязи с ним, «вбирая» социокультурную данность права и предлагая «на выходе» эффективные социально-правовые регуляторы.

В свою очередь, «культура правотворчества» как общеправовой феномен, подлежащий дальнейшему осмыслению и исследованию, был наиболее отчетливо «синтезирован» в теоретическом плане еще в работе «Культура и техника законотворчества» известного теоретика права, академика РАН Д.А. Керимова [2]. В преддверии основных демократических преобразований

в стране была обозначена серьезная проблема, осмыслить которую еще предстоит. Несколько забытая на десятилетие и только в настоящее время получившая свое развитие, она наполняется научным содержанием, привлекая как молодых, начинающих исследователей, так и сложившихся ученых [3]. Все это свидетельствует о необходимости разностороннего подхода к изучению проблем современного правотворчества, одной из которых является культурный контекст данного государственно-правового института (института правотворчества в современном цивилизованном государстве). Только с привлечением междисциплинарных знаний возможно рассматривать фундаментальные теоретико-правовые проблемы, которые не могут существовать вне культуры и социума. Правотворчество — это не только государственная деятельность, но и важный социальный, культурный институт, который должен тонко улавливать и чувствовать общественные импульсы, программируя их с помощью правотворческой политики в перспективные цели и реализуя их на практике.

Исследуя правотворческую политику, мы не можем рассматривать ее вне культуры в широком понимании таковой и также правовой культуры как части общей культуры. «Правовая культура — часть общей культуры общества или отдельной личности» [4, с. 247]. Здесь начинает наиболее четко проследиваться взаимосвязь правотворческой культуры и правотворческой политики, которые находятся в непрерывном взаимодействии и не могут рассматриваться обособленно друг от друга. Как взаимосвязь, так и соотношение данных понятий (а равно — самих феноменов), как мы считаем, представляет существенный научный интерес, работа в данном направлении может помочь в борьбе с такими актуальными проблемами правотворчества, как недостаточная эффективность норм права, оторванность от общественных интересов — несоциализированность, проблемы правотворческой техники, организации правотворческого процесса, определения роли нормоайтера (правотворца) в правотворческом процессе и уровня его культуры [5] и др.

Соотнести и выделить взаимосвязь правотворческой политики и культуры правотворчества возможно с помощью (на основе) их терминологического содержания, где, собственно, имеют отражение их основные признаки.

Так, авторы проекта концепции правотворческой политики в Российской Федерации профессор А.В. Малько и профессор А.П. Мазуренко под правотворческой политикой понимают «особую разновидность правовой политики, выражающуюся в научно обоснованной, последовательной деятельности государственных структур и субъектов гражданского общества, направленной на формирование и реализацию стратегии правотворчества в целях повышения его эффективности и, как следствие, создания непротиворечивой и целостной системы права» [6, с. 5]. Данный термин, несколько измененный, но сохраняющий основной вектор мысли, также можно встретить и в других изданиях, [7, с. 103–104; 8].

Рассматривая культуру правотворчества, можно выделить дефиницию понятия, которая, на первый взгляд, может показаться излишне объемной, но отражает наиболее важные признаки, особенности и стороны

культуры правотворчества, без которых сложно полноценно рассматривать данный феномен. «Культура правотворчества — это обусловленная общим культурным фоном страны (государства), нации (народа), сложившимися традициями политики (искусства) государственно-правовой деятельности, доминирующими свойствами политико-правовой системы совокупность социально-правовых, материально-организационных, процедурно-процессуальных, технико-юридических, личностно-образовательных характеристик, мероприятий и требований, сопровождающих процесс подготовки и принятия правотворческих решений и предъявляемых к таковому, определяющих уровень и качество осуществляемого в государстве правового творчества, конструктивную реализацию всех правотворческих функций, способствующих достижению единого запланированного правотворческого результата в виде правовых актов нормативного характера, содержащих нормативные правовые предписания, нормы права и согласованные юридические конструкции с необходимым социально-правовым эффектом действия» [9, с. 48].

Соотнося понятия правотворческой политики и культуры правотворчества, нельзя говорить об их тождественности, но важно обозначить их взаимосвязь. Правотворческая политика — это прежде всего системная деятельность, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, культуру правотворчества в соотношении с ней можно рассматривать как определенную констатацию данной деятельности, того, как она в реальности осуществляется и что необходимо сделать, чтобы указанная деятельность была плодотворной (это позволяет сделать акцент на тех мерах, культурно-правовых требованиях, которые должны предъявляться к процессу правового творчества). Действенная и системная правотворческая политика уже является важным элементом правотворческой культуры, символом того, что правотворчество осуществляется в необходимом культурном формате. Поэтому, по нашему мнению, рассматриваемые понятия взаимосвязаны и благотворно дополняют друг друга, т.к. культура правотворчества должна быть признаком эффективной правотворческой политики (во всем объеме — от планирования до итоговых результатов), к чему необходимо стремиться. Правотворческая политика есть воплощение требований культуры правотворчества в практической плоскости. В свою очередь, культура правотворчества — это то, что предполагает осуществление алгоритма, характерного для правотворческой политики.

Соотнеся понятия правотворческой политики и культуры правотворчества, возможно акцентировать внимание на следующих основных суждениях:

— правильная, то есть последовательная, системная, нацеленная на прогрессивное развитие правотворческая политика является средством повышения культуры правотворчества. Например, если одной из целей правотворческой политики выступает привлечение к данному процессу специалистов по разработке законов — норморайтеров («Норморайтер — специалист, который не принимает акты, а именно пишет их, разрабатывает структуру и архитектуру документа» [10, с. 21]), то реализация данного положения благоприятно скажется на культуре организации правотворче-

ства, т.к., действительно, разработкой законов должны заниматься юристы-профессионалы, получившие необходимый уровень знаний (овладевшие специальными компетенциями);

— культуру правотворчества в соотношении с правотворческой политикой можно рассматривать как некое желаемое положительное, то, чего необходимо достичь, к чему необходимо стремиться, но в данном случае не как нечто идеализированное, а как реальное и естественное следствие прогресса. Культура в самих нас, следует только помнить об этом. Можно констатировать, что организация правотворческого процесса во многом изменилась, и изменилась кардинально к лучшему, но все же современное правотворчество требует серьезной работы по усовершенствованию. В качестве одного из центральных требований можно выделить более активную, открытую, анализирующую и учитывающую все социальные процессы работу с обществом и различными общественными институтами, иными словами, правотворчество должно основываться на подлинно общественных интересах и быть заинтересованным в правотворческой активности граждан. Гражданам важно чувствовать, что они являются «сотворцами» тех или иных изменений [11]. Культура — в гармонии творчества государства и общества, вот к чему необходимо стремиться. Инструментом может выступить именно правотворческая политика как деятельность специальных субъектов, программирующая дальнейший вектор развития правотворческого института. Культура правотворчества во многом определяется способностью выражать в продуктах (законах) правового творчества социальную природу права. Учет данного требования — залог эффективного, стабильного и ожидаемого правотворческого результата. В этом случае культура правотворчества помогает и содействует правотворческой политике;

— культура правотворчества становится выше, когда надлежащим образом осуществляется правотворческая политика, так как сама правотворческая политика формируется на базе определенных культурных представлений и в последующем преобразует правотворчество. Культура правотворчества должна определяться содержанием, целями и задачами эффективной правотворческой политики, и сама, в свою очередь, способна определять, совершенствовать правотворческую культуру субъектов правотворческой политики. Под надлежащим образом осуществляемой правотворческой политикой в данном случае необходимо понимать реализацию всех признаков приведенного выше термина рассматриваемого понятия, которое, безусловно, должно включать в себя и научную обоснованность, последовательность, конструктивность и т.д.

В заключение отметим, что правотворческая политика и культура правотворчества соотносятся как равнозначные правовые категории, способные влиять друг на друга, оказывать кумулятивный эффект на содержание, характер и результаты правотворчества. Под культурой правотворчества мы понимаем правильно осуществляемую правотворческую политику, которая, в свою очередь, представляет собой деятельностный формат реализации требований культуры правотворчества. Взаимосвязь

их очевидна и обусловлена прежде всего всеобъемлющим значением и пониманием культуры, в изоляции от которой невозможна практически ни одна деятельность, в том числе и направленная на разработку и осуществление правотворческой политики. Культурные требования, которые необходимо предъявлять к современному правотворчеству, во многом применимы и к правотворческой политике [12], из чего можно сделать вывод об их важной и объективной взаимосвязи. Подводя итог, следует также сказать, что в данной статье обозначены только некоторые основные суждения о соотношении и взаимосвязи правотворческой политики и культуры правотворчества, которые могут быть полезны для целостного понимания проблемы, но в дальнейшем потребуют развития и более углубленного осмысления с этих позиций феномена современного правотворчества.

Список литературы:

1. Мазуренко, А.П. Формирование правотворческой политики в современной России: вопросы теории // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Векленко. — Омск: Омская академия МВД России, 2016. — С. 11–18.
2. Керимов, Д.А. Культура и техника законодательства. — М.: Юрид. лит., 1991. 160 с.
3. Тосунян, Г.А. Культура правотворчества в современной России / Г.А. Тосунян, Л.В. Санникова // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 28–34.
4. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник. — 4-е изд., испр. и доп. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Дело, 2016. — 528 с.
5. Малько, А.В. Норморайтер как центральный субъект правовой политики / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2 (42). — С. 360–363.
6. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / разраб. А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: МГЭИ, 2011. — 34 с.
7. Социология права: словарь-справочник / авт.-сост.: В.В. Трофимов [и др.]; отв. ред. В.В. Трофимов; М-во обр. и науки РФ [и др.]. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. — 282 с.
8. Малько, А.В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования / А.В. Малько, В.В. Трофимов // Государство и право. — 2013. — № 2. — С. 5–13.
9. Трофимов, В.В. Реализация правотворческих функций как проявление культуры организации юридического процесса / В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. — № 4. — С. 43–53.
10. Баранов, В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6 (119). — С. 16–29.
11. Трофимов, В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) // Право: история и современность. — 2018. — № 1. — С. 73–82.
12. Самородов, В.Ю. Культурный аспект современной правотворческой политики (опыт осмысления проблемы) // Правовая политика и правовая жизнь. — 2018. — № 3. — С. 128–135.

А.П. Бибаров-Государев,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина

A.P. Bibarov-Gosudarev,
Senior lecturer of Department of civil law
Tambov state University
named after G. R. Derzhavin
bibarov@yandex.ru

Государственно-правовая политика современной России в сфере сохранения национального достояния: некоторые аспекты теории и практики

Аннотация: автор останавливается на понятии государственно-правовой политики, отмечает, что создание аргументированной и эффективной государственно-правовой политики является первоочередной задачей современной отечественной правовой науки и юридической практики. Отдельное внимание автор статьи уделяет понятию национального достояния, раскрывает его содержание и обосновывает необходимость проведения самостоятельной государственно-правовой политики в сфере обеспечения сохранности национального достояния. Отмечает очевидной потребностью в необходимости улучшения структуры управления национальным достоянием, а также совершенствования системы законодательства в сфере национального достояния — в частности, природоохранного законодательства и законодательства о культуре. Утверждает, что сохранение национального достояния требует не только разработки и принятия самостоятельного нормативного правового акта «О национальном достоянии Российской Федерации», но и разработки специальной долгосрочной стратегии сохранения объектов национального достояния. Выделяет правовые традиции в сфере сохранения национального достояния.

Ключевые слова: государственно-правовая политика, государство, национальное достояние, природоохранное законодательство, правовые традиции, общество.

State-legal policy of modern Russia in the sphere of national heritage preservation: some aspects of theory and practice

Abstract: the author dwells on the concept of state-legal policy, notes that the creation of a reasoned and effective state-legal policy is a priority task of modern domestic legal science and legal practice. The author pays special attention to the concept of national wealth, reveals its content and justifies the need for an independent state-legal policy in the field of the preservation of national wealth. Notes the obvious need for the need to improve the structure of management of national wealth, as well as the improvement of the system of legislation in the field of national wealth — in particular, environmental legislation and legislation on culture. He claims that the preservation of national wealth requires not only the development and adoption of an independent regulatory legal act «On the national wealth of the Russian Federation», but also the development of a special long-term strategy for the preservation of objects of national wealth. Highlights legal traditions in the field of preservation of national wealth.

Keywords: state-legal policy, state, national heritage, environmental legislation, legal traditions, society.

Национальное достояние в государстве — это особая совокупность материальных, природных и духовных компонентов, представляющих для нации (народа) бесценный характер, поскольку во многом именно материальные, природные и духовные богатства позволяют народу ощущать свою идентичность и уникальность. В научной литературе предлагаются различные определения данного понятия. Как отмечает в своих исследованиях А.В. Стрежнева, «национальное достояние — это естественное богатство,

ценность всенародного значения» [1, с. 89]. Вместе с тем автор подчеркивает, что «национальное достояние» не имеет на современном этапе государственно-правового развития четко определенного юридического содержания, которое бы было официально признано в законодательстве. Приходится оперировать в основной мере непосредственно доктринальным опытом рассмотрения данного феномена в контексте государственно-правового измерения (в качестве особого объекта юридического регулирования и государственного управления). Так, в частности, С.М. Скрыль отмечает: «Национальное достояние — это совокупность наиболее значимых общественных благ — ресурсов и прав, которые народ (народы, население) оставляет за собой, не передавая все полномочия собственника на эти объекты публичным образованиям, оставляет право на непосредственное осуществление прав собственности на них и устанавливает непосредственные формы контроля над их использованием» [2, с. 78]. Исходя из этого можно сделать утверждение, что под национальным достоянием понимается особый объект публичного контроля, причем контроля не просто государственно-управленческого, а именно всенародного, в том числе связанного со специфичным правовым режимом использования.

Очевидно, что феномен национального достояния не тождественен иным принадлежащим государству объектам материальной и интеллектуальной собственности. Это вытекает из особого свойства подобных объектов духовного и материального мира. На наш взгляд, наиболее точное, отражающее все аспекты этого явления понятие звучит следующим образом: «Национальное достояние — принадлежащая народу универсальная совокупность определенных неотчуждаемых материальных, духовных и интеллектуальных ресурсов и ценностей, имеющих общенациональное значение, признанных обществом уникальными» [3, с. 455]. В силу особенности рассматриваемого объекта государственно-правового воздействия требуется более взвешенный и обстоятельный подход, не сводимый к стандартным механизмам государственного управления и правовой регуляции. В связи с этим требуется проведение целенаправленной государственно-правовой политики, которая есть органичное сочетание мер государственного и правового характера.

В законодательной практике и государственно-правовой доктрине предпринимались попытки учесть особенности объекта в виде национального достояния, к которому в науке государства и права относят «художественные, научные и нематериальные блага, созданные и накопленные российским обществом за весь период его культурно-исторического развития, представляющие наибольшую ценность, в том числе исторические и культурные памятники, неповторимые научные коллекции, совокупности научно-технических данных, исследовательские и экспериментальные установки и их комплексы, а также особо охраняемые природные территории и другие уникальные объекты общенациональной значимости» [3, с. 456]. Законодательство Российской Федерации отражает отдельные виды объектов национального достояния в нормативных актах соответствующей отраслевой направленности. Так, природное происхождение некоторых из перечисленных выше объектов национального достояния получило специальное выделение в Экологической доктрине Российской Федерации, в соответствии с которой

«природа и ее богатства являются национальным достоянием народов России, естественной основой их устойчивого социально-экономического развития и благосостояния человека» [4]. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» гласит, что «языки народов Российской Федерации — национальное достояние Российского государства» [5]. Помимо упомянутых актов к нормативным источникам, отражающим необходимость охраны национального достояния, можно отнести Конституцию Российской Федерации (ст. 9) [6], Основы законодательства Российской Федерации о культуре (ст. 3) [7] и некоторые другие. Однако следует признать, что единого и комплексного законодательного, а также доктринального подхода к национальному достоянию до сих пор не выработано, что в условиях общей нестабильности в глобальном масштабе создает определенные риски для сохранности национального достояния как в целом, так и его отдельных разновидностей. Это со всей очевидностью ставит задачу специальной проработки данного направления в рамках соответствующей государственно-правовой политики.

Ресурс «правовой», или несколько шире — «государственно-правовой», политики, на наш взгляд, может быть особенно востребован. Достаточно емко и верно понятие правовой политики сформулировал профессор А.В. Малько. Под правовой политикой ученый предлагает понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» [8, с. 8]. Как видно из приведенного определения, эта деятельность по своему характеру имеет все основания для того, чтобы приводить к успешному результату. Если помимо собственно юридического компонента акцентировать внимание на государственно-управленческой активности, что применительно к специфике рассматриваемого нами феномена национального достояния особенно оправданно, целесообразно поставить вопрос о государственно-правовой политике как некоем синтезе мер государственного и правового реагирования. С учетом социально-культурного аспекта достаточно удачно понятие государственно-правовой политики излагает В.В. Трофимов, который под государственно-правовой политикой понимает высококультурно организованный вид деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в Российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработкой, принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой эффективности действия [9, с. 80].

По причине осуществляемых в нашей стране политических, а вместе с тем и правовых преобразований, проведение грамотной государственно-правовой политики становится первоочередной задачей власти. Полагаем, сфера сохранения национального достояния как объекта государственного

правового воздействия не может не быть в числе приоритетов. Требуется разработать и принять всесторонний и подробный план государственных и юридических мероприятий, направленных на сохранение и умножение национального достояния России. Это связано с предметным подходом к выработке соответствующей государственной программы действий (прежде всего, юридического плана), которая будет отражать стратегию и тактику деятельности государства в этой области отношений, цели и задачи, механизмы и средства решения вопросов и пр.

В частности, целями государственно-правовой политики в сфере сохранения национального достояния могут выступать: а) формирование условий для сохранности объектов природного, культурного и материального наследия в стране, в том числе создание механизмов (управленческих, юридических, финансовых и пр.), способных обеспечить его сохранность; б) воспитание в самом обществе чувства уважения к своему культурному наследию и гордости за свое национальное достояние; в) всесторонняя защита национального достояния от посягательств со стороны третьих лиц, внутренних и внешних угроз и др.

Задачами государственно-правовой политики в сфере сохранения национального достояния могут являться: а) оптимизация механизма государственного управления и правового регулирования системы национального достояния в России; б) укрепление дисциплины, законности и правопорядка, повышение общей и правовой культуры граждан; в) развитие охранно-превентивных и защитных государственно-правовых механизмов в сфере национального достояния и пр.

Средства государственно-правовой политики в сфере сохранения национального достояния обусловлены не только целями, но и задачами, и направлены на обеспечение провозглашенных целей и решение соответствующих задач. В качестве юридических средств выступают различные инструменты и технологии, которые способны позволить достигнуть поставленных высоких идеалов правовой (государственно-правовой) политики. Среди таковых можно выделить как ограничивающие (негативные), так и стимулирующие (позитивные) средства: предупреждения, запреты, обязанности, с одной стороны, и льготы, поощрения участников правоотношений в сфере национального достояния — с другой; введение иных разумных правовых ограничений и стимулов в этой сфере; просвещение населения в области права, истории, экологии и культуры и т.п.

Сохранение национального достояния требует детального и самостоятельного правового регулирования. Гораздо эффективнее регулирование станет при системных изменениях в правовом сознании каждого гражданина, с учетом формирования у каждого человека (гражданина) чувства уважения и бережливости к национальному достоянию.

Предлагаем выделить следующие приоритетные направления в рамках государственно-правовой политики в сфере сохранения национального достояния:

— упрочение национальных культурных и государственно-правовых традиций, в том числе в сфере государственно-правовой охраны национального достояния в Российской Федерации;

— формирование посредством рационального государственно-правового воздействия качественно высокого духовного и нравственного состояния общества (развитие системы исторического, географического, филологического, искусствоведческого, юридического образования, а также духовно-нравственного воспитания);

— обеспечение сохранности и воссоздание национального достояния (комплексные меры по восстановлению памятников, природных ландшафтов, исчезающих видов растений и животных и пр.);

— восстановление общенационального единства путем преодоления разобщения власти и общества, интеллигенции и власти, элиты и общества; преодоление идейного антагонизма и корпоративных противоречий в элите и в среде интеллигенции путем распространения общенациональных идей и объединяющих идеалов;

— мобилизация посредством мер государственно-правового стимулирования активной части граждан на осуществление жизненно важных национальных проектов, что создает возможность воспитания новой национальной элиты и др.

Отдельное внимание следует обратить на первое направление. О каких традициях можно говорить в системе государственно-правовой охраны национального достояния? Вероятно, ответ на поставленный вопрос можно найти в поиске меры «старого» и «нового» в проблеме сохранения национального достояния. Исторически сложилось, что подходы государства и общества в вопросе принятия мер по защите национального достояния, как правило, не совпадают. Приоритетом при принятии решений была и долгое время оставалась экономическая целесообразность. Проведение государственно-правовой политики в сфере охраны национального достояния в отрыве от общественного мнения является устоявшейся правовой традицией. Так было, по крайней мере, до последнего времени. Однако сегодня проекты законов все чаще стали проходить проверку на прочность через призму общественного мнения. И это правильно. Со стороны политико-правовой целесообразности состояние, при котором мнение людей не учитывается, удобно любой правящей элите, но социальный аспект при этом остается неучтенным, а значит — принимаемые решения не имеют устойчивой перспективы для реализации. Подобное положение дел при разработке и проведении современной государственно-правовой политики в рассматриваемой области следует преодолевать, что также можно рассматривать как одно из приоритетных направлений данной политики. Формируемая государственно-правовая политика должна коррелировать с интересами общества, его историческими традициями.

Данные направления должны найти свое отражение в стратегии развития всей страны и в концепции государственно-правовой политики России на долгосрочную перспективу, которая должна не только закрепить основные идеи и терминологию государственно-правовой политики, но и ее основные направления, политика по сохранению национального достояния должна занять среди них особое место, а также предусмотреть действенные механизмы реализации. При этом необходимо исходить из того, что чрезмерный отрыв от объективной реальности при конструировании данной государственно-

правовой политики столь же нежелателен, как декларирование и красивая иллюстрация положений в этой сфере без должного их практического наполнения. В первом случае, замечает А.В. Малько, «теория станет утопией, во втором не более чем комментарием сложившейся правовой практики» [8, с. 11].

За всю историю России в процессе сохранения природного наследия, культуры, интеллектуального потенциала накоплен большой опыт, требующий обобщения. Необходимость исследования этих вопросов диктуется проблемой совершенствования государственного управления национальным достоянием страны в целом, проблемой создания эффективных механизмов функционирования и контроля в этой сфере. Действия по данным направлениям позволят восстановить социально-экономический и политический потенциал России, закрепят страну на лидирующих позициях в современном мире. Таким образом, речь идет о проблеме формирования и совершенствования государственно-правовой политики в сфере обеспечения сохранности национального достояния. Это может предполагать как разработку и принятие самостоятельного нормативного правового акта «О национальном достоянии Российской Федерации», так и выработку специальной долгосрочной стратегии (государственной программы) сохранения объектов национального достояния. От этого во многом будет зависеть наша способность в будущем сохранить статус России как высококультурной державы с поистине огромными материальными и духовными богатствами.

Список литературы:

1. Стрежнева, А.В. Аренда природных объектов и концепция «всемирного достояния» // Право и государство: теория и практика. — 2010. — № 7. — С. 89–92.
2. Скрыль, С.М. Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 31. — С. 74–78.
3. Правотворчество в Российской Федерации: современное состояние, проблемы, тенденции / отв. ред. А.В. Захаров. — М., 2015. — 500 с.
4. Об одобрении экологической доктрины РФ : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 36, ст. 3510.
5. О языках народов Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. — 1991. — № 50, ст. 1740.
6. Конституция Российской Федерации // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 46, ст. 2615.
8. Малько, А.В. Правовая политика современного общества: от теории к практике // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Право. — 2012. — № 3–4. — С. 8–14.
9. Трофимов, В.В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. — 2018. — № 3. — С. 79–87.

В.А. Ярцев,
аспирант кафедры конституционного
и муниципального права Елецкого
государственного университета им.
И.А. Бунина

V.A. Yartsev,
Post-graduate student
of the Department of constitutional
and municipal law
of Yelets state University I.A. Bunin
yartsev_vl_al@mail.ru

Право на обращение в органы государственной власти в России и зарубежных странах

***Аннотация:** статья посвящена исследованию содержания права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления в государствах с различными политическими режимами. Выявлено, что большинство конституций современных государств закрепляют данное право. На основе сравнительно-правового анализа установлено, что объем права на обращение зависит от целей не только субъекта обращения, но и общественных и государственных целей, закрепленных в Основных законах государств. Сделан вывод о том, что в демократических странах право на обращение имеет целью участие граждан в управлении делами государства, реализацию и защиту прав и свобод человека, в странах с тоталитарным режимом, абсолютной монархией — улучшение работы органов государственной власти, пресечение злоупотреблений ими своими полномочиями, но с учетом идеологии или религии.*

***Ключевые слова:** право на обращение, обращения граждан, обращение, политический режим, монархия, демократия, тоталитаризм, органы власти.*

The right to appeal to state authorities in Russia and foreign countries

***Abstract:** the Article is devoted to the study of the content of the right to appeal to the bodies of state power and local self-government in States with different political regimes. It is revealed that the constitutions of modern States, for the most part, fix this right. On the basis of comparative legal analysis, it is established that the scope of the right to appeal depends on the objectives not only of the subject of circulation, but also public and state goals enshrined in the Basic laws of States. It is concluded that in democratic countries the right to appeal is aimed at citizens' participation in the management of state Affairs, the realization and protection of human rights and freedoms, and in countries with a totalitarian regime, an absolute monarchy — improvement of the work of public authorities, the suppression of abuses of their powers, but with the ideology or religion.*

***Keywords:** right to appeal, citizens appeals, appeal, political regime, monarchy, democracy, totalitarianism, authorities.*

Право на обращение в органы государственной власти традиционно рассматривается в юриспруденции как институт прямой демократии, позволяющий гражданам своей страны участвовать в управлении делами государства и осуществлять его обратную связь с гражданским обществом, и как субъективное право человека. В настоящее время оно закреплено в конституциях большинства стран, однако его содержание зависит от формы правления и политического режима, установленного в каждом конкретном государстве. Следует согласиться с авторами, которые

указывают на наличие мотива и цели субъективного права на обращение, поскольку волеизъявление лица как любая иная сознательная деятельность мотивирована на достижение определенного результата. При этом мотив обращения определяет варианты поведения лица на основании его потребностей, а цель является идеализированным представлением лица о результате, который он стремится достичь посредством обращения [1, с. 46]. Эти понятия взаимосвязаны, однако содержание права на обращение зависит от целей не только субъекта обращения, но и общественных и государственных целей, закрепленных в Основных законах государств, что можно проследить на примерах некоторых стран.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплено право на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления в ст. 33. Данное конституционное право в качестве политического принадлежит только гражданам страны, но Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] расширил круг субъектов, имеющих право на обращение в органы государственной власти, причислив к ним иностранцев и лиц без гражданства. Это оправданно в том случае, когда они обращаются за защитой своих нарушенных прав.

В Законе закреплены такие виды обращений, как предложение, заявление и жалоба. Исходя из их определений, можно прийти к выводу, что целью предложений является совершенствование законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, улучшение социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. Заявление может иметь несколько целей. Во-первых, оно, как и предложение, направлено на улучшение деятельности органов государственной власти, поскольку позволяет гражданам обращаться с их критикой. Во-вторых, оно способствует пресечению правонарушений, выражающихся в нарушении законов и других нормативных актов. В-третьих, его целью может быть надлежащая реализация прав и свобод человека. Представляется, что предложения и заявления в первых двух случаях в наибольшей степени способствуют развитию института прямой демократии. Они позволяют российским гражданам влиять на политические процессы в стране, контролировать государственную власть. Возможность обращаться с предложениями и заявлениями в органы государственной власти с указанными выше целями характеризует государство как демократическое и правовое. Законом установлены гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением, выражающиеся в недопустимости его преследования, а также разглашения сведений, содержащихся в обращении и касающихся частной жизни гражданина, без его согласия.

Цель жалобы — восстановление и защита нарушенных прав и свобод человека. Это согласуется со ст. 2 Конституции России, где закреплено, что обязанность государства не только признание и обеспечение прав и свобод человека, но и их защита.

Таким образом, право на обращение, содержащееся в российском законодательстве, соответствует демократическому и правовому государству, которым Россия провозгласила себя в ст. 1 Конституции.

Аналогичные нормы содержатся в законодательстве многих европейских государств. Например, в ст. 17 Конституции ФРГ [3, с. 157] закреплено право на обращения в органы государственной власти в письменной форме, а в ст. 45-с говорится о том, что Бундестаг назначает комитет по петициям, который должен рассматривать просьбы и жалобы. Порядок их рассмотрения регулируется Законом. В ФРГ правом на петицию обладают только граждане, а правом на обращение каждый человек, независимо от гражданства.

В Декларации прав и свобод человека 1789 г. Французской Республики не содержится конкретного права на обращение в органы государственной власти. Однако оно прямо проистекает из ст. 6, где закреплено право каждого принимать участие лично или через своих представителей в создании закона. Статья 11 провозглашает свободное сообщение другим мыслей и мнений как одно из драгоценнейших прав человека, а ст. 15 гласит: «Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления» [3, с. 124].

В демократических странах Запада, как и в России, право на обращение имеет целью участие граждан в управлении делами государства, реализацию и защиту прав и свобод человека.

В тоталитарных странах цель обращений в органы государственной власти во многом отличается от таковых в странах с демократическим политическим режимом.

Так, в ст. 41 Конституции Китайской Народной Республики [4, с. 210] закреплено, что граждане страны имеют право на критику и внесение предложений в отношении деятельности любого государственного органа или официального лица. При этом они могут обращаться с жалобами, обвинениями или разоблачениями последних, если они нарушают закон или свои служебные обязанности. В этой же статье содержится запрет на выдвижение ложного обвинения и клеветы, а также замалчивание фактов, содержащихся в обращении, и преследование граждан за них. В обязанности компетентных органов входит ответственный разбор таких обращений. На первый взгляд данные положения вполне соответствуют характеру демократического государства. Однако данная статья должна рассматриваться в связи с другими принципами построения китайского государства и общества. В преамбуле Конституции КНР отмечено, что все народы Китая продолжают движение по дороге народно-демократической диктатуры и социализма под руководством Коммунистической партии и следуют идеям марксизма-ленинизма и учения Мао Цзэдуна. В ст. 1 говорится о том, что ни одна организация или частное лицо не имеют право подрывать социалистическое государство. Следовательно, право на обращение, независимо от его вида и мотива, может быть реализовано с одной фундаментальной целью — укрепление социалистических основ, претворение в жизнь идеологии тоталитарного государства. Кроме того, в данной статье Конституции КНР не говорится об обращениях граждан в органы государственной власти в связи с нарушением их прав и свобод, что нарушает принцип правового государства. Таким образом, в странах с тоталитарным политическим режимом обращения граждан в органы

государственной власти также подчинены утверждению господствующей идеологии и нацелены на контроль со стороны общества за деятельностью органов государственной власти в ее пределах.

Страны с абсолютной монархией в отношении реализации политических прав и свобод человека имеют свою специфику. Например, в Конституции Королевства Бахрейн от 2002 г. [5, с. 17] в ст. 29 под названием «Петиции» изучаемое право закреплено за каждым человеком, однако обращение он может подать только в письменной форме. Групповые обращения к властям могут осуществляться лицами, установленными законом или корпоративными организациями. Статья 2 Конституции закрепляет государственную религию ислам и шариат в качестве основы законодательства Королевства. Кроме того, основные положения относительно государственного и общественного устройства, прав и свобод человека содержатся в Национальной Хартии государства Бахрейн [6]. В ней одним из принципов государственного устройства названо право граждан на участие в управлении делами государства и общества. Кроме того, в ней содержится положение о непосредственном контакте правителя и народа в форме совещаний. Однако в ст. 23 и 24 Конституции страны право на свободу мысли и слова, свобода прессы ограничиваются исламской доктриной. Они также не могут создавать угрозу единству народа, провоцировать разногласия в обществе или сектантство. Несмотря на то, что в Конституции закреплен принцип разделения властей, в ней же указано, что король участвует в формировании и деятельности всех трех ветвей власти. В законодательстве Королевства Бахрейн нет подробного закрепления порядка подачи и рассмотрения обращений граждан государства к королю и в органы государственной власти. Однако анализ Конституции и Национальной Хартии показал, что петиции должны отвечать основным положениям исламской религии и не могут выходить за ее рамки. Король может единолично рассматривать и принимать решения по ним, основываясь на личном мнении. Целью обращений в государстве с абсолютной монархией является укрепление исламской веры в стране, построение государства и общества в рамках шариата, предупреждение их нарушений, обеспечение благополучия, прав и свобод граждан, также в рамках государственной религии.

Таким образом, содержание права на обращение в органы государственной власти зависит от политического режима государства. В зависимости от этого разнятся и цели его осуществления. В демократических странах — это институты прямой демократии, позволяющие гражданам участвовать в принятии важнейших политических решений, а кроме того, один из способов защиты прав и свобод человека. В странах с тоталитарным режимом право на обращение может быть реализовано только в рамках государственной идеологии и направлено на ее поддержание. В исламских государствах с абсолютной монархией изучаемое право служит взаимосвязи монарха, органов государственной власти и народа в рамках государственной религии и единоличного принятия решений по ним монархом. И в тоталитарном, и в монархическом государстве целью обращений является улучшение работы органов государственной власти, пресечение злоупотреблений ими своими полномочиями, но с учетом идеологии или религии.

Список литературы:

1. Савоськин, А.В. Конституционное право граждан на обращение: к вопросу о содержании субъективной стороны волеизъявления / А.В. Савоськин, В.А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2015. — № 3. — С. 46.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в ред. от 27 ноября 2017 г.) // СЗ РФ. — 2006. — № 19, ст. 2060; — 2017. — № 49, ст. 7327.
3. Маклаков, В.В. Конституции зарубежных государств: учебное пособие / В.В. Маклаков. — М.: БЕК, 1997. — 584 с.
4. Конституции государств Азии: в 3 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Норма, 2010. — Т. 3: Дальний Восток. — 1040 с.
5. Конституции государств Азии: в 3 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Норма, 2010. — Т. 1: Западная Азия. — 1024 с.
6. Базовый портал «Российский правовой портал: Библиотека Пашкова». — URL: <http://constitutions.ru/?p=2803> (дата обращения: 14.03.2018).

М.В. Койлова,*аспирант кафедры административного
и финансового права Юридического
института СКФУ***M.V. Koilova,***Post-graduate student of administrative
and financial law Institute of law of NCFU
mary.kojlova@yandex.ru***Механизм налогового стимулирования через
призму принципа справедливости**

Аннотация: в статье подчеркивается комплексный характер понятия справедливости в налоговом праве, указывается на наметившуюся в последние годы актуализацию проблемы сущности налоговых льгот и иных мер стимулирующего характера, а также их соответствия идее справедливости. Делается вывод о том, что налоговые льготы выступают фактором содержательного обогащения принципа справедливости и являются неотъемлемым качеством по-настоящему справедливой системы налогообложения. Отмечается необходимость разграничения категорий дифференциации и дискриминации при анализе правовой природы налоговых льгот.

Автором был выявлен ряд недочетов системы налогового стимулирования, в частности, их недостаточная адресность, сделан вывод о необходимости более вдумчивого и обстоятельного подхода законодателя в целях соблюдения баланса между частными и публичными интересами.

Ключевые слова: принцип справедливости, льготы, налоговые вычеты, равенство, всеобщность, учет способности к уплате налога, соразмерность.

**The mechanism of tax incentives through the prism
of the principle of justice**

Abstract: the article emphasizes the complex nature of the concept of justice in tax law and points to the emerging in recent years, the actualization of the problem of the essence of tax benefits and other measures of a stimulating nature, as well as their compliance with the idea of justice.

It is concluded that tax benefits are a factor of substantial enrichment of the principle of justice and are an integral quality of a truly fair tax system. The necessity of differentiation of categories of differentiation and discrimination in the analysis of the legal nature of tax benefits is noted.

The author has identified some shortcomings of the tax incentive system, in particular, their insufficient targeting, and concluded that a more thoughtful and detailed approach of the legislator in order to maintain a balance between private and public interests is necessary.

Keywords: *principle of justice, benefits, tax deductions, equality, universality, accounting for the ability to pay tax, proportionality.*

Оценка налогообложения часто производится в контексте справедливости, однако, очевидно, что содержательная наполненность данного понятия обусловлена мировоззрением использующих его субъектов и целями применения. При данных обстоятельствах категория справедливости вряд ли может трактоваться в качестве объективного мерилa эффективности существующей системы налогообложения, тем не менее, многие ученые признают фундаментальность данного принципа в процессе установления, введения и взимания налогов и сборов. Стоит привести точку зрения выдающегося представителя финансово-правовой школы прошлого века А.А. Исаева, который полагал, что концепция справедливости в политике налогов вбирает в себя ответы на два вопроса: 1) кто должен платить налоги и 2) как достичь уравнительности при распределении налогов между налогоплательщиками [1, с. 145].

Следует отметить, что в доктрине налогового права на сегодняшний день наблюдается тенденция акцентирования внимания не на началах абсолютной всеобщности и равенства, а скорее, на моменте соразмерности налогообложения и платежеспособности налогоплательщика, что находит свое выражение, в частности, в концепциях пропорционального и прогрессивного налогообложения, необлагаемого минимума, равномерного распределения налогового бремени и пр. [2, с. 96].

Налогообложение по своей сущности всегда связано с определенными имущественными ограничениями, в силу чего для отдельных категорий налогоплательщиков предусматривается установление дифференцированных налоговых ставок и льгот, а также иных мер налогового стимулирования. Как следствие, подлежащая уплате сумма налога для них будет меньшей по сравнению с другими налогоплательщиками. Фактически возникает ситуация несоответствия между взимаемой суммой налога и полученным доходом, что, на первый взгляд, вступает в противоречие с базовой идеей принципа справедливости. Однако хотелось бы осветить проблему с несколько иного ракурса — может ли считаться справедливой система налогообложения с равной суммой налога для лиц, даже с аналогичным уровнем доходов, но с несопоставимыми социально-экономическими условиями?

Именно налоговые льготы способны содействовать государству — исключительно при помощи налоговых льгот государство может учесть состояние здоровья налогоплательщика, его дееспособность, численный состав семьи, понесенные им дополнительные затраты на ремонт жилья и иные значимые обстоятельства [3]. Налоговые льготы следует признать не только не противоречащими принципу справедливости, но фактором его содержательного обогащения, неотъемлемым качеством по-настоящему справедливой системы налогообложения.

Через призму принципа справедливости важна норма о недопустимости индивидуального характера законодательных норм о налогах и сборах, определяющих основания, порядок и условия применения льгот по налогам и сборам, что, по верному замечанию А.В. Малько, нацелено на минимизацию любого корыстного усмотрения в данном процессе [4, с. 124].

Необходимо отметить сосуществование в сфере налогообложения ряда нетождественных категорий, таких как равенство, дифференциация, дискриминация. Равенство выступает базовым принципом, благодаря которому обеспечивается всеобщность и эффективность в налогообложении. Дифференциация представляет собой особое исключение из принципа равенства, позволяющее учесть особые характеристики субъекта и их фактическую способность к уплате налога, выступая при этом залогом справедливости в налогообложении. Дискриминация, напротив, выступает полным антиподом справедливости и искажает сущностную природу налогов [5, с. 132].

Затрагивая вопрос учета платежеспособности лица в аспекте анализа предназначения налоговых льгот, следует отметить два базовых способа: учет по доходам и по расходам. Суть первого способа заключается в том, что с ростом дохода происходит параллельное увеличение подлежащих уплате налогов. Безусловно, налоговые льготы, вычеты и иные инструменты налогового стимулирования могут предусматривать некоторые обстоятельства, освобождающие лицо от обязанности уплаты налога, однако абстрагирование от учета расходов при подобном подходе вступает в противоречие с принципом равного налогового бремени. Лица, имеющие аналогичный уровень доходов, могут иметь абсолютно разные расходы.

Вполне вероятен исход, при котором один человек будет отдавать в государственную казну последние деньги из-за необходимости существенных затрат на приобретение лекарственных препаратов либо содержание детей, в то время как второй будет расходовать их на личные нужды, иметь возможность накапливать и преумножать свой капитал, что в корне противоречит началам справедливости.

Усугубляет ситуацию существующая плоская шкала, мнимую справедливость данной новеллы можно проиллюстрировать на простом примере: лицо с достатком в 10 тыс. рублей в месяц платит 1 300 руб. в качестве налогов, располагая на удовлетворение базовых потребностей 8 700 руб., гражданин с достатком 1 млн руб. отчисляет в казну 130 тыс. руб. в месяц, оставляя в своем распоряжении 870 тыс. руб. [6, с. 114]. Несложно понять, в чьих интересах действует современное налоговое законодательство и кто заинтересован в его «консервации» в неизменном виде.

Второй способ, напротив, акцентирует внимание на необходимости учета расходов лица, что часто имеет место по отношению к косвенным налогам. Несмотря на то, что формальными налогоплательщиками выступают организации, индивидуальные предприниматели и некоторые иные субъекты, осуществляющие преимущественно коммерческую деятельность, в рамках рассуждений о налоговой справедливости необходимо

признать реальными плательщиками таких налогов прежде всего граждан-потребителей. В данной ситуации крайне важен взвешенный подход законодателя к определению объекта налогообложения при одновременном учете им переложения налогов.

Из изложенного следует, что проблема реализации принципа справедливости выступает следствием ориентации многих налогов на сугубо экономические закономерности, при которых состоятельные люди приобретают дорогие вещи, а купленная для извлечения прибыли вещь обязательно в конечном итоге будет ее приносить. Однако следует учитывать то обстоятельство, что через призму юриспруденции экономические механизмы работают иначе, и, соответственно, принцип не будет выполняться [7, с. 302].

Поэтому, не оспаривая значимость налоговых льгот при достижении справедливости в налогообложении, важно отметить необходимость четкой законодательной регламентации правового механизма их предоставления, иное неизбежно повлечет негативные последствия в виде использования льгот в целях уклонения от уплаты налогов, коррупционных операций по поводу их предоставления, лоббирования узковедомственных интересов и, как следствие, несправедливости их предоставления в целом.

Следует указать, что на практике при преследовании цели достижения налоговой справедливости достаточно часто бюджетные потери государства в связи с использованием механизма налоговых льгот и освобождений не компенсируются создаваемыми этими льготами выгодами для общества. Данная ситуация во многом выступает следствием их недостаточной адресности — согласно статистическим данным, лишь четвертая часть всех льгот, в том числе налоговых, доходит до нуждающихся в них, что влечет усиление дифференциации граждан по доходам.

В то же время, согласно оценкам Министерства финансов Российской Федерации, упущенные доходы бюджета только за счет льготной ставки по НДС к 2020 году увеличатся до 614 млрд руб. Это требует более взвешенного и обстоятельного подхода законодателя — льготы должны носить избирательный характер, иметь строго целевое назначение и быть ограничены по времени использования [8, с. 95].

Проблема недостаточной адресности налоговых льгот как фактор, подрывающий справедливость их предоставления, может быть проанализирована также применительно к налоговым вычетам. Показательно, что самый крупный размер налоговых вычетов из облагаемого налогом дохода в настоящее время установлен по имущественному вычету в размере 2 млн рублей в связи с приобретением недвижимого имущества, а также по социальному вычету на произведенные налогоплательщиком расходы на лечение и обучение в размере 120 тыс. рублей. Вполне логично, что данные налоговые вычеты в основном ориентированы на наиболее обеспеченную часть населения страны, поскольку уровень доходов остальной части налогоплательщиков не позволяет им осуществлять расходы на указанные цели.

В то же время анализ размеров самых массовых налоговых вычетов позволяет сделать вывод о несущественности оказываемого ими влияния на имущественное положение малообеспеченных слоев населения, при этом лица с более значительным уровнем дохода также на законных основаниях могут претендовать на получение практически всего спектра предусмотренных законом вычетов, в связи с чем целесообразно установить адресный характер налоговых вычетов, предоставляя их исключительно лицам, нуждающимся в материальной поддержке государства [9, с. 37]. Представляется, что данный подход будет более согласован с концепцией справедливости в налогообложении.

Следует указать на то, что рассмотренная выше ситуация не единственная, где требуется четкая грань между дифференциацией и дискриминацией. Ю.Е. Курилюк по итогам анализа практики Конституционного Суда РФ отмечает также иные случаи, когда суд должен был определять данные понятия.

КС РФ четко дифференцирует социальную справедливость и неоправданные льготы. Иллюстративно в данном отношении Постановление от 2 декабря 2013 г. № 26-П по делу, где основной вопрос заключался в оценке обоснованности лишения пенсионеров права на налоговую льготу по транспортному налогу при мощности двигателей их автомобилей более 150 л.с. По справедливому замечанию КС РФ, данная льгота не обладает признаками дискриминации, скорее, имеется обоснованная дифференциация по объективному критерию мощности двигателя автомобиля, напрямую обуславливающим стоимостные характеристики автомобиля и расходы на его содержание.

Однако приходится констатировать непоследовательность Конституционного Суда в данном вопросе, в качестве примера можно привести отказ на проверку соответствия Конституции РФ нормы о налогообложении прожиточного минимума, аргументированный невозможностью нарушения льготами прав граждан. Не оспаривая данную логику, все же отметим парадоксальность сложившейся ситуации, когда прожиточный минимум определяется не просто как стоимостное выражение потребительской корзины, но также как сумма императивных платежей и сборов, которые впоследствии изымаются в бюджет. Считаем, что более соответствующим справедливости было бы исключение из налогообложения прожиточного минимума, как это имеет место в развитых правовых порядках (к примеру, в Германии).

Из изложенного следует, что при установлении налогов и предоставлении налоговых льгот, вычетов и иных мер стимулирующего характера важно соблюдение грани между обоснованной дифференциацией и дискриминацией [10, с. 247]. От решения данной задачи в значительной мере зависит восприятие налоговой системы как справедливой и отвечающей интересам всего общества.

Бесспорно, истоком правового государства выступает формальное равенство, однако недопустимо его доведение до абсурда, именно

справедливые налоговые льготы могут скорректировать его этические пороки.

Список литературы:

1. Исаев, А.А. Очерк теории и политики налогов / А.А. Исаев. — М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2014. — 451 с.
2. Кучеров, И.И. Справедливость налогообложения и ее составляющие (правовой аспект) // Финансовое право. — 2009. — № 4. — 98–104.
3. Демин, А.В. Право, справедливость, налогообложение: исходные предпосылки // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.04.2018).
4. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Юрист, 2004. — 512 с.
5. Копина, А.А. Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков // Налоги. — 2017. — № 22. — С. 132.
6. Куксин, И.Н. Принцип справедливости как критерий оценки современного налогового законодательства России / И.Н. Куксин, И.В. Чечельницкий, В.И. Липунов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — 2016. — С. 114–120.
7. Майбуров, И.А. Теория налогообложения. Продвинутый курс: учебник для магистрантов / И.А. Майбуров, А.М. Соколовская. — М.: Юнити-Дана, 2015. — 591 с.
8. Нестеренко, Ю.Н. Налоговые льготы: новые подходы к установлению // Экономический журнал. — 2017. № 5. — С. 95.
9. Суляева, Д.Д. Налоговые вычеты в системе элементов юридической конструкции налога // Финансовое право. 2012. — № 2. — С. 36–40.
10. Налоговое право : учебник для вузов / под ред. С.Г. Пепеляева. — М.: Альпина Паблишер, 2016. — 796 с.

А.В. Павлов,
*соискатель кафедры применения
соединений и частей специального
обеспечения Военной академии РВСН
имени Петра Великого*

A.V. Pavlov,
*Job seeker for a degree of candidate of
sciences Military academy Missile forces
strategic appointments
zigfrid71@mail.ru*

Противостояние Европы и США: между «мягкой силой» и «твердой слабостью»

Аннотация: актуальность статьи обусловлена нарастающими противоречиями между Соединенными Штатами Америки и Западной Европой. Цель статьи — проанализировать исторические и современные факты становления отношений между ведущими странами Западной Европы и Соединенными Штатами Америки, дать прогноз их дальнейшего развития. Цель была достигнута путем решения ряда задач, с использованием различных методов исследования: общенаучных (анализ, синтез, прогностический) и частнонаучного (сравнительно-исторический). Автором определены позиции Европы и Соединенных Штатов Америки по отношению друг к другу на различных временных промежутках, а также представлены мнения ведущих политиков по складывающейся обстановке, сделан прогноз о двух возможных вариантах развития событий, вводится наряду с «мягкой силой», понятие «твердой слабости» как наиболее вероятный исход ответных действий Европейского Союза на политику Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: Европейский Союз, международные институты, геополитика, взаимоотношения, санкции, пошлины.

The confrontation between Europe and the United States: between «soft power» and «solid weakness»

Abstract: the relevance of article due to increasing tensions between the United States and Western Europe. The purpose of the article is to analyse the historical and contemporary facts becoming relations between major countries in Western Europe and the United States of America, to give a forecast of their further development. This objective was achieved by addressing a number of tasks, using different methods of research: general (analysis, synthesis, forecasting) and special (comparative-historical). The author defines the positions of Europe and the United States of America in relation to each other at different time intervals, as well as the views of the leading politicians on the situation, made the forecast on two possible variants of development events and introduced, along with the «soft power», the concept of «solid weakness» as the most likely outcome of the response of the European Union on the policy of the United States of America.

Keywords: European Union, international institutions, geopolitics, relationships, sanctions, fees.

Главным экономическим партнером и наиболее важным политическим союзником США в последние несколько десятилетий является Европейский Союз (далее — ЕС). Как наиболее сильные экономики мира, США и ЕС оказывают основное влияние на развитие геополитики, мировой торговли и функционирование международных экономических и финансовых институтов. В сфере безопасности ЕС и США сталкиваются с общими вызовами и угрозами и не имеют сравнимых по значимости партнеров. Основы тесного сотрудничества между США и странами Западной Европы начали складываться в первые годы после окончания Второй мировой войны.

Самая чудовищная война за всю историю планеты практически разорила государства Европы, как победителей, так и побежденных. Последующий экономический кризис, утрата Европой роли лидера построения миропорядка создали благоприятные условия для возобновления идеи «единой Европы». В условиях, когда начиналась борьба между США и СССР за лидерство в международных отношениях и мировое господство, создание общеевропейских организаций и структур должно было компенсировать экономическое и политическое положение послевоенной Европы, позволить ей занять место третьей, независимой силы в международных отношениях.

Впервые о создании единой Европы в послевоенное время заговорил Уинстон Черчилль, ее базисом должен был стать союз и восстановление дружественных отношений между Францией и Германией. Под воздействием его выступления в конце 40-х гг. прошлого века в странах Западной Европы возникли общественные организации в поддержку данной идеи [1, с. 10]. К этому времени по инициативе США был создан ряд международных экономических институтов, прежде всего таких, как Международный Валютный Фонд и Международный Банк Реконструкции и Развития, задачами которых стали оказание помощи государствам в борьбе с внешнеторговым дефицитом и предоставление кредитов на послевоенное восстановление [2, 3].

В развитии взаимоотношений США и Западной Европы исследователи выделяют несколько этапов [1, с. 4]. Вместе с тем в свете последних событий,

происходящих в мире, указанную периодизацию целесообразно расширить (см. табл. 1):

Этапы развития взаимоотношений между США и Западной Европой

№ этапа	Годы этапа	Характеристика этапа	Характеристика отношений США—Европы
1	Середина 1940-х — конец 1950-х гг.	Этап становления. Стабилизация политической обстановки в Европе и создание крупного рынка для американских товаров	Экономическое, политическое и военное превосходство США на фоне слабости западноевропейских стран и их зависимости от американской экономической и военной помощи
2	Начало 1960-х — 1980-е гг.	Этап развития. Политическое сотрудничество в рамках экономической конкуренции	Политические вызовы Европы с претензией на ведение независимой политики на фоне отставания США своих экономических интересов в регионе
3	Начало 1990-х гг. — середина 2010-х годов	Этап расцвета. Создание ЕС и его стремление играть более активную роль в мировой политике и экономике	Признание США экономической роли Европы в мире на фоне заинтересованности в стабильном развитии ЕС
4	Середина 2010-х — по настоящее время	Этап затухания. Санкционная политика на фоне реализации предвыборных обещаний Президента США	Игнорирование со стороны США совместных с Европой международных обязательств и экономических интересов стран Западной Европы

Итогом первого этапа можно считать создание военно-политического союза между США и западноевропейскими странами — Организации Североатлантического договора (далее — НАТО).

Попытки в ходе второго этапа создать новую модель трансатлантических отношений взамен модели, основанной на американском превосходстве, не увенчались успехом, т.к. США не желали отказываться от роли лидера, а процесс европейской интеграции оставался незавершенным.

В ходе третьего этапа в дополнение к НАТО и двусторонним контактам США с отдельными европейскими странами были созданы специальные институты взаимодействия между США и ЕС, направленных как на политическую, так и на экономическую евроатлантическую безопасность.

Ход четвертого этапа показывает, что США на фоне военного и политического превосходства над европейскими государствами стремится

вернуть себе безусловное экономическое лидерство в мире, которым они обладали в поствоенное время.

Проведенный анализ показал, что после восстановления европейских государств от последствий Второй мировой войны США перешли в отношении с ними к политике, названной впоследствии «мягкой силой», т.е. способности добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек [4]. Вместе с тем последние события показывают, что от «мягкой силы» в отношениях с Европой США переходят к политике «умной силы», которая характеризуется способностью сочетать жесткую (силовое или экономическое принуждение) и «мягкую силу» для формирования выигрышной стратегии [5].

Таким образом, в целом позиция США по отношению к европейским государствам понятна и однозначна и отражает в настоящее время те подходы, которые применял и применяет в своих действиях президент США Дональд Трамп: «Я совершаю сделки очень просто. Мой стиль — прямота. Я всегда ставлю перед собой большие цели, а затем действую решительно. Налегаю и налегаю до тех пор, пока не получаю того, что хочу. Иногда мне достается меньше, чем я хотел бы, но в большинстве случаев я добиваюсь желаемого» [6, с. 35]. В 2002 г. США уже применяли пошлины на сталь, однако менее чем через год Всемирная Торговая Организация признала их нелегитимными, а ЕС пригрозил введением ответных мер, после чего ограничения были сняты [7]. Сейчас назрел главный вопрос: сможет ли Европа противостоять диктату западного партнера или подчинится ему безоговорочно?

Можно спрогнозировать два варианта действия ЕС. Первый — развязывание трансатлантического конфликта, который станет не обычным раздором союзников, а определит вектор геополитического и макроэкономического развития Европы на последующие годы. Однако произойдет это только в том случае, если ЕС предстанет перед западным партнером именно союзом, а не разобщенным и послушным подчиненным, судьбу которого решают США. Второй — все ограничится громкими и жесткими заявлениями, т.к. американское влияние в различных европейских странах настолько велико, что у ЕС не получится достичь договоренности относительно контрмер в отношении США.

В первом случае экономические разногласия, как основная причина конфликта, несомненно, перерастут в политические. При этом в отношении руководства стран ЕС может быть применены разнообразные методы политического воздействия, от влияния до манипулирования, направленные на формирование у населения этих государств массового осознания ошибочности действий их руководителей с целью смены правящих партий на более лояльные к США [8]. Опыт проведения подобных акций у американской администрации достаточно большой и продуктивный, а последствия — катастрофичны как для руководства стран, подвергшихся этим акциям, так и их населения [9]. Вместе с тем нужно учесть, что ЕС будет очень трудно объединенно противостоять США, т.к. в Европе достаточно стран (особенно из числа государств — бывших республик СССР и образованных из распавшейся Югославии), которые

считают Вашингтон основным партнером [10]. Насколько продуктивными и долгими будут контрсанкции Европы против США (и будут ли они?) можно будет оценить в ближайшем будущем.

Второй вариант представляется наиболее вероятным. После начала политического кризиса на Украине США снова стали доминировать в Европе, укрепляя в ней образ «российской угрозы», хотя российское противодействие в первую очередь ударило по европейцам, а не по американцам. Прошел почти год после того, как руководители отдельных европейских государств заявляли, что поставки энергии в ЕС — дело Евросоюза, а не Соединенных Штатов. В то же время глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер отметил, что важность американских интересов не означает, что интересы ЕС должны быть на последнем месте [10]. Но, как показали дальнейшие события, слова так и остались словами.

Сейчас, после выхода США из договора с Ираном, Парижского соглашения по климату и введения пошлин на поставки металла, европейские лидеры вновь приступили к демонстрации своей решительности по отношению к администрации США. В феврале 2018 г. посол ЕС в США Дэвид О'Салливан выступил с жесткой критикой действий президента Трампа, обвинив США в торговле принципами и пообещав, что ЕС будет саботировать попытки США ввести новые международные санкции против Ирана [11]. В мае 2018 г. председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил, что ЕС не будет равнодушно смотреть, как промышленность и рабочие места Европы ставятся под угрозу, и готовит ввозные пошлины на ряд американских продуктов (мотоциклы, бурбон, джинсы) [12].

Поучительным примером в отношении США для Европы может служить Китай. В ответ на заявления США о введении повышенных пошлин на китайские товары в КНР сначала анонсировали ответные меры, но затем уступили. В мае Китай предложил расширить экспорт американской продукции. Правда, США это не впечатлило, 29 мая Белый дом сообщил, что 25-процентные пошлины все же будут введены на 50 млрд долларов [13]. В средствах массовой информации западных стран звучат мнения о том, что разжигание торгово-экономического конфликта с США приведет к более опасным последствиям, чем введение пошлин на отдельные виды продукции [14]. Страх большинства европейских компаний перед потерей сотрудничества с США больше, чем их вера в обещания защиты со стороны ЕС. Очень показательным при этом звучит фраза Жан-Клода Юнкера: «Всякий раз, когда я думаю о Трампе, я теряюсь» [15].

Исходя из изложенного, политику, которую проводит Европа в отношении США, по аналогии с политикой «мягкой силы» можно назвать «твердой слабостью». Для нее характерны громкие заявления лидеров государств, угрозы в применении ответных мер, которые делаются на площадках международных форумов, на страницах ведущих СМИ и при проведении встреч с коллегами, при осознании бесполезности таких действий или, в лучшем случае, получении минимальных выгод, выдаваемых за значительные победы в проводимой ими политике противостояния с США.

Если современная Европа действительно хочет показать себя самостоятельной и сильной, она должна официально закрепить окончание мероприятий по обеспечению безопасности со стороны Америки, взять свою судьбу в собственные руки, утвердить свой торговый, налоговый и информационный суверенитеты перед лицом заокеанских санкций. Ей необходимо активно реинвестировать в свою безопасность, которая яснее, чем когда-либо, вырисовывается в качестве первого условия ее свободы и независимости.

Список литературы:

1. Лекаренко, О.Г. США и единая Европа: этапы отношений: учеб.-метод. пособие. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2018. — 112 с.
 2. Международный Валютный Фонд // Информационная справка. — URL: <http://www.imf.org/external/np/exr/facts/rus/glancer.pdf> (дата обращения: 04.06.2018).
 3. Международный Банк Реконструкции и Развития. Кто мы? — URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/who-weare/ibrd> (дата обращения: 04.06.2018).
 4. Дж. Най: «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal. — URL: <http://www.smartpowerjournal.ru/soft-power> (дата обращения: 04.06.2018).
 5. Михневич, С.В. Фактор «умной силы» в процессах институализации международных отношений // Вестник международных организаций. — 2015. — Т. 4. — № 4. — С. 93–114.
 6. Трамп, Д. Искусство заключать сделки / Д. Трамп; пер. с англ. Н. Зарахович. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 304 с.
 7. Слабодян, А. Европа ответит на пошлины США. — URL: <http://wek.ru/poshliny-erezekli-atlantiku> (дата обращения: 05.06.2018).
 8. Технология власти. Философско-политический анализ : монография / под ред. Р.И.Соколова. — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4525> (дата обращения: 05.06.2018).
 9. Гундарова, Л.В. Цветы революции растут на парламентских выборах. — URL: http://nvo.ng.concepts/2016-04-22/1_flowers.html (дата обращения: 05.06.2018).
 10. Пятринис, А. Америка против Европы: почему Литва на стороне США? — URL: <https://ru.sputniknews.lt/columnists/20170804/3604615/amerika-protiv-evropy-rochemu-litva-na-storone-ssha.html> (дата обращения: 03.06.2018).
 11. Данилов, И. Альянсу конец: Европа и Россия впервые вместе выступили против США. URL: <https://ria.ru/analytics/20180228/1515419352.html> (дата обращения: 03.06.2018).
 12. США получают ответные санкции от соседних стран. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/01-06-2018/1385324-usa-0/> (дата обращения: 03.06.2018).
 13. Гайва, Е. Стальные нервы. США поставили Евросоюз перед выбором: торговая война либо уступки. — URL: <https://rg.ru/2018/05/31/ssha-zastavili-es-vybirat-mezhdu-otvetnymi-sankciiami-ili-ustupkami.html> (дата обращения: 03.06.2018).
 14. Хофер, Г. Европа должна сделать сегодня то, что у нее получается лучше всего: ждать. URL: <https://www.inopressa.ru/article/01Jun2018/diepresse/eu.html> (дата обращения: 03.06.2018).
 15. Эдсон, Р. Тарифы могут подтолкнуть Европу к России. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20180603/242383734.html> (дата обращения: 03.06.2018).
-

Д.С. Тюляков,
аспирант очной формы обучения
Саратовской государственной
юридической академии

D.S. Tulyakov,
Post-graduate student of the Saratov state
law Academy

Средства защиты от рисков в процессуальном праве

***Аннотация:** в статье обосновывается актуальность общетеоретического исследования вопросов механизма защиты от рисков в процессуальном праве. Отмечается необходимость пересмотра понятия риска в отношении процессуально-правового регулирования. Отстаивается позиция, согласно которой проблема риска в процессуальном праве весьма тесно связана с обеспечительными процессуально-правовыми средствами. В числе важнейших из них указываются приостановление действия правового акта и признание их недействительными. Обосновывается, что риск в механизме процессуально-правового регулирования выполняет функции по установлению юридически значимого невинного поведения субъектов права в целях минимизации посредством защитного инструментария его негативных последствий. Делается вывод о необходимости учета в теории государства и права современной тенденции по дальнейшей дифференциации средств защиты от рисков в процессуальном праве.*

***Ключевые слова:** механизм защиты права, риск в праве, процессуальное право, способы и средства защиты в процессуальном праве.*

Protection from the risks in procedural law

***Abstract:** the article substantiates the relevance of the General theoretical study of the mechanism of protection against risks in procedural law. The need to revise the concept of risk in relation to procedural and legal regulation is noted. It is argued that the problem of risk in procedural law is very closely related to security procedural remedies. Among the most important of them are the suspension of the legal act and their recognition as invalid. It is proved that the risk in the mechanism of procedural and legal regulation performs the functions of establishing legally significant innocent behavior of subjects of law in order to minimize its negative consequences by means of protective tools. It is concluded that it is necessary to take into account in the theory of state and law the current trend of further differentiation of remedies against risks in procedural law.*

***Keywords:** legal protection mechanism, risk in law, procedural law, ways and means of protection in procedural law.*

В теории права практически не изучены вопросы специфики механизма защиты права от невинного нарушения его норм на началах риска, его структуры и выполняемых им функций. В целом проблеме защиты права от разнообразных его нарушений в трудах теоретиков права уделяется недостаточное внимание, поскольку в них преимущественно освещаются вопросы юридической ответственности. До сих пор в науке теории государства и права отсутствует единообразное понимание соотношения мер защиты и ответственности в праве. Думается, что разрешению обозначенных проблем во многом будет способствовать теоретическое рассмотрение в диалектической взаимосвязи защиты права и юридической конструкции риска.

Определенные особенности присущи средствам защиты от рисков в российском процессуальном праве. Сущность и функциональную природу конструкции риска в механизме защиты процессуального права весьма точно характеризует А.В. Юдин: «Риск не может быть упразднен на основе властной резолюции законодателя; указание закона на риск — это отражение объективных закономерностей, присущих процессу. "Отмена" риска будет

означать не его устранение, а просто перераспределение иным образом между субъектами процесса. Риск нарушения прав одного субъекта трансформируется в риск нарушения прав другого лица. Таким образом, позитивная роль риска в том, что с его помощью обеспечивается справедливый баланс интересов участников процесса» [1, с. 13].

В целом в юридической литературе отмечается в качестве доминирующего средства предотвращения рисков в процессуальном праве разъяснение судом юридических последствий совершения или несовершения определенных процессуальных действий участникам процесса. Еще одним инструментом минимизации процессуальных рисков признается отказ, т.е. предусмотренная законом возможность отказаться от ошибочно совершенного процессуального действия в целях недопущения негативных последствий. В одном из актов официального толкования Высшего Арбитражного Суда РФ было дано разъяснение, согласно которому у лица имеется право отказаться от сделанного им ранее признания тех или иных обстоятельств дела до момента окончания председательствующим в арбитражном суде первой инстанции окончательным рассмотрением дела по существу [2, с. 146].

На наш взгляд, проблема риска в процессуальном праве весьма тесно связана с обеспечительными процессуально-правовыми средствами. В числе важнейших из них можно назвать приостановление действия правового акта. В свою очередь, полагаем правомерным включать инструменты обеспечения иска, заявленного требования в качестве составной части системы защиты права от рисков. Таким образом, риск в механизме процессуально-правового регулирования выполняет функции по установлению юридически значимого невинного поведения субъектов права в целях минимизации посредством защитного инструментария его негативных последствий.

С принятием Кодекса административного судопроизводства РФ в юридической литературе стала активно дискутироваться проблема мер предварительной защиты в административном судопроизводстве. При этом в ряде трудов отечественных правоведов отмеченные правовые средства также соотносятся с конструкцией правового риска. Например, М.Ю. Старилов следующим образом рассматривает данную связь: «Лицо, заявляющее административный иск, может своими активными действиями по предварительной защите свести к минимуму риск негативного влияния оспариваемого неправомерного акта (решения, действия, бездействия) органа публичной власти на его права и законные интересы в течение всего времени, пока длится судебный процесс. Меры предварительной защиты по административному иску применяются судом по заявлению истца и содержат запреты, ограничивающие определенные действия органов публичной власти или исполнение принятых ими актов, либо предписания, обязывающие их совершить определенные действия или принять конкретное решение» [3, с. 54–55].

Предварительная защита выступает своеобразной гарантией восстановления нарушенного материального права лица, позволяя одновременно нивелировать риск превращения в фикцию такого материального права в результате продолжения действия оспоренного административного акта. Другими словами, средства предварительной защиты являются инструментом

страхования от риска непоправимых вредных последствий незаконного правового акта, которые создают риск затруднения или невозможности полноценного восстановления нарушенных прав данным актом и ставят под угрозу само будущее исполнение судебного решения.

В рамках административного судопроизводства наиболее часто применяются следующие средства предварительной защиты: приостановление исполнительного производства; приостановление действия постановления об ограничении права; приостановление действия решения о не разрешении въезда на территорию страны; приостановление действия иных решений органов государственной власти, оспариваемых административным истцом. В целом, законодательные новеллы в области административного судопроизводства оцениваются весьма положительно, что говорит об определенной степени эффективности мер предварительной защиты по противодействию процессуальным рискам.

С позиции общей теории права полагаем возможным сделать обобщение, согласно которому меры предварительной защиты используются в целях минимизации риска возможных негативных последствий невинного нарушения процессуальных норм. При этом одними из ведущих мер такой защиты выступают санкция приостановления и санкция недействительности (отмены) в процессуальном праве, которые функционально призваны обеспечить должную работу механизма процессуально-правового регулирования.

Список литературы:

1. Юдин, А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. — 2014. — № 5. — С. 11–13.
2. Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : информационное письмо ВАС РФ от 22 декабря 2005 г. № 99 // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 3. — С. 145–150.
3. Стариков, М.Ю. Актуальные проблемы судебной практики применения мер предварительной защиты по отдельным категориям административных дел (на примере Воронежской области) // Журнал административного судопроизводства. Научно-практическое издание. — 2018. — № 1. — С. 54–60.

М.А. Землянская,
*аспирант кафедры финансового,
банковского и таможенного права
Саратовской государственной
юридической академии*

M.A. Zemlyanskaya,
*Post-graduate student of the Department
of financial, banking and customs law of
Saratov state law Academy
MA-Zemlyanskaya@mail.ru*

143

**Финансово-правовые основы
капитального ремонта**

Аннотация: в статье содержится анализ понятия «фонд капитального ремонта» с позиции науки финансового права, уясняется финансово-правовая природа взносов на капитальный ремонт, дается характеристика иных доходов и расходов фондов капитального ремонта. Аргументируется вывод о необходимости закрепления в законодательстве мер ответственности за нарушения правил формирования и использования фондов капитального ремонта.

Ключевые слова: фонд капитального ремонта, взносы на капитальный ремонт, региональный оператор, доходы и расходы капитального ремонта, финансовый контроль.

Financial-legal basis of capital repairs

Abstract: the article contains an analysis of the concept of “capital repair Fund” from the perspective of the science of financial law, explains the financial and legal nature of contributions for major repairs, characterizes other income and expenses of capital repair funds. The conclusion about necessity of fixing in the legislation of measures of responsibility for violations of rules of formation and use of capital repair funds is argued.

Keywords: capital repair Fund, contributions for the overhaul, regional operator, the revenues and expenditures of capital repair, and financial control.

Большинство потребностей российского общества финансово обеспечиваются за счет средств государственной или муниципальной казны. Не является исключением и такая функция государства, как жилищно-коммунальное хозяйство, частью которой выступает ремонт жилого фонда. Однако финансовые ресурсы публично-правовых образований не бесконечны, что за последние несколько лет становится особенно очевидно и вызвано внешними и внутренними экономическими и политическими проблемами. Сложности, связанные с недостаточностью бюджетных средств и увеличением дефицита бюджетов, повлекли необходимость возложения ответственности по обеспечению отдельных потребностей населения страны на само общество.

Для Российской Федерации практика делегирования публичных функций государства и полномочий, соответствующих этим функциям, не нова. Так, например, создаются государственные корпорации, негосударственные пенсионные фонды, публично-правовые компании и другие субъекты, являющиеся формой участия организаций и граждан в финансовом обеспечении тех или иных сфер общества. Указанные лица формируют финансовые ресурсы и расходуют их на специальные цели, обусловленные теми или иными общественными потребностями.

Важным направлением функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства, связанным с обеспечением безопасного и достойного проживания граждан, выступает капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах. Денежные средства, предназначенные для обеспечения капитального ремонта, аккумулируются в специально созданных фондах, не формирующих казну публично-правового образования, но имеющих публичное значение.

Следует отметить, что сама обязанность осуществления капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах за счет средств фондов капитального ремонта закреплена не в актах финансового законодательства, а в Жилищном кодексе РФ (далее — ЖК РФ), дополненном в 2012 г. разделом IX, регулирующим организацию проведения капитального ремонта в многоквартирных домах. Вместе с тем часть правоположений названного нормативного правового акта, закрепляющих публичный характер обязанности собственников жилья по формированию и использованию фондов капитального ремонта, указывает на финансово-правовую сущность общественных отношений, возникающих в рассматриваемой области.

Основная часть средств фонда капитального ремонта состоит из взносов собственников жилья, правовое регулирование которых осуществляется разноуровневыми актами. Взносы на капитальный ремонт устанавливаются прежде всего актами федерального уровня, в частности, ЖК РФ. В соответствии со ст. 169 ЖК РФ собственники помещений в многоквартирном доме обязаны уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома. Названный акт закрепляет, куда направляются и как используются средства, аккумулированные за счет их уплаты, но относит решение отдельных вопросов к полномочиям нижестоящих публично-правовых образований, а также собственников, чье участие в определении правил уплаты взносов и направлений их использования указывает на такую существенную черту взносов на капитальный ремонт, как соединение публично-правовых и частноправовых начал их правового регулирования.

Взносы, уплачиваемые собственниками помещений на капитальный ремонт, вне зависимости от способа формирования фонда капитального ремонта, носят обязательный характер, направлены на финансовое обеспечение реализации публичных потребностей в ремонте общего имущества в многоквартирных домах. На обязательный характер исследуемых платежей указал Конституционный Суд РФ, разъяснивший, что взносы на капитальный ремонт в силу своей публичной значимости в формально юридическом смысле относятся к обязательным платежам и взимаются в целях финансового обеспечения организации и проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах для поддержания их в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям [1]. Сказанное свидетельствует и о таком признаке взносов на капитальный ремонт, как целевой характер их использования.

Следует отметить, что расходование средств фонда капитального ремонта на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах отвечает интересам не конкретного собственника помещения в таких домах, а нацелено на обеспечение безопасного пользования жилым домом всеми его собственниками и, осмелимся предположить, неограниченным кругом посетителей домов. Из этого следует, что уплата взноса на капитальный ремонт не влечет индивидуального встречного возмещения понесенных затрат в виде проведения ремонтных работ. Следовательно, уместно выделить такой признак взноса на капитальный ремонт, как общественная возмездность, характерный и для налога, применительно к последнему свидетельствующий о том, что лицо, уплатившее налог, не вправе рассчитывать на встречное персональное удовлетворение со стороны государства [2, с. 6].

Взносы на капитальный ремонт носят регулярный характер и в соответствии с ч. 1 ст. 169 ЖК РФ уплачиваются собственниками многоквартирных домов ежемесячно. В связи с этим можно выделить такой признак взносов на капитальный ремонт, как их периодичность.

Взносы на капитальный ремонт являются финансово-правовым понятием и представляют собой установленные нормативными правовыми актами разных уровней, обязательные, общественно возмездные, ежемесячные платежи собственников помещений многоквартирных домов, уплачиваемые ими в

фонд капитального ремонта с целью финансового обеспечения проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Доходы фонда капитального ремонта не ограничиваются взносами, уплачиваемыми собственниками помещений. Собственники помещений в многоквартирном доме могут принять решение о передаче в пользование третьим лицам объектов общего имущества в многоквартирном доме, а полученные денежные средства могут пополнить фонд капитального ремонта. Согласно ЖК РФ средства товарищества собственников жилья, жилищного кооператива, в том числе доходы от хозяйственной деятельности товарищества собственников жилья, по решению собрания собственником помещений в многоквартирном доме могут являться доходом фонда капитального ремонта.

Существенной частью доходов фонда капитального ремонта являются пени, поступающие в фонд в результате неуплаты собственниками помещений взносов на капитальный ремонт в установленный срок, а также проценты, начисленные за пользование денежными средствами, расположенными на специальном счете либо счете регионального оператора, на которых формируются фонды капитального ремонта, а также доходы, полученные в результате размещения средств фонда капитального ремонта.

Кроме того, при проведении капитального ремонта собственниками помещений может быть принято решение о необходимости привлечения для его осуществления кредитных либо заемных денежных средств, которые также образуют фонд капитального ремонта.

Несмотря на возложение бремени по осуществлению капитального ремонта в многоквартирных домах на собственников помещений, государство не остается в стороне и осуществляет меры государственной поддержки. В соответствии со ст. 191 ЖК РФ финансирование услуг и работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирных домах может осуществляться с применением мер финансовой поддержки, предоставляемой товариществам собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным кооперативам, созданным в соответствии с ЖК РФ, управляющим организациям, региональным операторам за счет средств федерального бюджета, средств бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета в порядке и на условиях, которые предусмотрены соответственно федеральными законами, законами субъектов РФ, муниципальными правовыми актами.

Доходы фондов капитального ремонта формируются за счет следующих источников: взносы на капитальный ремонт, уплачиваемые собственниками помещений в многоквартирных домах; пени, поступающие в результате неуплаты собственниками помещений взносов на капитальный ремонт; проценты, начисленные за пользование денежными средствами, расположенными на специальном счете или счете регионального оператора; доходы, полученные в результате размещения средств фонда капитального ремонта; средства государственной и муниципальной поддержки.

Проведение капитального ремонта и оказание услуг по его осуществлению могут обеспечиваться государственной корпорацией «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», деятельность которой регулируется Федеральным законом от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде

содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» [3]. Стоит отметить, что все указанные функции Фонд осуществляет на безвозмездной основе. Однако выделяемые им в качестве финансовой поддержки денежные ресурсы не зачисляются в фонды капитального ремонта, но предоставляются субъектам РФ и муниципальным образованиям на безвозмездной и безвозвратной основах для проведения капитального ремонта многоквартирных домов.

Характеризуя финансово-правовую сущность фондов капитального ремонта в узком значении рассматриваемого понятия, следует указать на состав их расходов. Денежные средства, аккумулированные на счетах фондов капитального ремонта по правилам, установленным ЖК РФ, имеют целевую направленность и могут расходоваться исключительно на услуги и работы, непосредственно связанные с капитальным ремонтом. Прежде всего, это расходы на ремонт внутридомовых инженерных систем электро-, тепло-, газо-, водоснабжения, водоотведения; ремонт или замену лифтового оборудования, признанного непригодным для эксплуатации, ремонт лифтовых шахт, крыши, фасада, подвальных помещений, относящихся к общему имуществу; ремонт фундамента многоквартирного дома.

О публично-правовом характере расходов фондов капитального ремонта свидетельствуют закрепленные правовыми нормами правила о финансовом контроле и применении мер принуждения в рассматриваемой области общественных отношений. Прямое указание на необходимость проведения финансового контроля содержится в ряде положений ЖК РФ. В частности, в соответствии со ст. 167 названного акта органы государственной власти субъектов РФ принимают нормативные правовые акты, устанавливающие порядок осуществления контроля за целевым расходованием денежных средств, сформированных за счет взносов на капитальный ремонт, и обеспечением сохранности этих средств. Статья 186 ЖК РФ предусматривает осуществление финансового контроля в отношении регионального оператора.

Вместе с тем не требует доказательства утверждение о том, что не единственным, но важнейшим способом правового обеспечения имущественных интересов лиц, участвующих в формировании и использовании фондов капитального ремонта, выступает их защита в форме установления и применения правовых конструкций принудительного характера [4, с. 9–10], среди которых центральное место занимает юридическая ответственность.

Изложенное является основанием для формулирования вывода о финансово-правовом характере общественных отношений, возникающих в связи с функционированием фондов капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах.

Список литературы:

1. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 169, частей 4 и 7 статьи 170 и части 4 статьи 179 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2016 г. № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 16, ст. 2285.
2. Крупенин, Г.Р. Современные подходы к определению налога как категории юридической науки // Налоги. — 2010. — № 5. — С. 6–9.

3. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства : федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 г. № 93-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 30, ст. 3799; — 2018. — № 18, ст. 2563.

4. Разгильдиева, М.Б. Финансово-правовое принуждение : монография / М.Б. Разгильдиева. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. — С. 9–10.

К.О. Абрамян,
соискатель кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

К.О. Abramyan,
Applicant of Saratov State Law Academy
abramyan.1970@inbox.ru

Сообщение о преступлении как форма социально активного поведения в уголовном праве

***Аннотация:** на уровне уголовного законодательства и правовой доктрины отсутствует системный подход к оценке поступков правоисполнителя, мотивированных желанием достичь полезного результата в уголовно-правовых отношениях. Цель статьи — обоснование сообщения о преступлении как одной из форм социально активного поведения, предусмотренного в уголовном праве. Методологическая основа: диалектический метод как универсальный инструмент познания в сочетании с такими общенаучными и частнонаучными методами, как догматический (формально-логический), системный, социологический. Автором обоснована теоретическая модель социально активного поведения в уголовном праве, под которым предлагается понимать инициированный самим правоисполнителем и совершаемый с благими побуждениями предусмотренный уголовным законом поступок, способствующий решению уголовно-правовых задач, который должен стимулироваться государством. Делается вывод о том, что существуют две формы социально активного поведения в уголовном праве, одной из которых выступает сообщение о преступлении.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовое поведение, социально активное поведение, сообщение о преступлении, недоносительство.*

Efficiency of punishment in the mechanism of legal- regulation: theoretical-criminological analysis

***Abstract:** At the level of the criminal legislation and the doctrine there is no system approach to assessment of the acts of the right performer motivated with desire of achievement of useful result in criminal legal relations. Purpose — justification of the message about crime as one of forms of the social and active behavior provided in penal law. Methodological basis: a dialectic method as the universal instrument of knowledge in combination with such general scientific and chastnonauchny methods, as dogmatic (formal and logical), system, sociological. Results: the theoretical model of social and active behavior in penal law as which it is offered to understand initiated by the right performer and made with good motives the act provided by the criminal law promoting the solution of criminal and legal tasks which has to be stimulated with the state is proved. Conclusions: there are two forms of social and active behavior in penal law, as one of which the message about crime acts.*

***Keywords:** criminal and legal behavior, social and active behavior, message about crime, not informing.*

Российскому уголовному законодательству понятие социально активного поведения не известно. О существовании деяний, способствующих решению задач уголовного права, можно лишь предполагать по смыслу

отдельных уголовно-правовых норм и положений. При обращении к теоретическим изысканиям ситуация кардинально не меняется. На уровне доктрины сложно констатировать наличие системного подхода к оценке поступков правоисполнителя, мотивированных желанием достичь полезного результата в уголовно-правовых отношениях. В связи с этим возникает потребность определить понятие и разновидности социально-активного поведения, обнаруживающегося в уголовном праве. Решить поставленную теоретическую задачу возможно, обратившись к социально-правовой природе, содержанию и формам выражения поведения, имеющего высокое значение для уголовно-правовой охраны личности, общества, государства и предупреждения преступлений.

Согласно науке психологии проявление любой социальной активности предполагает «с одной стороны, ведущее интегративное образование, определяющее прежде всего нравственную направленность личности, с другой — реализующее ее социально ценную деятельность» [1, с. 12]. В уголовно-правовых отношениях нравственную ориентированность личности можно представить как специфическую активность сознания и воли правоисполнителя, обусловленную стремлением защитить значимые блага от общественно опасных посягательств и иных угроз. При этом социально-активное действие нельзя признать заурядным, поскольку движимый благими побуждениями правоисполнитель в уголовно-правовых отношениях выходит за верхний предел нормального среднестатистического поведения. Социальная природа анализируемого вида уголовно-правового поведения отражает выраженное желание правоисполнителя проявить полезную инициативу посредством оказания позитивного воздействия на процесс развития общественных отношений, которые взяты под охрану отраслью уголовного законодательства.

Опираясь на аксиоматичный тезис о том, что УК РФ выступает единственным источником уголовного права в материально-отраслевом смысле, юридически значимые формы социально-активного поведения как разновидности уголовно-правового поведения логично искать в отрасли уголовного законодательства. Однако на сегодняшний день в уголовном законе отсутствует самостоятельная структурная составляющая, содержанием которой возможно было ограничить все проявления социально-активного поведения, поэтому весьма проблематично выявить исчерпывающий перечень социально-активных поступков участников уголовно-правовых отношений, провести четкую границу между деяниями, способствующими решению задач уголовного права и имеющими иное уголовно-правовое значение.

Несмотря на явную завуалированность законодательной позиции по вопросам оценки полезных поступков субъектов уголовно-правовых отношений, установить юридическую природу социально-активного поведения особых сложностей не представляет. Ориентированное на решение задач по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств и предупреждение преступлений, социально-активное поведение однозначно имеет уголовно-правовую природу. Любой поступок человека, отражающийся на результативности

уголовного закона, должен быть обусловлен объемом обязанностей и прав, образующих уголовно-правовой статус правоисполнителя.

Таким образом, модель социально-активного поведения в уголовном праве можно представить как инициированный самим правоисполнителем и совершаемый с благими побуждениями предусмотренный уголовным законом поступок, способствующий решению уголовно-правовых задач, который должен стимулироваться государством. Под заданные параметры социально-активного деяния в уголовном законодательстве подпадают только две формы поведения. Достаточно заметно социально-активное поведение проявляется в форме поступков, совершаемых при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Другой формой социально-активного поведения следует признать добровольное сообщение информации о готовящихся или совершенных преступлениях в компетентные органы. Подобное заявление требует серьезной аргументации, поскольку не вполне согласуется с логикой действующего уголовного законодательства. Рассмотрим этап становления, современную интерпретацию и перспективы развития теории несообщения о преступлении.

Наряду с преступным укрывательством и попустительством, недоносительство по советскому уголовному праву рассматривалось в качестве криминальной формы прикосновенности к преступлению. Согласно ст. 19 УК РСФСР 1960 г. недоносение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влекло уголовную ответственность только в случаях, специально предусмотренных Особенной частью уголовного закона. Норма о недоносительстве была сконструирована таким образом, чтобы правоприменитель мог дать оценку как поведению тех лиц, которые не сообщали в компетентные органы о готовящемся преступлении, так и бездействию лиц, располагавших информацией об уже совершенном преступлении.

Значительный интерес вызывает позиция юристов, работавших в советское время, относительно общественной опасности недоносения о преступлении. Б.Т. Разгильдиев отмечал, что лицо, своевременно не информировавшее правоохранительные органы о готовящемся преступлении, создавало подходящие условия для его завершения. Лицо, своевременно не осведомлявшее компетентные органы о совершенном преступлении, стимулировало продолжение преступной деятельности [2, с. 76]. Таким образом, общественная опасность недоносительства в советский период времени объяснялась созданием благоприятной среды для развития криминала лицами, пренебрегающими своими морально-правовыми обязанностями сообщения о готовящихся или совершенных преступлениях.

Исторически уголовно-правовые нормы и положения, дающие оценку недоносительству, просуществовали до принятия в 1996 г. УК РФ. Российский законодатель на длительное время отказался от криминализации бездействия правоисполнителя, выражающегося в отказе передавать информацию о преступлении и преступнике правоохранительным органам. Комментируя принятое представительной властью решение, Е.В. Пономаренко объяснила его тем, что «Россия стала относить себя к демократическому государству, а в демократических государствах, видимо, неприлично принуждать граждан под угрозой уголовной ответственности доносить о готовящихся или совер-

шенных преступлениях» [3, с. 161]. Вопрос о приличиях применительно к недоносительству автором был поднят исходя из неблагозвучной семантики категории «доносительство», не соответствующей позитивной деятельности человека. При этом Е.В. Пономаренко придерживается позиции о необходимости восстановления уголовно-правовой обязанности оказания помощи правосудию по борьбе с преступностью в новом качестве. Она признает, что такая обязанность в известной степени ограничивает свободу гражданина, в то же время ее реализация не создает опасности жизни, здоровью личности, не затрагивает ее чести и достоинства. Более того, по мнению Е.В. Пономаренко, обозначенная уголовно-правовая обязанность направлена на укрепление нравственности в обществе и государстве [3, с. 161]. Схожие аргументы в поддержку восстановления уголовно-правовой обязанности сообщать о готовящихся и совершенных преступлениях приводит А.Д. Макаров. Несообщение о преступлениях, — отмечает автор, — это «тот случай, когда закон должен опережать современные общественные взгляды, формируя привычную правовую позицию, одобряемую как с моральных, так и с практических точек зрения» [4, с. 129].

Оценка сообщения о преступлении как обыденной морально-правовой обязанности человека представляется весьма противоречивой. На первый взгляд, передача в компетентные органы информации об общественно опасных поступках иных лиц является позитивной деятельностью, способствующей раскрытию и расследованию преступлений. На уровне правоприменения сложно усомниться в ее полезности. Однако установление уголовной ответственности за факт недоносительства предполагает признание действия в форме сообщения о преступлении нормой человеческого поведения. Согласиться с таким выводом сложно. С точки зрения морали и права нормальным поведением среднестатистического человека, ставшего невольным обладателем информации криминального характера, следует признать невмешательство в развитие сложившейся ситуации. Небезосновательно опасаясь возможной мести со стороны лица, готовящего или совершившего преступление, правоисполнитель в большинстве случаев предпочтет не сообщать сведения о его деяниях в правоохранительные органы.

Относительно юридической стороны сообщения о криминальной активности другого лица подчеркнем, что по закону раскрытие и расследование преступлений — функция работников правоохранительных органов. Обычный человек может участвовать в данном процессе исключительно на добровольных началах. Иная ситуация, если гражданин привлекается по уголовному делу в качестве свидетеля. Будучи свидетелем в уголовно-процессуальных отношениях, лицо наделяется обязанностью сообщить все необходимые факты, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела. В то же время до момента получения статуса свидетеля человек должен быть волен самостоятельно принимать решение о том, предоставлять соответствующую информацию в правоохранительные органы или нет.

Таким образом, нормой поведения человека следует считать не информирование компетентных органов о преступлении, а воздержание от сообщения соответствующих сведений. Официальное заявление об

общественно опасных посягательствах других лиц в правоохранительные органы следует рассматривать в качестве поступка правоисполнителя, выходящего за верхний предел среднестатистического поведения.

Вразрез с представленной идеей, спустя 20 лет после отказа от уголовно-правовой оценки недоносительства, в 2016 г. законодателем была установлена уголовная ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1– 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361 УК РФ. Таким образом, после длительного перерыва была возобновлена уголовно-правовая обязанность граждан по оказанию активной помощи правоохранительным органам в поиске преступников, причастных к террористической деятельности.

Оставляя без внимания детали новой уголовно-правовой нормы, обратимся к сущности принятого законодателем решения. Вряд ли его можно признать оправданным и отвечающим социальному запросу по борьбе с преступностью. Справедливо заключение М.М. Лапунина о том, что «если раньше лицо, сообщившее о террористе, с полным правом могло считать себя в некоторой степени героем, теперь, исходя из позиции законодателя, это рядовой поступок, ведь если не сообщишь — ты преступник» [5, с. 212]. Никаких оснований для столь радикальной переоценки деяния в форме несообщения о преступлении не было. Исключительно по воле представителей государственной власти сообщение о преступлении приобрело вид искусственной нормы поведения правоисполнителя, не отражающей реального положения вещей.

Включив в УК РФ ст. 205.6, законодатель сделал огромный шаг назад к практике необоснованного использования ресурсов уголовного права для принуждения граждан к участию в деятельности по изобличению преступников. При этом уголовно-правовое принуждение к сообщению о преступлении опасно тем, что напрямую затрагивает естественную свободу личности. Не имеющий никакого отношения к готовящемуся или совершенному преступлению человек в созданном уголовно-правовом поле может стать заложником сложившихся обстоятельств. Определяющее значение в реанимированной форме прикосновенности к преступлению приобрело не конкретное поведение правоисполнителя, а совершенно случайное жизненное событие, способствующее непроизвольному получению информации криминального содержания. В сконструированном механизме реализации уголовно-правовой обязанности сообщения о преступлении юридический факт напоминает опасную лотерею, невольной жертвой которой может стать любой гражданин. Практически невозможно предугадать, кому из правоисполнителей станет известно о готовящемся или совершенном преступлении. В связи с этим установление уголовной ответственности за несообщение о преступлении является проявлением того законодательного решения, когда цель (изобличение преступника) не оправдывает средств ее достижения (ограничение свободы личности).

Если государство признает необходимость участия общественности в процессе изобличения преступников, то сообщение о преступлении вполне закономерно должно быть объявлено формой социально активного поведения. Юридически такое концептуальное решение предполагает полную декриминализацию несообщения о преступлении и установление за передачу информации о готовящемся или совершенном преступлении в компетентные органы конкретного поощрения со стороны государства. Предвосхищая результаты предлагаемых нововведений, можно с уверенностью утверждать, что стимулирование сообщения о преступлениях путем государственного поощрения в разы увеличит включенность граждан в процесс противодействия преступности. Как отмечает Л. Брусницын, «по зарубежным данным количество сообщений граждан о преступлениях существенно повышается при одновременном материальном вознаграждении заявителей и сохранении их анонимности» [6, с. 33]. Необходимость передачи информации о преступной деятельности других лиц перестанет быть тяжелым бременем для человека, ставшего невольным обладателем соответствующих сведений криминального содержания. В конечном итоге уголовный закон приобретет системный вид, отвечающий современному духу либерализации уголовного права.

В уголовно-правовой литературе некоторые авторы высказываются против поощрения граждан, добровольно сообщающих о преступлениях. Так, по мнению О.В. Глуховой, «активность граждан в борьбе с преступностью должна быть итогом не корыстной заинтересованности с их стороны, а высокого уровня правовой культуры, осознания ими необходимости оказания помощи правоохранительным органам в их деятельности» [7, с. 75]. С ней солидарен В.Г. Трифонов, который считает декриминализацию несообщения о преступлении серьезной ошибкой законодателя во многом в силу актуализации «сомнительных форм стимулирования сообщений о преступлении — информирование за материальное вознаграждение, что с моральной точки зрения не всегда можно считать оправданным» [8, с. 20]. По логике авторов, исключительно моральные качества человека должны стимулировать сообщения о совершении преступлений другими лицами.

Признание сообщения о преступлении инициативным общественно полезным поступком, нуждающимся в вознаграждении со стороны государства, актуализирует вопрос о нахождении положений о данной форме социально-активного поведения в содержании уголовного закона. Ближе всего по своей природе они к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Именно в главе 8 УК РФ решается принципиальный вопрос об оценке разновидностей социально-активного поведения. Предлагаемое заключение вполне предсказуемо может встретить критику со стороны научной общественности, поскольку на первый взгляд сообщение информации о преступлении больше тяготеет к содержанию уголовно-процессуальных отношений. Следует признать данный факт, однако только отчасти. История свидетельствует о неоднозначном подходе законодателя к уголовно-правовой оценке несообщения о преступлении, поэтому в своих

материальных аспектах уголовное право должно однозначно определиться с сущностью деяния в форме сообщения о преступлении.

Исходя из изложенного можно сформулировать ряд выводов, имеющих существенное значение для проводимого нами исследования.

1. Модель социально-активного поведения в уголовном праве представляет собой инициированный самим правоисполнителем и совершаемый с благими побуждениями предусмотренный уголовным законом поступок, способствующий решению уголовно-правовых задач, который должен стимулироваться государством.

2. Нормой поведения человека следует считать не информирование компетентных органов о преступлении, а воздержание от сообщения в них соответствующих сведений. Официальное заявление об общественно опасных посягательствах других лиц в правоохранительные органы необходимо рассматривать в качестве поступка правоисполнителя, выходящего за верхний предел среднестатистического поведения. Одной из форм социально-активного поведения следует признать добровольное сообщение информации о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях в компетентные органы.

Список литературы:

1. Антилогова, Л.Н. Нравственная активность как форма социальной активности личности // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 300-летию г. Омска (Омск, 6–7 октября 2016 г.). — Омск, 2016. — С. 11–14.

2. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению / Б.Т. Разгильдиев. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. — 111 с.

3. Пономаренко, Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Пономаренко. — Саратов, 2007. — 228 с.

4. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук / А.Д. Макаров. — М., 2004. — 176 с.

5. Лапунин, М.М. Вперед — в прошлое: к вопросу о криминализации недоносительства // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : материалы всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. — Рязань, 2016. — С. 210–212.

6. Брусицын, Л. Поощрение за сообщения о преступлениях // Законность. — 2000. — № 2. — С. 32–33.

7. Глухова, О.В. Уголовная ответственность за недоносительство и укрывательство преступлений / О. В. Глухова. — Брест : БрГУ, 2010. — 247 с.

8. Трифонов, В.Г. Заранее не обещанное укрывательство преступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Г. Трифонов. — СПб., 2000. — 26 с.

К юбилею Е.Е. Тонкова
For the anniversary of E.E. Tonkova

Евгений Евгеньевич Тонков родился 14 ноября 1958 г. в с. Солнцево-Дубраво Рамонского района Воронежской области.

В 1975 г. поступил на 1-й курс Белгородского технологического института строительных материалов. По специальности работать не стал, поступив на службу инспектором Октябрьского районного отдела внутренних дел г. Белгорода. За 22 года службы в милиции был оперуполномоченным, начальником отделения по борьбе с экономическими преступлениями, руководителем криминальной милиции района. Юридическое образование Е.Е. Тонкову пришлось получать заочно в Харьковском университете внутренних дел. В 1989 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Формирование у старшеклассников ответственного отношения к государственной собственности».

В 1999 г. Евгений Евгеньевич переходит работать на должность доцента в Белгородский юридический институт МВД России и в 2000 г. защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук на тему «Теоретические основы педагогического управления организационными конфликтами (на материале правоохранительной деятельности)».

После защиты диссертации Е.Е. Тонков назначается на должность начальника кафедры организации борьбы с незаконным оборотом наркотиков Белгородского юридического института МВД России, в скором времени становится полковником милиции, Почетным сотрудником МВД. В 2001 г. ему присваивается ученое звание «профессор по кафедре оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел».

В 2002 г. Евгений Евгеньевич переходит на работу в Белгородский государственный университет и избирается деканом юридического факультета, профессором кафедры теории и истории государства и права. В 2004 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Юридический центр» по результатам научно-исследовательской деятельности в период службы в должности начальника кафедры ОБНОН БелЮИ МВД России публикует монографию «Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества», которая получила значительный общественный резонанс. В 2005 г. в Орловской региональной академии государственной службы Е.Е. Тонков защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Государственная политика противодействия наркотизации российского общества (политико-правовое исследование)».

Последующие годы наиболее плодотворны в научном творчестве Е.Е. Тонкова. В центральных издательствах публикуется ряд его монографических исследований, таких как «Трансформация юридических форм государственной деятельности в период экономического кризиса» (М., 2009), «Юридические формы государственной деятельности: развитие в условиях

политико-правовой модернизации» (М., 2010), «Модернизация юридических форм государственной деятельности» (М., 2011), «Правозащитная функция государства: вопросы теории» (Ростов н/Д, 2012) и др.

В своих многочисленных научных трудах (более 300) Е.Е. Тонков выдвинул и обосновал идею государства созидającego как альтернативы государства корпоративного, разработал понятие и содержание правозащитной функции государства, авторскую классификацию юридических форм государственной деятельности на основе новых оригинальных критериев, ввел в терминологический оборот правоведения дефиницию «дискретная функция государства». Он последовательно выступает сторонником критического отношения к обозначившейся в правоведении тенденции постоянного расширения перечня комплексных отраслей права, посвятив этому несколько публикаций, в том числе статью «Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства» («Журнал российского права». 2016. № 11, в соавторстве с В.С. Синенко).

В 2016 г. Е.Е. Тонков стал инициатором и одним из ведущих авторов коллективной монографии белгородских и московских правоведов «Государство созидające: юридическая модель и современные риски». (М., 2016). Под научным руководством Евгения Евгеньевича защищена 1 докторская и 15 кандидатских диссертаций. В 2008 г. Указом Президента РФ Е.Е. Тонкову присвоено звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», а в 2018 г. за многолетний добросовестный труд и в связи с 25-летием создания Юридического института НИУ «БелГУ» он награжден медалью «За заслуги перед Землей Белгородской».

С 2013 г. Е.Е. Тонков является директором Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, долгие годы входит в состав Наблюдательного совета университета и Научно-консультативного совета при Белгородском областном суде. Кроме того, он заместитель главного редактора научного рецензируемого журнала «Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право», член редколлегии журнала «Пробелы в российском законодательстве», председатель объединенного диссертационного совета Д 999.104.03 по юридическим наукам, созданного на базе ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

От имени Саратовского филиала Института государства и права РАН, с которым Юридический институт НИУ «БелГУ» поддерживает прочные конструктивные отношения, поздравляю Евгения Евгеньевича Тонкова, доктора юридических наук, доктора педагогических наук, заслуженного юриста Российской Федерации с юбилеем, желаю ему научного долголетия и дальнейших творческих успехов.

А.В. Малько,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,*

*главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь»,
директор Саратовского филиала*

ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»
